СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ X СЪЕЗДА ПАРТИИ

Э. Генкина

В марте этого года исполнилось двадцатилетие X съезда партии, который вошел в историю нашей страны и большевистской партии как крупнейшая историческая веха. Съезд собрался на крутом переломе в жизни страны: закончилась одна полоса в истории молодой Советской республики, полоса, всецело занятая войной, и началась полоса перехода на рельсы мирного хозяйственного строительства.

После победы Октябрьской социалистической революции X съезд партии был первым съездом, который собрался в условиях, когда на территории нашей страны основные силы интервенции были разгромлены.

После разгрома белополяков и Врангеля в газетах была опубликована последняя оперативная сводка с фронта военных действий. С 14 декабря 1920 г. дальнейший выпуск сводок полевым штабом Реввоенсовета республики был прекращен.

В передовой «Спокойствие на фронтах, работа в тылу» «Правда» 7 декабря 1920 г. писала:

«Наши военные сводки все чаще и чаще превращаются в сухую и короткую формулу: на фронтах все спокойно. Таких сводок еще не было в истории нашей революции, ибо не было «ни дня, ни часа», когда наша республика не подвергалась бы вооруженному нападению со стороны своих бесчисленных вооруженных противников. Такие сводки появляются в первый раз. Конечно, много еще неожиданностей ждет нас впереди. Но уже одно то обстоятельство, что у нас может хоть несколько дней на всех фронтах все находиться в состоянии спокойствия, говорит, что мы вступили в новую полосу. Именно поэтому у нас создается теперь новый фронт, который абсолютно далек от какого бы то ни было покоя: это фронт труда, фронт борьбы с разрухой».

Названия «новый фронт», «новая война» вовсе не были просто образными выражениями, отголоском военно-коммунистической терминологии. Ленин неустанно подчеркивал, что, переходя от войны к миру, «мы беремся воевать дальше, переходим к войне экономической». «Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического» [1].

«Раньше у нас были военные сводки,— говорил тов. Орджоникидзе 14 января 1921 г. на широкой конференции работников нефтяной промышленности в Баку.— Значение наших побед мы определяли количеством пленных и трофеев. Теперь настало время других, хозяйственных сводок... Наши победы теперь — в таких сводках, и в газетах мы вместо военной будем искать теперь другую сводку — трудовую. Как раньше Красная армия радовала нас занятием городов и количеством пленных, так теперь в трудовой сводке нас будет радовать, какие города воскресил бакинский пролетарий добытой им нефтью и сколько фабрик и заводов благодаря этому начало работать» [2].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 511.

[2] Г. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи, стр. 99. 1939.

Уже в конце 1920 г., за несколько месяцев до X съезда, партия дала директиву перестраивать военный, боевой фронт на хозяйственный. Но перевод страны с военного на мирный лад представлял огромные трудности в той сложнейшей внутренней и международной обстановке, которая создалась к весне 1921 года.

Март 1921 года... Требуется большое усилие ума, чтобы представить сейчас, 20 лет спустя, нашу страну такой, какой она была тогда. Во время гражданской войны, которая происходила на территории Советской республики, иногда значительная часть ее территории на многие месяцы попадало в руки белогвардейцев и интервентов. Известно, как хозяйничали империалисты и белые генералы на захватываемых ими территориях: они разрушали все на своем пути. Как образно говорил представитель советской делегации на Генуэзской конференции, империалисты, ворвавшись в наш дом, переломали всю мебель, разбивали стекла в окнах, срывали двери с петель, убивали наших детей, грабили страну, стремясь довести ее до полной нищеты и разорения. Мы получили в результате гражданской войны разрушенный дом, в котором все надо было заново восстанавливать и заново оборудовать. Взорванные мосты, разрушенные железные дороги, кладбища паровозов, потухшие домны, остановившиеся или работающие на неполную мощность фабрики и заводы, разоренное сельское хозяйство, голод, эпидемии, недостаток всего необходимого — вот какое наследство оставила нашей стране иностранная военная интервенция и гражданская война.

В этом заключалась первая серьезная трудность перехода от войны к миру. Надо было, как указывал Ленин, начинать «с маленького, маленького процента—процента довоенного» [1], постепенно залечивать раны, восстанавливать разрушенное хозяйство страны, чтобы на этой основе двигаться дальше к решению задач построения фундамента социалистической экономики.

Вторая трудность перехода от войны к миру заключалась в том, что враги внутри и вне страны, потерпев поражение в открытой войне, вовсе не сложили оружия. Они перешли лишь к новым, более изощренным и замаскированным методам борьбы.

«...Враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж» [2],—говорил Ленин в 1921 году.

Вражеских полчищ на фронте уже не было, но появилась новая, как будто менее заметная, но в действительности еще большая опасность со стороны таких врагов, как сухаревские спекулянты, кронштадтские мятежники, кулацкие бандиты и поддерживающие их меньшевики и эсеры, троцкисты и бухаринцы. Враждебным было капиталистическое окружение нашей страны, враждебной была мелкобуржуазная стихия внутри страны, которая могла захлестнуть пролетарское государство.

«Враг в данную минуту и на данный период времени,— указывал Ленин,— не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обыденщина экономики в мелко-крестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи. Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат. А мелкобуржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно-могущественная» [3].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 362.
[2] Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 282.
[3] Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 6—7.

Разгул мелкобуржуазной стихии, тяжелое экономическое положение страны, слабость и распыленность пролетариата, недовольство крестьянства системой продразверстки, проявившееся с особой силой, когда гражданская война кончилась, сопротивление врагов — все это создавало огромные трудности политической обстановки в стране весной 1921 года.

В конце 1920 и в начале 1921 г. по стране прокатилась мутная волна кулацких мятежей. Заседания X съезда партии открылись в условиях, когда в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж, и 300 делегатов съезда во главе с тов. Ворошиловым были брошены на его подавление.

В этих труднейших условиях враги внутри партии вновь подняли голову, организуя очередную атаку против партии. Открытые белогвардейцы, меньшевики и эсеры в свою очередь использовали разногласия внутри партии для осуществления своих контрреволюционных целей.

Наконец, ко всем этим трудностям перехода от войны к миру прибавлялась опасность роста настроений, что пришла пора «отдохнуть», можно ослабить дисциплину и т. д.

«Пока шла война,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,— люди мирились с этими недостатками и нехватками, а иногда даже переставали их замечать. Но теперь, когда войны не стало, люди вдруг почувствовали нестерпимость этих недостатков и нехваток и стали требовать немедленного их устранения» [1].

С другой стороны, довольно сильно давали еще себя знать в период перехода от войны к миру многие изжившие себя методы и традиции военно-коммунистической работы.

«Война приучила нас, всю нашу страну, сотни тысяч людей,— говорил Ленин,— только к военным задачам» [2].

Надо было **повернуть** прежде всего и раньше всего партию и трудящихся нашей страны к новым условиям, задачам и методам работы, соответствующим новой полосе развития. Партия подготавливала этот поворот еще задолго до X съезда. Огромное значение в этом отношении имел VIII всероссийский съезд советов, хотя он и не определил перехода к новой экономической политике.

Во всех партийных решениях, в печати, особенно начиная с конца 1920 г., центр внимания переносится на хозяйственные вопросы. Достаточно показательны в этом отношении хотя бы только одни названия передовых «Правды» начала 1921 г.: «Борьба за металл» (4 января 1921 г.), «Хозяйственные задачи и просвещение» (6 января), «С военного фронта на трудовой» (13 января), «Партия и демобилизация» (21 января), «На топливо» (25 января), «В деревню» (27 января), «Разруха и самодеятельность» (6 февраля), «Продовольственный налог» (16 марта), «Еще раз о керосине и соли» (3 апреля), «Лен и пенька» (15 мая) и т. д.

2 марта 1921 г., за несколько дней до открытия съезда, «Правда» вышла со следующими лозунгами:

«Труд — отец всякого богатства, земля — его мать. Дружным трудом вспашем, взбороним, засеем, удобрим кормилицу-землю!».

«Все за дело, кто хочет из нищей сделать богатой трудовую республику!»

Но для того, чтобы по-настоящему повернуть весь народ к решению новых задач, для того, чтобы действительно добиться осуществления поставленных задач, **нужна была прежде всего новая установка партии по всем вопросам хозяйственной жизни страны, нужен был переход к новой экономической политике.**

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 238. 1938.

[2] Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 204.

X съезд партии вошел в историю как съезд, определивший переход от продразверстки к продналогу, от военного коммунизма к новой экономической политике.

«В этом повороте от военного коммунизма к нэпу сказалась вся мудрость и дальновидность ленинской политики» [1].

После окончания гражданской войны политика военного коммунизма пришла в столкновение с интересами широких масс крестьянства. В новых условиях требовалась другая основа для укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Такой новой основой хозяйственно-политического союза рабочих и крестьян был переход к нэпу, выразившийся прежде всего в замене продовольственной разверстки продовольственным налогом.

Ленин говорил в своем докладе на X съезде партии о том, что нужно начать с замены разверстки налогом для того, чтобы дать возможность крестьянину распоряжаться своими излишками, выбросить их на рынок, и тем самым создать хозяйственную заинтересованность у крестьянина для повышения производительности труда и поднятия сельского хозяйства. Партия знала, что допущение свободы торговли, которая была запрещена в годы гражданской войны, приведет к неизбежному оживлению капиталистических элементов в стране. Но партия считала, что не надо этого бояться, ибо новая экономическая политика, как указывал товарищ Сталин, рассчитана не только на допущение капиталистических элементов, а прежде всего на борьбу между капиталистическими и социалистическими элементами, на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, на полную победу социализма и построение социалистического общества.

Новая экономическая политика — это путь к социализму — в этом основной смысл нэпа, указывали Ленин и Сталин. Партия вела решительную борьбу со всеми враждебными, антипартийными группками, которые раньше пытались сорвать переход к нэпу, а потом, после X съезда партии, хотели исказить подлинную природу новой экономической политики, изображая нэп как путь к капитализму, как отступление.

Определив крутой поворот в политике партии, X съезд своими решениями обеспечил такую перестройку и такое сплочение рядов партии и рядов трудящихся, которые были необходимы для реализации на деле этого поворота.

Все вопросы повестки дня съезда, все решения съезда тесно и неразрывно связаны между собой.

Если в годы гражданской войны партия подымала всех трудящихся нашей страны на отечественную войну против интервентов и белогвардейцев, то теперь, в новых условиях, надо было поднять весь советский народ для борьбы на новом фронте — фронте хозяйственном. Надо было сплотить, спаять, объединить все силы для решения задач социалистического строительства на основе нэпа.

Укрепление союза рабочих и крестьян, сплочение крестьянства вокруг рабочего класса и вокруг партии достигались решением X съезда партии о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом.

Решения X съезда партии заложили основу этого нерушимого союза рабочих и крестьян, который никакие силы в мире не расторгли и не смогут расторгнуть.

Но мало было укрепить на новой основе союз рабочих и крестьян: в условиях вступления в новую полосу развития важнейшая задача заключалась и в том, чтобы максимально сплотить, объединить, поднять на борьбу с разрухой силы рабочего класса — основы пролетарского государства.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 244.

«Для того, чтобы двинуть миллионы рабочего класса против хозяйственной разрухи,— писал товарищ Сталин,— необходимо поднять инициативу, сознательность, самодеятельность широких масс, необходимо убедить их на конкретных фактах, что хозяйственная разруха представляет столь же реальную и смертельную опасность, какую представляла вчера опасность военная, необходимо вовлечь миллионы рабочих в дело возрождения производства через демократически построенные профсоюзы» [1].

Профсоюзы играли решающую роль в деле сплочения сил рабочего класса, являясь приводным ремнем от партии к широким слоям рабочих. Но для того, чтобы выполнить эти задачи, профсоюзы должны были стать в подлинном смысле слова школой: школой управления, школой хозяйствования, школой коммунизма. Профсоюзы, как указывали Ленин и Сталин, смогут поднять рабочий класс против хозяйственной разрухи, сплотить его вокруг партии только в том случае, если они будут действовать не путем военных приказов, а путем убеждения и воспитания рабочих в духе коммунизма, коммунистической дисциплины труда.

Не случайно поэтому, что именно в конце 1920 — начале 1921 г., в период перехода к нэпу, враги партии во главе с Троцким выступили против ленинско-сталинской линии в вопросе о профсоюзах. Они навязали партии дискуссию, которую Ленин называл «непозволительной роскошью», отвлекающей внимание партии от главного, т. е. от перехода к нэпу.

Основной политический смысл дискуссии заключался, как было отмечено в решениях январского Пленума ЦК РКП(б) 1925 г., в борьбе вокруг вопроса — о подходе партии к массе в полосу, когда гражданская война уже кончалась.

Ленинско-сталинская платформа о профсоюзах определяла такой подход партии к массам, который обеспечивал максимальное сплочение сил рабочего класса вокруг партии. Троцкистская платформа и все другие платформы, выдвигавшиеся антипартийными группировками, как бы они друг от друга внешне ни отличались, преследовали другую цель — расколоть рабочий класс, подорвать доверие к партии, помешать сплочению сил, за которое боролась партия.

Но враги просчитались. Партия дала им решительный отпор. X съезд принял и утвердил ленинско-сталинскую резолюцию по вопросу о профсоюзах. Этим решением съезда обеспечивалось то сплочение и единство рядов рабочего класса, без которого невозможна была победа на фронте социалистического строительства.

Той же задаче — сплочению сил трудящихся — служило и решение X съезда по национальному вопросу, принятое по докладу товарища Сталина.

Товарищ Сталин во весь рост поставил в своем докладе вопрос о ликвидации тяжелого наследия прошлого — хозяйственной, политической и культурной отсталости ранее угнетавшихся царизмом народов. Товарищ Сталин заострил внимание съезда на необходимости самой решительной борьбы с антипартийными уклонами в национальном вопросе: местным буржуазным национализмом и великодержавным шовинизмом, — подчеркнув, что последний уклон является главной опасностью на данном этапе.

В докладе товарища Сталина был поставлен также вопрос о необходимости государственного союза всех национальностей нашей страны для решения задач социалистического строительства и обороны советского государства от империалистических покушений.

---

[1] И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 10. 1928.

Изгнание с советской земли в конце 1920 г. белогвардейцев и интервентов (за исключением Дальнего Востока) дало возможность во всю ширь поставить задачу объединения в мощный союз всех национальных республик и областей нашей необъятной родины.

«Три года мы отстаивали нашу страну и три года собирали ее по кусочкам,— писала «Правда» в передовой от 22 декабря 1920 года.— Теперь из этих кусочков, на которых сидели англичане, французы, поляки, Дутов, Каледин, Краснов, Деникин, Врангель, Колчак, Семенов, или Юденич, а то еще какой-нибудь генерал — из этих городов и деревень, сел и земель построили мы великую, освобожденную от капитала и помещика рабоче-крестьянскую державу. Никто, кроме рабочего класса и крестьянства, не мог собрать России: ни помещики, ни капиталисты, ни эсеровские учредиловцы. Только действительно трудовая власть могла спаять железным обручем распавшиеся кусочки».

В течение 1920—1921 гг. национальное строительство приняло необычайно широкий размах. Незадолго до X съезда партии стала советской Грузия. В Белоруссии, на Украине, в Азербайджане, Армении и других национальных республиках развертывалось советское строительство. В 1920 г. были созданы новые автономные советские республики в составе РСФСР: Киргизская, Татарская, Туркестанская, Горская, Дагестанская — и ряд автономных областей. И всюду, во всех советских республиках, с каждым днем все более и более росла тяга к единству, к сплочению сил всех национальностей страны для решения задач социалистического строительства.

В тезисах к X съезду партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» товарищ Сталин писал: «Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, — повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от «своей» и «чужой» буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят» [1].

Указание товарища Сталина на необходимость тесного государственного союза всех национальностей нашей страны было полностью и до конца реализовано в 1922 г., с созданием Союза Советских Социалистических Республик.

Таким образом, основные решения X съезда партии: о замене продразверстки продналогом, о профсоюзах, по национальному вопросу — осуществляли выполнение решающей и важнейшей задачи — укрепления союза рабочих и крестьян, сплочения сил рабочего класса, сплочения всех национальностей нашей страны для строительства социализма на основе нэпа.

Но борьбу за сплочение рядов всех трудящихся партия, естественно, начинала с основного — со сплочения своих собственных рядов. Поэтому такое исключительное место занимает в решениях X съезда партии историческая ленинская резолюция «О единстве партии».

Открывая X съезд партии, Ленин во вступительной речи сказал: «Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги,— а имя им легион,— во всех своих бесчисленных заграничных органах повторяют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши бур-

[1] И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 91—92. 1939.

жуазные и мелкобуржуазные враги распространяют здесь, внутри Советской республики, а именно: если дискуссия—значит споры, если споры—значит раздоры, если раздоры — значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением! Это сделалось лозунгом враждебного нам мира» [1].

Железное единство и сплоченность партии являются решающим условием для выполнения задач, стоящих перед страной, говорил Ленин во вступительной речи на X съезде партии. Свою речь он закончил таким обращением к делегатам съезда: «И я уверен, что выражу намерение и твердое решение всех вас, если скажу: с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда во всяком случае!» [2].

Это требование Ленина съезд выполнил. Съезд осудил все оппозиционные группировки, указав, что они «ослабляют выдержанную руководящую линию коммунистической партии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции» [3].

Резолюция «О единстве партии» предписывала немедленно распустить все фракции и группировки и предлагала всем партийным организациям строго следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Невыполнение этого постановления съезда влекло за собой безусловное и немедленное исключение из партии.

Резолюция разоблачала своеобразие новейших тактических приемов врагов советской власти, в частности во время кронштадтского контрреволюционного мятежа. «Эти враги, убедившись в безнадежности контрреволюции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП, двинуть контрреволюцию так или иначе путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию советской власти» [4].

Ленинская резолюция «О единстве партии» с особой силой подчеркивала исключительное значение сплоченности и единства рядов партии в тех сложнейших и труднейших условиях, которые имели место в начинающийся новый период.

Позже, на XIII партийной конференции, товарищ Сталин говорил: «Нам, в нашей обстановке капиталистического окружения, нужна даже не только единая, не только сколоченная, но настоящая стальная партия, способная выдержать натиск врагов пролетариата, способная повести рабочих на решительный бой» [5].

Ленинская резолюция «О единстве партии» и обеспечивала такое укрепление рядов партии, которое необходимо было для победоносного решения всех предстоящих задач.

Еще одно важнейшее положение красной нитью проходит через все решения съезда — охрана экономической и политической независимости советского государства от всех посягательств империалистических держав.

Известно, что переход к новой экономической политике вселил надежду в умы буржуазии и ее агентов на возможность воспользоваться историческим поворотом в жизни Советской республики, чтобы удушить ее если «не дубьем, то рублем».

Съезд в своей резолюции «Советская республика в капиталистическом окружении» в ответ на эти тайные надежды капиталистов записал: «Капиталистические державы в течение трех лет путем вооруженных

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 200.
[2] Там же, стр. 201.
[3] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 367. 6-е изд. 1940.
[4] Там же, стр. 365.
[5] И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 66.

нападений пытались ниспровергнуть советскую власть, низвести Россию до роли колонии и, таким образом, превратить русское сырье и русских рабочих и крестьян в источник прибыли для иностранного капитала. Геройскими усилиями трудящихся Советская республика отбила эти попытки и тем завоевала себе возможность вступить в общение с капиталистическими государствами как независимое государство, на основе взаимных обязательств политического и торгового характера» [1].

В заключение в резолюции указывалось, что «охрана экономической и политической независимости всех территорий Советской республики... должны составлять основные условия каких бы то ни было соглашений с капиталистическими государствами или группами» [2].

Это решение съезда подкреплялось постановлением по военному вопросу, в котором подчеркивалась необходимость всемерного укрепления Красной Армии несмотря на проводимую демобилизацию.

Итак, все решения X съезда партии преследовали осуществление одной цели, одной великой задачи: определить пути социалистического строительства в нашей стране в новых условиях и добиться такого сплочения сил партии, рабочего класса, крестьянства, всех национальностей, которое обеспечило бы полную экономическую и политическую независимость Советской республики и построение социализма в СССР.

Вооруженная решениями X съезда, тесно связанная с массами, сплоченная и единая, партия шла к новым историческим победам.

Двадцать лет отделяют нас от X съезда партии. С гордостью оглядываемся мы на пройденный за это время путь.

На X съезде партии закладывались основы новой экономической политики. На протяжении 20 лет, истекших со времени созыва X съезда партии, новая экономическая политика в основном выполнила свою задачу. Россия нэповская стала Россией социалистической. Мы вступили в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

X съезд партии боролся за максимальное сплочение сил рабочего класса и крестьянства вокруг партии. Это сплочение достигло сейчас своей высшей ступени, высшего воплощения в морально-политическом единстве советского народа.

X съезд партии указал на необходимость государственного союза всех национальностей нашей страны. Великое содружество 16 советских республик под солнцем Сталинской Конституции наглядно показывает, как осуществлялась и претворялась в жизнь сталинская резолюция X съезда партии по национальному вопросу.

На протяжении всех 20 истекших лет во время ожесточенной борьбы с врагами всех мастей партия всегда как знамя высоко поднимала ленинскую резолюцию «О единстве партии». И впредь эта резолюция будет сильнейшим оружием для борьбы с врагами, покушающимися на единство и монолитность великой партии Ленина—Сталина.

Прекрасен, величественен путь, пройденный страной и партией за истекшие со времени X съезда 20 лет! Впереди еще много новых грандиозных задач, к решению которых зовет нас партия. Каждый трудящийся Советской страны, каждый член великой партии Ленина—Сталина твердо знает, что стоящие перед нами задачи будут решены так же неуклонно, твердо и последовательно, как были осуществлены и претворены в жизнь исторические решения X съезда большевистской партии.

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях...» Ч. 1-я, стр. 390.
[2] Там же, стр. 391.

СТАТЬИ

ТРЕТИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ *

(Январь 1918 г.)

Е. Городецкий

БОРЬБА ВОКРУГ СОЗЫВА СЪЕЗДА

Сильные, тридцатиградусные морозы зимой 1917—1918 г., казалось, убили в Петрограде всякую жизнь. Замерзали водопроводные трубы, гас электрический свет. Остановились трамваи.

Но в революционной столице кипела жизнь. Из Смольного тянулись нити во все концы необъятной страны. Отсюда посылались отряды Красной Гвардии на помощь рабочим, солдатам и крестьянам Дона, Украины, Урала. Здесь находился штаб революционных советских войск, победоносно уничтожавших гнезда контрреволюции на юге, западе и востоке.

Украинское советское правительство успешно громило силы контрреволюционной Рады. Советские войска приближались к Киеву. На Дону трудовое казачество и отряды донецких шахтеров, московской и петроградской Красной Гвардии наносили последние удары Каледину. Уральские рабочие добивали дутовские банды.

Триумфальное шествие советской власти приближалось к завершению.

Необходимо было подвести итоги первому этапу борьбы, записать завоеванное, закрепить победу.

Эти задачи и должен был выполнить III съезд советов.

Вопрос о созыве III съезда советов. обсуждался 22 декабря 1917 г. на заседании ВЦИК. Съезд советов большевики предложили противопоставить Учредительному собранию.

«Центральный Исполнительный Комитет,— гласила резолюция большевиков, — считает необходимым всей организационной силой Советов поддержать левую половину Учредительного Собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины и в этих целях постановляет: созвать на 8 января третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, и 12 января — третий Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов» [1].

Огромным большинством голосов при 2 против и 2 воздержавшихся принимается решение о созыве III съезда советов на 8 января в Петрограде.

Контрреволюция прекрасно понимала, что съезд советов окончательно похоронит Учредительное собрание, покончит с иллюзиями буржуазного демократизма и парламентаризма.

В тревоге зашевелились эсеры и меньшевики. 23 декабря в Петрограде собралась кучка эсеров и меньшевиков, которые именовали себя

---

* По материалам секретариата редакции «Истории гражданской войны».

[1] Протоколы заседаний ВЦИК второго созыва, стр. 177. М. 1918.

«ВЦИК 1-го созыва». На этом заседании эсеры и меньшевики наметили три метода борьбы с советами:

1. Созыв съезда эсеро-меньшевистских советов и комитетов с целью противопоставления его III съезду советов.

2. Создание сильной группы эсеров и меньшевиков на III съезде советов с целью срыва съезда.

3. Подготовка вооруженной борьбы для свержения советской власти.

Выступления на заседании самозванного ВЦИК выявили полную растерянность и развал в рядах предателей. «Вся жизнь застыла, все замерло,— плакался энесовец Бронзов.— Наши проиграют... Мы не соберем на съезде компактной массы, которая боролась бы с большевиками» [1].

«Наша ближайшая задача — срыв съезда,— заявил эсер Сарычев.— Надо собирать вооруженную силу, которая поможет нам свергнуть большевистскую власть. Если мы не можем собрать такую силу, то мы должны послать тотчас делегатов на их съезд» [2]. Сарычев предложил шире использовать демагогию и идти в массы с лозунгами: «Земля и мир!», «За переход фабрик в руки рабочих!» В своих предложениях использовать против большевиков большевистские же лозунги Сарычев договорился до необходимости создания своего органа, подобного «Правде», и назвать этот орган «Истина».

На этом же заседании подпольного ВЦИК открыто раздавались призывы к развертыванию террористической деятельности.

«Мы пришли в состояние развала и никакой политической роли не играем,— откровенно признал эсер Гамбаров.— Если мы пойдем на съезд, мы будем в меньшинстве и свяжем себя с большевиками. Я против этой тактики. Я стою за активное воздействие, за идею Учредительного собрания, и тут мы должны знать, что нам придется итти на борьбу физическую. Мы должны срывать каждый организационный шаг большевиков» [3] (разрядка моя. — *Е. Г.*).

Гамбаров проболтался: тайная подготовка к террористическим актам против большевиков давно уже велась среди эсеров.

В Петрограде под руководством эсеров была создана контрреволюционная офицерская террористическая организация. Во главе организации стоял один из руководителей военной комиссии партии эсеров, который в террористической шайке носил кличку «старый эсер».

Расставив своих агентов, шайка террористов следила за каждым шагом Ленина. Один из участников контрреволюционной организации сумел проникнуть в Смольный и наблюдал за всеми выездами В. И. Ленина.

1 января 1918 г. В. И. Ленин должен был выступить на митинге в Михайловском манеже. Митинг был посвящен проводам красногвардейцев на фронт.

К восьми часам вечера, утомленный после напряженного дня, В. И. Ленин приехал на митинг.

В слабо освещенном манеже собрались тысячи энтузиастов, идущих по зову партии в ряды социалистической армии. Красногвардейцы восторженно встретили Ленина. «Люди в шеренгах кричат и кричат, и не хотят остановиться и тянут «ура», как молитву, и молитва растет, и дух величайшего одушевления царит над этой кучкой и над этим человеком» [4],— так записал свои впечатления враг революции, который

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 24, д. № 76, л. 1.
[2] Там же, лл. 3—4.
[3] Там же.
[4] Цит. по книге Бонч-Бруевича «Три покушения на Ленина», стр. 71. М. 1930.

притаился среди красногвардейцев и ждал удобного момента, чтобы нанести злодейский удар вождю революции.

Ленин обратился к красногвардейцам с кратким приветствием. Он заявил, что герои-добровольцы создадут сильную революционную армию. «И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть... от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию»[1].

Враги народа были тут, рядом с Лениным.

Закончив речь, Ленин, сопровождаемый толпой рабочих и красногвардейцев, направился к выходу. Была темная ночь. Густой туман окутал улицы Петрограда.

Ленин сел в машину. Когда машина тронулась, бандиты кинулись за ней. Раздалось несколько выстрелов. Спутник Ленина заставил Владимира Ильича нагнуть голову. Пуля разбила стекло и пролетела над головой Ленина.

2 января в Петрограде была арестована эсеровская террористическая «боевая дружина». Убийцы обосновались в редакции эсеровской газеты «Воля народа». Были обнаружены запасы пироксилина и огнестрельного оружия.

Через несколько дней в Смольный явился солдат Спиридонов. Обманутый эсерами, он был втянут в контрреволюционную террористическую организацию. Но эсеровский туман вскоре рассеялся. Спиридонов помог разоблачить всю преступную шайку.

Велико было возмущение масс, узнавших о покушении на Ленина. «Выражаем полное негодование тем мерзавцам, покушавшимся на жизнь тов. Ленина,— писали солдаты могилевского гарнизона.— ...у нас не дрогнет рука за свободу нашего дорогого товарища Ленина... мы будем карать вооруженной силой сотни человек»[2]. Самарский губернский крестьянский съезд в своей телеграмме писал, что он «клеймит позором врагов народа, организующих убийства из-за угла вождей трудового народа»[3]. Приходили сотни телеграмм с требованием беспощадной, жестокой расправы с врагами народа: «Беспощадная борьба с оружием в руках!», «На каждый выстрел — тысячи выстрелов!» Рабочие, крестьяне и солдаты требовали от правительства поступать с врагами народа так же, как поступала парижская беднота в сентябрьские дни 1792 года[4].

Наряду с подготовкой террористических актов враги революции принимали все меры, чтобы сорвать созываемый в Петрограде III съезд советов.

25 декабря 1917 г. подпольный эсеро-меньшевистский «ВЦИК 1-го созыва» обратился ко всем советам, армейским комитетам и членам партии эсеров и меньшевиков с воззванием: «Созыв предполагаемого на 8 января Съезда продиктован желанием столкнуть Советы с Учредительным собранием и тем сорвать последнее. В тревоге за судьбы страны ЦИК 1-го созыва постановляет собрать в Петрограде 8 января чрезвычайное совещание всех советов, армейских и флотских комитетов, отдельных советских и армейских фракций всех организаций, группирующихся вокруг советов и комитетов, стоящих на почве защиты Учредительного Собрания»[5].

Но воззвание кучки эсеров и меньшевиков не дало никаких результатов. К 10 января на «совещание», которое должно было восстановить Учредилку и сорвать III съезд советов, приехало только 25 чело-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 154.
[2] «Красный архив». Т. 6(85) за 1937 г., стр. 17.
[3] Там же, стр. 28.
[4] См. «Правду» от 12, 16, 17 и 21 января 1918 года.
[5] «Красный архив». Т. 3(10) за 1925 г., стр. 125.

век. Эсеры и меньшевики вынуждены были признать провал своей затеи созыва «совещания». На заседании 11 января нелегальный ВЦИК решил ликвидировать свою деятельность. Бундовец Эрлих перед закрытием последнего заседания обратил внимание своих друзей на необходимость «информации» иностранных правительств о событиях, происходящих в Советской России. Даны, Гамбаровы и Сарычевы уже тогда энергично зарабатывали себе звание шпионов и «информаторов».

Положив себе «ликвидационное» жалованье по 500 рублей в месяц, эсеры и меньшевики разбрелись по своим контрреволюционным берлогам. Вывеска «ВЦИК 1-го созыва» была им больше ненужна.

Активную борьбу с диктатурой пролетариата развернули и «левые» эсеры, поощряемые троцкистами и зиновьевцами. Весь этот замаскированный блок вынашивал планы свержения советской власти.

Формально согласившись на роспуск Учредительного собрания, «левые» эсеры и бухаринцы задумали создание суррогата Учредилки. На заседании ЦК большевиков 29 ноября Бухарин и Троцкий предлагали создать «конвент». По плану капитулянтов, конвент должен был быть создан из Учредительного собрания, представителей от дум, профсоюзов, кооперативов и других несоветских организаций. ЦК большевиков отклонил предложения капитулянтов, стремившихся растворить советы в буржуазном парламенте. Идея создания «конвента» была подхвачена эсерами и меньшевиками. В начале января 1918 г. в левоэсеровской и меньшевистской печати неоднократно появлялись сообщения о предстоящем создании законодательного органа — конвента. С идеей конвента особенно активно выступали «левые» эсеры.

6 января на заседании Совнаркома во время обсуждения декрета о роспуске Учредительного собрания «левые» эсеры внесли предложение о создании решением III съезда советов федеративного конвента. Большинством голосов предложение «левых» эсеров было отклонено. В протоколе заседания Совнаркома по требованию «левых» эсеров было записано их «особое мнение». После провала в Совнаркоме предложения «левых» эсеров разговоры о «конвенте» не прекращались. «Новая жизнь» писала, что левоэсеровская фракция Учредительного собрания рассчитывает целиком войти в конвент. Меньшевистская газета к этому сообщению со всезнающим видом добавляла: «Ленин против особого расширения состава будущего конвента»[1].

Лживые писаки прекрасно знали, что большевики вообще против всяких попыток воссоздания буржуазного парламента. Но они намеренно шли на фальсификацию, чтобы создать впечатление необходимости организации конвента. Меньшевики опирались на поддержку капитулянтов внутри большевистской партии. Зиновьев, выступая на заседании I всероссийского съезда профсоюзов, вопреки решению Совнаркома заявил, что «делегаты съезда профсоюзов в ближайшем будущем вместе со съездом советов создадут конвент».

Вокруг выборов на III съезд разгорелась борьба и в местных советах.

В Ярославле, где выборы на III съезд происходили за день до разгона Учредительного собрания, «левые» эсеры пытались обмануть рабочих и солдат лозунгом «Через Учредительное собрание к советской власти!» «Учредительное собрание должно утвердить власть пролетариата, и тогда нечего будет бояться контрреволюции»,— заявил на заседании Ярославского совета 4 января «левый» эсер Богачев.

В язвительной речи крестьянин Комиссаров вскрыл предательскую сущность эсеровской тактики.

«Социалисты-революционеры говорят,— сказал он,— вся власть

[1] «Новая жизнь» № 11 за 1918 год.

должна быть Учредительному собранию. Это потому, что в партии социалистов-революционеров крестьян только $^{1}/_{20}$ часть, а главные социалисты-революционеры — они дети кадетов, дети священников, дворян и купцов, так и прочих буржуев. Им не нужно было освободить крестьян, а, наоборот, только самих себя. Им только нужно было изгнать царя, а там они проведут в Учредительное собрание тех же буржуев. И сначала они выработают твердый закон, создадут двухпалатную буржуазную республику и удержат право на собственность, тогда уже будет не власть народа, а власть капитала. Вот они говорят, что землю до Учредительного собрания нельзя брать в руки народа, а сами в программе своей написали, что вся земля должна перейти к крестьянам безданно и без выкупа и на Всероссийском съезде постановили то же. А почему же надо ждать Учредительного собрания, да вот потому что землю посулить, а не дать, землею они вызвали нас на борьбу против царизма, и потом когда в Учредительное собрание прошли буржуи и кулаки, помещики да присяжные поверенные,— чернильные души, тогда шалишь, вам земельку, как ушей без зеркала, так вот, мои товарищи, где явный обман... На что нам преждевременно пихать голову в петлю, сначала возьмем землю всю в руки, капитал, фабрики и заводы и покончим войну, отдадим власть сами себе, а не буржуазному Учредительному собранию» [1].

Крестьянин Комиссаров передал настроения миллионов граждан молодой Советской республики. На съездах, собраниях, митингах рабочие, крестьяне и солдаты, выбирая делегатов на съезд, давали своим представителям наказ — крепко защищать народную власть, власть советов. «Мы поддержим советскую власть дружным и плодотворным участием в подготовке к светлому пути социализма,—писал Выборгский совет крестьянских депутатов в своем приветствии III съезду.— Всем же врагам и изменникам революции скажем: прочь от святого строительства новой жизни. Мы никому не отдадим власти советов, умрем, но не отдадим советской власти» [2]. Писцовский совет, Костромской губернии, одобрял в своем приветствии все декреты Совнаркома. «Вся власть советам,— писали костромичи,— этим единственным органам власти народа, этим единственным выразителям нужд беднейшего класса Российской республики советов» [3].

Из Донбасса, где шла жестокая борьба с контрреволюционной верхушкой донского казачества, приходили приветствия, полные веры в близкую победу над Калединым. «Донецкий шахтер пожертвует всем во имя торжества идей революционного социализма,— писали рабочие из Никитовки.— Не имея возможности послать делегата, чтобы приветствовать вас, товарищи, и чтобы с трибуны съезда поведать всей России, какую отчаянную борьбу ведет донецкий углекоп... мы телеграфно обращаемся ко всему пролетариату с братским приветом и призываем сделать последнее усилие для решительной и жестокой схватки с контрреволюцией» [4].

В своих наказах рабочие, солдаты, крестьяне требовали от съезда решительной борьбы с контрреволюцией, уничтожения врагов народа, предателей.

«Всем тем, кто идет против власти трудового народа,— писали в своем наказе солдаты 22-й пехотной дивизии,— всем саботажникам и контрреволюционерам, тормозящим дело мира и вызывающим братоубийственную гражданскую войну внутри страны, мы окопники посылаем свое презрение и проклятие. Мы требуем самых решительных и бес-

[1] «Власть труда» № 5 от 9 января 1918 года. Ярославль.
[2] «Красный архив». Т. 6(85) за 1937 г., стр. 18.
[3] Там же, стр. 19.
[4] Там же, стр. 16.

пощадных мер в борьбе с контрреволюцией, откуда бы она ни исходила»[1].

19 (6) января ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания.

Ленин был уверен, что этот смелый шаг будет поддержан огромным большинством страны. Народ должен был сказать свое слово на III съезде советов.

К III съезду советы пришли как органы, объединявшие рабочих, солдат и крестьян в единую организацию. Опыт революции 1905 г. показал необходимость создания таких объединенных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В дни февральской революции по инициативе товарища Молотова был создан объединенный совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. В период от февраля к Октябрю большевики боролись за создание объединенных советов по всей стране. 212 советов из 317, представленных на съезде советов (без крестьянских и армейских), объединяли рабочих, солдат и крестьян, не разбиваясь на секции. В 74 советах были рабочие секции, в 81 — солдатские и в 64 — крестьянские. Огромное большинство советов — 237 — возглавлялось единым исполнительным комитетом. Только 50 советов из числа представленных на съезде имели исполнительные комитеты по секциям.

Следующая таблица показывает, какие советы представляли делегаты на съезде (без делегатов крестьянского съезда и армейских комитетов)[2]:

	Количество делегатов (из общего числа 707)	Из них большевиков
Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов	359	241
Советы рабочих депутатов	41	33
Советы крестьянских депутатов	15	6
Советы солдатских депутатов	136	82
С позиций (фронтовики)	63	42
ВРК	20	11
Члены Учредительного собрания	26	21

Эти данные еще раз подтверждают, что большинство делегатов представляло объединенные советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это означает также, что ставка эсеров и меньшевиков на отрыв солдатских и крестьянских советов от рабочих советов не удалась. Очень важно отметить, что две трети делегатов объединенных советов принадлежали к большевикам. Объединение советов было делом рук большевистской партии.

Большинство советов, представленных на III съезде, было избрано накануне Октября и в период проведения Октябрьской революции. В сентябре — октябре 1917 г. было переизбрано 58 советов (из 317 представленных на съезде), 199 советов были избраны в ноябре — декабре 1917 и январе 1918 года. И после Октябрьской революции не прекращался процесс очищения и большевизации советов. Этот процесс шел не только по линии изгнания эсеров и меньшевиков, но и путем проверки массами на творческой работе в советах своих избранников. Массы широко пользовались правом отзыва негодных депутатов из советов и замены их новыми.

[1] «Красный архив». Т. 6(85) за 1937 г., стр. 24.

[2] Эта и следующая сводки составлены по анкетным материалам III съезда советов. Материалы были обработаны научными сотрудниками секретариата редакции «Истории гражданской войны» тт. Ольшей, Драбкиной и Новицкой.

Однако и в обновленных советах далеко еще не была закончена борьба с мелкобуржуазными контрреволюционными партиями. В 33 советах еще сохранились фракции правых эсеров, в 57 — меньшевиков. В некоторых советах сохранились даже фракции энесовцев, дашнаков, бундовцев, пепеэсовцев. «Левые» эсеры создали свои фракции в 131 совете. III съезд советов должен был нанести сокрушительный удар агентам контрреволюционной буржуазии и призвать к окончательному разгрому эсеров и меньшевиков в советах.

В период керенщины государственный аппарат буржуазно-помещичьей России значительно вырос и укрепился за счет роста городских и земских учреждений, продовольственных управ, всяких комитетов и комиссий, созданных буржуазными организациями. Эти органы труднее было сломать, чем весь старый, дофевральский аппарат. На первых порах организации, ведавшие снабжением городов и промышленных центров, нужно было использовать. С этой целью и был создан комиссариат местного самоуправления. Состав местных органов самоуправления был эсеро-меньшевистский, иногда даже кадетский. После Октября этот состав сохранился.

К III съезду советов только 51 совет ответил отрицательно на вопрос: «Взят ли весь прежний административный аппарат в свои руки?» 233 совета полностью или частично завладели старым аппаратом учета, регистрации, обслуживания и распределения. К началу 1918 г. советы на местах сумели построить сложный, многогранный аппарат управления и создать органы подавления классово враждебных элементов.

Наряду с ломкой старого государственного аппарата вырастал на местах новый аппарат — органы диктатуры пролетариата. Из 317 советов, представленных на III съезде, значительное большинство сумело создать финансовые, продовольственные, судебные органы, вооруженные отряды Красной Гвардии. Об этом говорят следующие данные (без крестьянских и армейских советов):

Находятся в непосредственном ведении советов	Количество советов (из 317 представленных на съезде)
Красная Гвардия	218
Суд	158
Банки	112
Казначейства	138
Продовольственные органы	177
Медико-санитарные органы	87
Городские и земские учреждения	125

148 советов имели свой печатный орган, из них 89 выпускали ежедневную газету.

Советы к III съезду успешно справлялись с задачей уничтожения старого государственного аппарата и строительства нового государства.

ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА

Костлявая рука голода стучалась в ворота революционной столицы. Саботажники в государственном аппарате и в промышленности портили, вредили, ломали. Контрреволюция пускалась на все ухищрения, чтобы сорвать мирную политику советской власти. Но все это не могло сломить веру в победу у собравшихся на свой съезд представителей Советской России.

На съезде было представлено 317 советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и 110 армейских, корпусных и дивизионных комитетов. Эти организации представляли территорию с населением

в 95 млн. человек. Через три дня к съезду присоединились представители более 250 крестьянских советов.

Октябрьская социалистическая революция подняла к активной политической деятельности огромные пласты народных масс. Большинство делегатов впервые присутствовало на съезде советов. Больше половины делегатов (390) принадлежало к молодежи в возрасте от 20 до 30 лет. Из 707 делегатов старше 40 лет было только 47 человек. 352 делегата пришли на съезд с заводов, рудников, мастерских; 95 делегатов приехали прямо с позиций, из окопов. Всю эту огромную массу представителей рабочих, солдат и крестьян цементировали, объединяли старые большевики, прошедшие школу партийной работы, школу борьбы с царизмом в условиях подполья. Из 441 делегата-большевика 166 делегатов были люди, вступившие в революционную борьбу задолго до февральской революции. Некоторые из них работали в советах еще в эпоху первой революции. Многие прошли через тюрьму, ссылку, эмиграцию. Из общего числа 441 делегата-большевика 226 вступили в партию до 1917 года.

Но и молодежь, вступившая на революционный путь после февральской революции, к моменту III съезда советов прошла большую школу партийной и классовой борьбы, школу государственной деятельности в условиях ломки старого и строительства нового аппарата. 231 из общего числа делегатов начали свою работу в советах в доокябрьский период. Они закалились в борьбе за большевизацию советов. Огромное большинство делегатов были государственными деятелями нового типа, руководителями нового государственного аппарата. 239 делегатов работали на местах членами исполнительных комитетов местных советов, 226 делегатов являлись председателями местных советов.

Таков был состав делегатов III съезда советов. На съезд собрались лучшие сыны большевистской партии, лучшие представители народа для того, чтобы окончательно утвердить торжество диктатуры пролетариата и заложить основы советской конституции.

10(23) января зал заседаний Таврического дворца был переполнен. Петроградские рабочие и солдаты гарнизона заполнили хоры. Делегаты и представители от заводов и частей Петрограда с нетерпением ждали открытия съезда. Настроение было приподнятое. В 8 часов вечера на председательском месте появился Я. М. Свердлов.

«Объявляю Третий Всероссийский съезд советов открытым»,— произносит Свердлов.

Буря восторженных криков и приветствий несется в ответ из зала. Во дворце раздаются торжественные звуки «Интернационала».

«Мы должны будем здесь вынести крайне ответственные и важные решения, — говорит Свердлов в своем вступительном слове. — Акт роспуска Учредительного собрания мы должны сопоставить с созывом III Всероссийского съезда советов — этого верховного органа, который единственно правильно отражает интересы рабочих и крестьян. Из этого сопоставления выясняется вся сложность задач, которые нам предстоит разрешить. Перед нами один из важнейших вопросов: строительство новой грядущей жизни и создание Всероссийской власти. Мы должны здесь окончательно решить, будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем, или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян»[1].

«Я надеюсь, — закончил свою речь Свердлов, — что Всероссийский съезд советов утвердит всю работу, которая была выполнена за это время советской властью, и укажет дальнейшие шаги к развитию революционного строительства нашей обновленной жизни»[2].

---

[1] «Третий всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», стр. 5. Петербург. 1918.

[2] Там же.

Съезд приветствовали представители английских, американских и норвежских рабочих. Голос иностранных рабочих раздвинул стены Таврического дворца далеко за пределы России.

Карл Либкнехт и Джон Маклин были избраны почетными председателями III съезда советов. Избрание Либкнехта и Маклина было ударом по II интернационалу. Рабочие за рубежом видели, каким политическим деятелям доверяют в стране победившей диктатуры пролетариата.

«Революционные социалисты во всей стране не замедлят оценить честь, оказанную им выбором товарища Джона Маклина в почетный президиум русского съезда советов» [1],— писала английская газета «The Call». «Рабочие Клайда особенно горды этим отличием и в действиях русских рабочих, выбравших Маклина, чувствуют невидимую, но тем не менее реальную связь между Петроградом и Глазго».

В знак солидарности с русскими рабочими в дни заседаний III съезда советов английские рабочие организовали в Глазго 27 (14) января политическую демонстрацию. Огромная, тридцатитысячная демонстрация с революционными плакатами и лозунгами направилась к колонне Нельсона. Здесь открылся митинг, на котором была принята резолюция с требованием следовать по пути русских большевиков, заключить перемирие и отменить закон о защите королевства. «Атмосфера, несомненно, свидетельствовала,— пишет английская газета, — что Глазго идет по пути превращения в британский Петроград» [2].

В этот же день, 27 (14) января, состоялся десятитысячный митинг в Лондоне. Митинг принял резолюцию с требованием присоединиться к советским условиям мира. Под угрозой всеобщей забастовки рабочие на митинге потребовали от английского правительства заключить перемирие. Одно только упоминание на рабочих собраниях о Советской республике вызывало бурю восторга. Такие же митинги состоялись в Манчестере, Ковлинге и других местах [3].

На районной конференции шотландского отделения Независимой рабочей партии руководители внесли резолюцию, в которой предлагали «отказаться от всякой войны». Рабочие внесли поправку: «Признавать войну в защиту социалистического государства» [4]. Поправка была принята. Английские рабочие разоблачали буржуазную печать, которая замалчивала движение солидарности с русскими товарищами.

«Мы хотим, чтобы наши русские товарищи знали, что в Англии существуют горячие симпатии к ним, но это течение очень слабо, или, вернее, совсем не отражается в британской буржуазной прессе» [5],— писали в своей резолюции рабочие Бирмингама.

В это же время поднялась огромная стачечная волна и в Германии. В Берлине в дни III съезда советов бастовало более 200 тыс. рабочих. В Гамбурге была прекращена работа на верфях. В Нюрнберге, Киле и других городах прошли грандиозные демонстрации с требованием мира [6]. Пламенное дыхание революционной России ощущал весь мир.

Представители иностранных рабочих рассказали съезду о мощном движении в защиту Советской России в Англии, Франции, Скандинавии. Несмотря на бесстыдную кампанию травли и клеветы продажной прессы вокруг русского революционного движения, правда о молодой Советской республике пробивалась сквозь проволочные заграждения в воюющие страны и вызывала горячую волну сочувствия и солидарности в трудящихся массах.

---

[1] «The Call» № 95 от 31 января 1918 года.
[2] Ibidem.
[3] «Workers Dreadnought» № 2 от 6 апреля 1918 года.
[4] «The Labour Leader». Т. 15, № 2, pp. 7, 10 january 1918.
[5] Ibidem № 4, 24 january, 1918.
[6] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, лл. 50—61.

Представитель американских социалистов Вильямс в своем приветствии съезду заявил, что он приехал из-за океана не для того, чтобы учить русских товарищей, а чтобы поучиться у русского, авангардного пролетариата.

«Из России я увезу два незабываемых урока,—говорил Вильямс.— Первый урок состоит в том, что я убедился, когда пролетариат серьезно решится выступить для самоосвобождения, то буржуазия должна сойти на-нет, ибо нет той силы, которая могла бы противостоять натиску представителей труда. Второй урок гласит, что формы современного буржуазного парламентаризма отживают и имеет в жизни место лишь тот парламент, который вы выдвинули в процессе вашей революционной борьбы— Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1].

Съезд встретил бурной овацией Джона Рида, американского журналиста и социалиста. Джон Рид заявил съезду о своем решении вернуться в Америку и рассказать американскому пролетариату обо всем, что делается в революционной России, и выразил уверенность, что правда о России вызовет живой отклик среди угнетенных, эксплоатируемых масс Америки. Джон Рид в это время привлекался в Америке к судебной ответственности за «организацию восстания в американской армии», и ему грозило сорокалетнее тюремное заключение.

От имени революционных отрядов Петрограда съезд приветствовал матрос Балтийского флота А. Железняков. Это он, Анатолий Железняков, несколько дней назад «закрыл» Учредительное собрание, и делегаты съезда приветствовали в его лице бойцов пролетарской диктатуры, положивших конец контрреволюционному парламенту.

Выступление Железнякова прозвучало как ответ и призыв к представителям зарубежного пролетариата:

«У революционной армии и флота, у всех «чернорабочих революции» еще не заржавели винтовки и хватит силы для того, чтобы довести революцию до конца и окончательно одержать окончательную победу над капитализмом» [2].

Железняков напомнил, что 5 января он со своими товарищами разогнал «болото». Железняков шутливо жаловался на Учредительное собрание, которое не хотело внять такому простому и убедительному аргументу, что караул устал.

Взрыв смеха вызвал рассказ Железнякова о трусливых членах Учредилки, которые разбегались под свист рабочих и матросов. Железняков закончил призывом к западному пролетариату — бороться так же, как борются русские рабочие и солдаты, которых обнаглевший Керенский назвал взбунтовавшимися рабами.

«Да здравствует революционный флот!»— приветствовали делегаты съезда Железнякова.

«Да здравствует непобедимая революционная армия рабочих и крестьян!» — отвечал Железняков.

Только небольшая группка эсеров, меньшевиков и бундовцев демонстративно оставалась на местах, когда делегаты съезда бурно приветствовали представителей пролетариата Запада и революционных моряков. Жалкие наемники буржуазии пытались в первые же дни работы съезда создать хоть какую-нибудь плотину против революционной политики Совнаркома.

Президиум съезда был избран по фракциям: на каждые 50 членов фракции — 1 член президиума. Эсеры, меньшевики, новожизненцы, бундовцы, представители националистических групп объединились и избрали в состав президиума съезда меньшевика «интернационалиста» Суханова.

---

[1] «Третий всероссийский съезд...», стр. 13.
[2] Там же, стр. 15.

Веселыми репликами встретили делегаты это избрание «интернационалиста» Суханова. «Представляет ли Суханов также эсеров-оборонцев?» — спрашивали с мест делегаты. Суханов едва слышно ответил: «Да», — утвердительно кивнув головой. В зале раздались иронические аплодисменты. «Объединились «интернационалисты» и «оборонцы»...» — смеялись делегаты.

Но эсеры и меньшевики не унимались. Они хотели взять съезд измором. От имени «трех оппозиционных фракций» меньшевик Иоффе предложил при обсуждении вопросов на съезде установить для фракционных ораторов вместо 20 минут 2 часа. «Это политика зажимания рта меньшинству!» — кричал Иоффе, когда съезд отклонил его предложение.

Эсеры и меньшевики готовились дать бой и по более серьезному вопросу. Опираясь на союз с троцкистами и бухаринцами, предатели пытались сорвать мирные переговоры в Бресте. Сухановы знали, что на заседании большевистской фракции съезда троцкисты и бухаринцы выступили против Ленина.

На фракции большевиков не было принято определенного решения по вопросу о войне и мире. Пользуясь этим, враги революции хотели перенести борьбу на съезд и здесь выступить единым фронтом с предателями внутри партии.

При обсуждении повестки дня Абрамович предложил немедленно рассмотреть вопрос о мирных переговорах. «Я предлагаю поставить этот вопрос на обсуждение сегодня, — заявил Абрамович. — Нам нужно теперь же сказать, будем ли мы вести революционную войну или склонимся перед германским империализмом» [1].

«Странно слышать из уст Абрамовича заявление о революционной войне», — спокойно ответил Я. М. Свердлов.

Было ясно, что агенты контрреволюции, пользуясь отсутствием единства по вопросу о мире в большевистской фракции, пытаются связать Совнарком определенным решением в духе бухаринских «лозунгов». Было ясно, что вокруг лозунга так называемой революционной войны объединяется вся контрреволюционная нечисть, мечтающая об уничтожении советской власти силой германских штыков.

Съезд отклонил и это предложение «оппозиции». Вопрос о мирных переговорах будет обсужден вместе со всей политикой Совнаркома, решил съезд.

ОТЧЕТ СОВНАРКОМА

На втором заседании съезда, 11(24) января 1918 г., выступил с отчетным докладом В. И. Ленин. Он начал свой доклад с характеристики итогов первого этапа социалистической революции. Советское правительство отчитывалось за 2 месяца и 16 дней. Это было всего на 6 дней больше того срока, в течение которого существовала Парижская коммуна. Ленин и начал со сравнительной характеристики Советской республики и Парижской коммуны.

«Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, — говорил Ленин, — потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир, — Советское правительство. Вот что прежде всего изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели аппарата, их не поняла страна, мы сразу же опирались на Советскую власть, и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима» [2].

---

[1] «Новая жизнь» от 12(25) января 1918 года.
[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 205—206.

Триумфальное шествие советской власти, легкие сравнительно победы над Калединым, Украинской радой, Дутовым — все это создавало иллюзии возможности быстрого преодоления сопротивления враждебных классов. Ленин предупредил представителей народа, что революцию ждет впереди еще много трудностей.

«Это будет стоить многих трудностей, жертв и ошибок, это дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочитать в книжках. Само собой разумеется, что это величайший, труднейший в истории переход...», «...представители имущих классов все ставят на карту... это для них последние и решительные битвы, и они не остановятся ни перед каким преступлением, лишь бы сломить Советскую власть» [1].

Ленин подвел итоги борьбы с Калединым и Украинской радой. Он указал на то, что контрреволюция на Украине и на Дону теряет свою внутреннюю опору, происходит распад изнутри.

Ленин подвел итоги борьбы с саботажем. Советское правительство не только сломило сопротивление саботажников, но и развернуло строительство нового государственного аппарата. С огромным вниманием делегаты слушали ленинскую характеристику новой армии, создаваемой советским правительством.

«...В первый раз в истории всемирной борьбы,— говорил Ленин,— в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные звания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская советская республика будет непобедима» [2].

В зале было много крестьян, которые, выполняя большевистское дело, скорее по недоразумению называли себя «левыми» эсерами. К таким «левым» эсерам в первую очередь были обращены ленинские слова о сущности блока большевиков и «левых» эсеров. «Когда мы заключили с этой партией («левыми» эсерами.—*Е. Г.)* наш правительственный союз,— говорил Ленин, — мы с самого начала поставили дело таким образом, чтобы он покоился на самых ясных и очевидных началах» [3]. Ленин показал, что базой для этого правительственного союза была борьба за социализм и что существование этого правительственного союза возможно только при условии проведения социалистической политики.

Обращаясь к скамьям «левых» эсеров, Ленин говорил: «Опыт гражданской войны указывает представителям крестьян воочию, что нет другого пути к социализму, кроме диктатуры пролетариата и беспощадного подавления господства эксплуататоров» [4].

Ленин рассказал делегатам съезда об итогах внутренней политики и деятельности Совета народных комиссаров по строительству новых органов власти. Национализация банков, аннулирование государственных займов, свержение финансового ига, переход от рабочего контроля к национализации заводов, создание ВСНХ, создание новых судебных органов, выделение из народных масс все новых и новых организаторов и государственных деятелей — все это было сделано за 2½ месяца.

Ленин резко и беспощадно вскрыл капитулянтство, предательство эсеров и меньшевиков, кричавших о невозможности победы социализма в одной стране.

«Когда нам изображают трудность нашего дела,—говорил Ленин,— когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее вольных и невольных сторонников извратить самую непреложную истину» [5].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 208, 209.
[2] Там же, стр. 212.
[3] Там же, стр. 207.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 217.

«Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов»[1],— закончил свой доклад Ленин.

Прошло только 2 года с тех пор, как Ленин развил и обосновал свою теорию возможности победы социализма в одной стране. За 2½ месяца диктатуры пролетариата эта ленинская идея стала великой материальной силой.

Мелкобуржуазная контрреволюция с особым озлоблением набросилась на ленинскую теорию социалистической революции. Все эти либерданы прекрасно понимали, что вопрос о характере революции и возможности победы социализма уже вышел из рамок теоретических дискуссий.

От фракции меньшевиков (объединенных) и эсеров выступил с заявлением А. Н. Иоффе. «Попытка осуществить социалистическую революцию в стране мало культурной, — читал Иоффе,— со слабым развитием культурного производства, с огромным преобладанием крестьянского населения, при отсутствии в более передовых странах Запада каких-либо проблесков социалистической революции, должна была неизбежно привести и уже привела к окончательной дезорганизации экономической жизни России, к ее политическому распаду, к ее превращению в добычу для могущественных капиталистических держав Запада»[2].

Последняя фраза об угрозе порабощения России должна была напугать сторонников заключения мирного договора с Германией. Одновременно Иоффе стремился доказать несостоятельность социалистической политики Совнаркома и подорвать веру рабочих, солдат, крестьян в возможность победы социализма в одной стране. «Всякая попытка социалистического переворота в России до начала социалистической революции на Западе обречена на неудачу,— вторил объединенцам меньшевик-«интернационалист» Авилов.— Никаких элементов социалистической революции во всем... движении нет». И, наконец, заявляли «интернационалисты», «чисто социалистический переворот, если бы даже он был осуществлен в данный период истории, возможен только в мировом масштабе»[3].

Речь Авилова, полная нападок на Совет народных комиссаров, все время прерывалась негодующими репликами со скамей рабочих депутатов. С трудом заканчивая речь, стараясь перекричать возмущенный зал, Авилов вытащил из кармана какой-то список и с торжествующим видом заявил, что он огласит перечень заводов и фабрик, которые несогласны с политикой Совнаркома.

«Обуховский, Патронный...» — начал читать список Авилов. Но продолжить чтение ему не дали. Захлопали пюпитры, застучали скамейки в большом зале Таврического дворца.

«Это ложь! Подтасовка фактов! Провокация!»—кричали возмущенные рабочие, делегаты от заводов столицы.

Уличенный во лжи меньшевик вынужден был оставить трибуну. На следующий день рабочие Патронного, Обуховского и других заводов приняли на многотысячных митингах резолюции протеста против проделок эсеров и меньшевиков[4].

Предметом нападок и борьбы на съезде был и самый принцип диктатуры пролетариата. Эсеры и меньшевики пытались противопоставить лозунгу диктатуры лозунг демократии. От имени фракции меньшевиков-объединенцев против Ленина выступил Мартов. Изможденный, с лихо-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 218.
[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 3, л. 41.
[3] Там же, л. 43.
[4] «Правда» от 1 февраля 1918 года.

радочными пятнами на щеках, Мартов срывающимся голосом жаловался на «жестокости» пролетарской диктатуры. Мартов ссылался на Парижскую коммуну, которая не применяла, по его мнению, насилия. Мартов протестовал против арестов контрреволюционеров, осуждал лишение избирательных прав буржуазных элементов, долго и скучно говорил о невозможности социалистического преобразования страны.

«Расскажите о комитете спасения», — неожиданно раздался возглас с места.

Мартов смутился, крикливый пафос его пропал, и он быстро и невнятно стал оправдываться. «Многие партии, в том числе и меньшевики, быть может были запутаны в этой авантюре, помимо их воли, но ничего общего с восстанием юнкеров... не имели. Наша партия, — говорил Мартов,—вскоре отозвала оттуда всех своих представителей» [1].

Ропот возмущения покрыл эти слова Мартова. Делегаты съезда хорошо знали, какую роль сыграли меньшевики и эсеры в мятеже Керенского и Краснова. Попытки обелить предательство вызвали протесты среди делегатов.

В качестве «внефракционного» оратора выступил Суханов. Он предсказывал скорое поражение революции. «Это заметно хотя бы по тому,— говорил Суханов, — что буржуазная пресса держит себя совершенно спокойно, предоставив всю борьбу против ленинизма левой печати».

Ответ Ленина Мартову, Суханову и другим был полон презрения к этим жалким «человекам в футляре».

«Советы стали у власти... в неслыханной по своим лишениям и ужасам обстановке войны, в атмосфере развала, перед призраком голодной смерти,— говорил Ленин.—...И тем, кто говорит, что нами ничего не сделано, что мы пребывали все время в бездействии, что господство Советской власти не принесло никаких плодов, мы можем только на это сказать им: загляните в самые недра трудового народа, в толщу масс, там кипит организационная, творческая работа, там бьет ключом обновляющаяся, освященная революцией жизнь» [2].

По предложению фракции большевиков съезд принял решение, в котором полностью одобрил всю политику Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров и выразил им свое полное доверие.

УТВЕРЖДЕНИЕ ОСНОВ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Величественны были победы революции. Завоеванное надо было записать. Великие завоевания Октябрьской революции были записаны в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Декларация была написана Лениным и Сталиным в начале января 1918 года. 3 (16) января Декларация была утверждена на заседании ВЦИК; за день до открытия Учредительного собрания Декларация была опубликована в «Правде». Буржуазному парламенту предлагались на утверждение основы конституции пролетарского государства. Учредительное собрание отказалось утвердить Декларацию.

12 января 1918 г., на третий день работы съезда, Я. М. Свердлов предложил делегатам утвердить Декларацию.

В напряженной тишине после только что отзвучавших оваций по адресу Ленина начал Свердлов чтение Декларации:

«I. 1) Россия объявляется Республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам...».

---

[1] «Третий всероссийский съезд...», стр. 35.
[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 221.

Как будто поднятые могучей волной, в едином порыве встали со своих мест делегаты. На II съезде советов, когда власть советов победила в центре, это звучало как лозунг, как страстный призыв к борьбе за установление советской власти по всей стране. Сейчас это был уже не лозунг, а кровью записанная победа. Поднялись украинские рабочие, разбившие Центральную раду, поднялись горняки Донбасса, проливавшие свою кровь в борьбе с Калединым, поднялись сибиряки, уральцы, волжане и кавказцы. Бурной овацией встретили делегаты объявление России Республикой советов, провозглашение свободного союза свободных наций.

Небольшая кучка эсеров и меньшевиков демонстративно осталась сидеть на своих местах. Это вызвало возмущение всего зала. «Корниловцы, саботажники!» — раздавались возгласы по адресу сидящих.

С большим трудом Я. М. Свердлов успокоил зал. Чтение Декларации продолжалось:

«II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах, III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

2) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность советской рабоче-крестьянской Республики подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [1].

В этот исторический документ вошли в обобщенном виде все важнейшие декреты советского правительства: отмена частной собственности на землю, подтверждение законов о рабочем контроле и создании ВСНХ, закон об уничтожении займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, национализация банков, введение всеобщей трудовой повинности, опубликование тайных договоров, разрыв старых империалистических связей — все эти декреты нашли свое отражение в Декларации.

Вторая статья Декларации торжественно провозглашала: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик».

[1] «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I стр. 71, 1940. (Секретариат главной редакции «Истории гражданской войны»).

Этому важнейшему вопросу был посвящен доклад И. В. Сталина на съезде.

Товарищ Сталин писал о рабочих и крестьянах национальных окраин, что «они никогда не разрывали связей со своими братьями на севере. Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма. Неудивительно, что их конфликт со «своими» национальными правительствами нарастал день за днем. Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма. Война же «национальных правительств» с советской властью довела их конфликт с этими «правительствами» до полного разрыва с ними, до открытого восстания против них.

Так сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных «правительств» окраин России»[1].

Следующая сводка говорит о том, как были представлены советы национальных районов на съезде[2]:

Район	Количество советов рабоч., солд. и крестьянских депутатов, представленных на съезде	Количество крестьянских советов
Украина	51	9
Белоруссия	36	37
Прибалтика	16	2
Северный Кавказ	7	1
Финляндия	7	1
Закавказье	1	1
Дальний Восток	1	1
Средняя Азия	3	1
Крым	1	—

Сводка дает картину распространения советской власти по стране к III съезду советов. Украина и Белоруссия почти целиком были под знаменем советов. Быстро побеждала советская власть в Латвии, Эстонии и Финляндии. Средняя Азия, оторванная от Советской России, не могла в достаточной мере быть представлена на съезде. От Закавказья был представлен только Баку — советский оазис среди муссаватистско-дашнакской контрреволюции.

Всего на съезде присутствовало 233 делегата от национальных районов, из них 141 принадлежал к партии большевиков (включая сочувствующих).

Эсеры и меньшевики пытались расколоть многонациональный съезд. 12 января на съезде выступил от имени группы белорусских социалистов меньшевик Гриб. Прикрывшись демагогическим, лживым заявлением, что группа стоит «на страже защиты всех завоеваний Октябрьской рабоче-крестьянской революции»[3], Гриб заявил протест против разгона контрреволюционной Белорусской рады. Закончил «белорусский социалист» призывом «возобновить занятия Учредительного собрания». Только Учредилка, по мнению Гриба, являлась гарантией самоопределения народов.

[1] Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 73. М. 1939.
[2] Сводка составлена по анкетным материалам III съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и III крестьянского съезда.
[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 3, л. 25.

Попытка группы эсеров и меньшевиков выступить под национальным флагом против Совнаркома не только провалилась, но послужила поводом для демонстрации единства многонационального съезда советов.

Заявление группы белорусских эсеров и меньшевиков вызвало возмущение среди подлинных представителей белорусского народа на съезде. Крестьянин-белорусс Сенюков написал в президиум съезда записку, в которой назвал Гриба самозванцем. «Мы, крестьяне Белоруссии, не хотим вступать в шайку Каледина»,— писал Сенюков.

Делегация рабочих и крестьян Витебской губернии рассказала съезду о подлинном лице Белорусской рады. Офицеры и помещики из Рады на так называемом «белорусском съезде» в Минске избили некоторых крестьян-делегатов. Крестьянские делегаты Витебской и Могилевской губерний демонстративно оставили «белорусский съезд». После ухода этих делегаций «некого было и разгонять»,— иронически заметили белорусские делегаты при шумном одобрении зала Таврического дворца. Делегация советов Витебской губернии заявила на съезде: «Крестьяне и рабочие Витебской губернии считают себя частью Великой России — республики советов и ничего общего не имеют с теми лже-социалистами, которые прикрываются этим именем для установления в Белорусской области власти и господства буржуазии и помещиков этой области»[1].

15 января народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин должен был выступить с докладом на съезде. Доклад товарища Сталина на III съезде по национальному вопросу был вместе с тем докладом о власти, ее формах, соединении русского народа и национальных окраин в одно монолитное целое. Прежде всего необходимо было сорвать маску с националистических «правительств» окраин и показать, что сущность конфликтов между этими «правительствами» и СНК не в национальном вопросе, а в борьбе буржуазной контрреволюции против социализма. Во-вторых, нужно было решить вопрос о формах связи между уже победившими советскими республиками на окраинах и центром.

В своем докладе на фракции большевиков 15 января товарищ Сталин впервые со времени Октябрьской революции поставил задачу создания крепкой централизованной советской республики: «Нужно уметь противостоять тем крайним децентралистическим стремлениям, которые хотят чуть ли не из каждой губернии (создать) самостоятельную республику. Противостоять с точки зрения централизации советской власти, объединения и укрепления наших советских элементов в федерирующихся частях, с точки зрения социалистического переустройства и классовых стремлений пролетариата»[2].

В тот же день, 15 января, товарищ Сталин выступил с докладом на съезде. «Один из вопросов, который особенно волнует в настоящее время Россию,— начал свой доклад товарищ Сталин,— это вопрос национальный. Серьезность этого вопроса усугубляется тем, что великороссы не составляют большинства населения в России и окружены кольцом других не-державных народностей, населяющих окраины»[3]. Товарищ Сталин дал в своем докладе характеристику национальной политики царского и Временного правительств. Это была политика насильственной руссификации и жестокого подавления национального движения.

«Только Советская власть открыто провозгласила право всех народностей на самоопределение, вплоть до полного отделения от России.

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. А-6-III, д. № 5, л. 58.
[2] «Правда» от 17 января 1918 года.
[3] «Третий всероссийский съезд...», стр. 72.

Новая власть,— заявил товарищ Сталин,— оказалась более радикальной в этом отношении, чем даже национальные группы внутри некоторых народностей» [1].

Значительную часть доклада товарищ Сталин посвятил характеристике конфликтов между Совнаркомом и буржуазно-националистическими правительствами окраин, которые под национальным флагом вели контрреволюционную борьбу с советской властью.

«Корень всех конфликтов,— говорил на съезде товарищ Сталин,— возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти» [2].

На примере антисоветского выступления Украинской рады товарищ Сталин показал, как принцип самоопределения используют буржуазные шовинисты в своих классовых империалистических целях.

«Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма» [3],— делает вывод товарищ Сталин.

С высокой трибуны съезда товарищ Сталин провозгласил основы национальной политики советской власти.

Товарищ Сталин изложил основы федеративного устройства советских республик. Резолюция, прочитанная на съезде товарищем Сталиным, состояла из 5 пунктов:

«1) Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов.

2) Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский съезд советов Р., С., Кр. и Казачьих Депутатов, созываемый не реже, чем через три месяца.

3) Всероссийский съезд советов Р., С., Кр. и Казачьих Депутатов избирает Всероссийский Центральный исполнительный комитет. В периоды между съездами, верховным органом является Всероссийский Центральный исполнительный комитет.

4) Правительство федерации, Совет народных комиссаров, избирается и смещается, в целом и частях, Всероссийским съездом советов или Всероссийским Центральным исполнительным комитетом.

5) Способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской республики, определяется немедленно, по образовании областных советских республик, Всероссийским Центральным исполнительным комитетом и центральными исполнительными комитетами этих республик...» [4].

Доклад товарища Сталина, в котором он показал успехи национальной политики советской власти, был ударом по планам и надеждам контрреволюции поссорить диктатуру пролетариата с рабочими и крестьянами окраин. Эсеры и меньшевики сделали на съезде еще одну попытку сорвать успехи национальной политики советской власти. После разгона Учредилки они с надеждой повернулись к национально-буржуазным учреждениям и всячески их поддерживали. Ставка на националистическую контрреволюцию проходила красной нитью через все выступления эсеров и меньшевиков на съезде.

Как только товарищ Сталин закончил чтение проекта резолюции, на трибуне появился представитель фракции правых эсеров. Сделав несколько ссылок на авторитет австрийских социал-демократов, правый эсер Львович стал обвинять Совнарком в проведении «централистской

[1] «Третий всероссийский съезд...», стр. 73.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 81 и 93.

политики» в национальном вопросе. Затем зарвавшийся Львович договорился до того, что политика Совнаркома такая же, какая была у правительства до революции. Слова обнаглевшего эсера утонули в насмешливых репликах и криках возмущения делегатов съезда. «В заключение, под шум и смех громадного большинства собрания,— записано в протоколе,— оратор уверяет, что истинным выразителем воли отдельных национальностей, на которые раздроблена Россия, попрежнему является Учредительное собрание»[1]. Анархисты и «левые» эсеры выступили со своей обычной фразеологией, провокационно требуя «ликвидации» национального вопроса. Анархист Ге объявил национальный вопрос буржуазным предрассудком. Вместо национального самоопределения он предлагал сохранить только классовое. Эсер Селиванов, демагогически ссылаясь на то, что принцип самоопределения использовала националистическая буржуазия, предлагал совсем отказаться от этого принципа. Вся эта «левая» демагогия только усиливала националистическую контрреволюцию, давала ей пищу для антисоветской агитации.

Меньшевик Мартов взял под защиту украинскую контрреволюцию. Он заявил, что к партии Винниченко примыкает много рабочих и крестьян, — следовательно, Винниченко имеет право «самоопределиться».

Потерпев крах с лозунгом Учредительного собрания в центре, меньшевики устами Мартова стали защищать лозунг Украинского учредительного собрания. В то же время Мартов очень ловко накинул на себя маску защитника советской власти, обвиняя большевиков в непоследовательности. «Почему большевики не выдвигают лозунга советской власти для Польши, Литвы и Латвии?» — истошно кричал Мартов.

Сталин сорвал маску «демократизма» с Мартова и показал делегатам съезда, что означают речи эсеров и меньшевиков о демократизме Украинской рады.

Защита помещичьей земли, разгром советов, разоружение советских войск, союз с Калединым — таковы были дела контрреволюционной Рады. «Ораторы справа, и особенно Мартов, вероятно, потому хвалят Раду и защищают ее, что видят в ее политике отражение своей собственной,—заявил товарищ Сталин.—В Раде, представляющей коалицию всех классов, столь милую сердцу гг. соглашателей, они видят прообраз Учредительного собрания. Вероятно, Рада, слыша речи представителей правого сектора, будет также усердно хвалить и их. Недаром говорится: рыбак рыбака видит издалека»[2].

На примере Рады и Закавказского комиссариата товарищ Сталин показал исторический смысл борьбы между Совнаркомом и националистическими правительствами на окраинах. Эта борьба являлась гражданской войной рабочих, крестьян и солдат с одной стороны и национально-буржуазной контрреволюции — с другой.

Затем товарищ Сталин перешел к «противоречию», которое нашел Мартов в политике большевиков. Почему большевики, выдвигая лозунг советов на Украине, Белоруссии, Кавказе, ограничиваются референдумом в Польше, Литве, Курляндии? «Было бы бессмыслицей,— заявил товарищ Сталин, — требовать в западных областях Советской власти, когда в них и не существует еще советов, когда там нет еще социалистической революции. Если поступать по рецепту Мартова, то пришлось бы измышлять советы там, где их не только нет, но еще не открыт путь к ним»[3].

Это замечание товарища Сталина сразу внесло полную ясность в вопрос о советах. Оно имело глубочайший смысл: большевики не насаждали советы сверху, советы на окраинах родились в огне революции, и советское правительство в центре поддерживало уже существую-

---

[1] «Третий всероссийский съезд...», стр. 74.
[2] Там же, стр. 79.
[3] Там же, стр. 80.

щие организации рабочих, крестьян, солдат и казаков. В своем выступлении на заключительном заседании съезда Ленин счел нужным еще раз подчеркнуть эту мысль, впервые высказанную на съезде товарищем Сталиным: «Гражданская война против Каледина не была целиком направлена извне, из Великороссии, а была помощью, которую великорусские рабочие и крестьяне оказали трудящимся массам, трудящимся казакам...» [1].

Говоря о борьбе с Калединым, Ленин подчеркивал, что «мы не завоевали Дон, а освободили трудовой Дон» [2].

В своем решении по национальному вопросу III съезд советов всецело одобрил национальную политику Совнаркома и утвердил декреты о Финляндии и Армении.

«Съезд выражает свое глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилием,— в братский союз свободно соединившихся на федеративных началах советских республик России» [3].

Съезд должен был вынести также решение о федеративном устройстве советских республик. Товарищ Сталин в заключительном слове отметил, что предложенная им резолюция о федеративном устройстве «не является законом, а намечает лишь общие основы будущей конституции Российской федеративной республики» [4].

Но одно уже было совершенно ясно: советская революция учредила Республику советов. Назад, к пройденному этапу буржуазного парламентаризма пути не было. Напрасно пытались Мартов и другие меньшевики доказать делегатам съезда, что «советская организация ниже демократизма во всех отношениях» и что «парламентаризм является образцом демократизма».

«Опыт парламентаризма во Франции и в Америке,— ответил на это товарищ Сталин,— с очевидностью показал, что демократическая по внешности власть, рождающаяся в результате всеобщего избирательного права, на деле оказывается весьма далекой и чуждой подлинному демократизму коалицией с финансовым капиталом».

«Да,— заявил в заключение товарищ Сталин,— буржуазный парламентаризм мы похоронили, и напрасно Мартовы тащат нас к мартовскому периоду революции» [5].

Делегаты ответили на эти слова аплодисментами. Они твердо знали: буржуазный парламентаризм навсегда похоронен для России.

Трупным запахом повеяло в Таврическом дворце, когда меньшевики-объединенцы огласили свою декларацию. Отрицая открытые Лениным законы переходного — от капитализма к социализму—периода, меньшевики судорожно хватались за старые, отжившие формы. Они заявляли в своей декларации, что единственная политическая форма, в которой могут быть осуществлены задачи пролетариата,— это демократическая республика. «Только через демократическую республику рабочий класс может осуществить свое социальное освобождение» [6]. Они снова вытащили разбитую Лениным в его гениальной работе «Государство и революция» теорию приспособления старого государственного аппарата к новым условиям. «Социал-демократы всегда признавали,— говорилось в декларации,— что демократические учреждения, созданные историей в течение буржуазного периода, не должны быть уничтожены

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, л. 13.
[2] Там же.
[3] «Третий всероссийский съезд...», стр. 94.
[4] Там же, стр. 78.
[5] Там же, стр. 80
[6] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 6, л. 43-б.

социализмом, а лишь преобразованы...»[1]. Советы не могут, по мнению меньшевиков, выполнять государственные функции. Исходя из всего этого, меньшевики заявляли, что будут голосовать против федеративной советской республики.

Большинством голосов против 24 съезд установил, что «Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как федерация советских республик этих народов»[2].

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и принятое по предложению товарища Сталина решение «О федеральных учреждениях Российской республики» явились основой будущей советской Конституции. В Конституцию, принятую летом 1918 г. V съездом советов, почти целиком вошли эти исторические документы.

III съезд советов ознаменовал полный разгром парламентских иллюзий в широчайших массах. Когда партия большевиков шла на разгон Учредительного собрания, она основывалась на гениальном ленинском предвидении, так как сколько-нибудь суммированных данных об отношении масс к этому вопросу еще не было. III съезд дал объективные, неопровержимые данные, что с Учредительным собранием, с парламентскими иллюзиями покончено. Съезд отменил всякие ссылки в декретах, что они вводятся действием «впредь до окончательного разрешения их Учредительным собранием». Съезд отменил также старое обозначение верховной революционной власти. Решением II съезда советов было создано «впредь до Учредительного собрания» Временное рабочее и крестьянское правительство. «Теперь,— заявил Свердлов,— когда не только в России, но и во всем мире побеждает революция трудящихся масс, когда мы призваны непосредственно к закреплению нового государственного строя путем новых основных законов и организации на основании их всей социальной жизни, мы должны откинуть слово — «Временное» и впредь именовать нашу Верховную власть — «Рабочим и Крестьянским Правительством Российской Советской Республики»[3]. Съезд без прений принял предложение Свердлова.

Советская власть отныне стала единственно признанной народными массами формой власти. На заключительном заседании съезда Ленин заявил: «У нас, в России, в области внутренней политики теперь окончательно признан новый государственный строй Социалистической советской республики, как федерации свободных республик разных наций, населяющих Россию»[4]. Решение съезда показало, что иллюзии, связанные с Учредительным собранием, окончательно похоронены. Учредилка могла воскреснуть только при помощи штыков интервентов.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ СОВЕТОВ

Слияние ВЦИК второго созыва с Центральным исполнительным комитетом крестьянских советов, происшедшее 18 ноября 1917 г., значительно ускорило процесс объединения рабочих и крестьянских советов на местах. Но к III съезду советов это объединение далеко еще не закончилось. Этим объясняется решение ВЦИК созвать очередной съезд крестьянских советов отдельно от общего съезда советов и предоставить крестьянам окончательно решить вопрос о слиянии крестьянских советов с рабочими и солдатскими.

Открытие съезда было назначено на 12 января.

В Смольном институте начали собираться делегаты крестьянского съезда. Крестьяне приезжали с наказами от своих избирателей. Кресть-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 6, л. 43-б.
[2] «Третий всероссийский съезд...», стр. 93.
[3] Там же, стр. 85.
[4] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 223.

яне из Вятской губернии, посылая на съезд делегатов, требовали от них «отстаивания принципа советской власти, закрепления демократических завоеваний второй революции и доведения их до полного торжества социализма»[1]. Тульский губернский съезд крестьянских депутатов дал наказ своему представителю на Всероссийский съезд: «Признание советской власти рабоче-крестьянских народных комиссаров и всемерная поддержка их»[2].

Состав III крестьянского съезда говорил о значительных победах большевистской партии в деревне. Из 422 делегатов от крестьянских советов 163 принадлежали к партии большевиков и 48 делегатов — к сочувствующим большевистской партии. Следовательно, 50% съезда открыто заявляли себя большевиками. К «левым» эсерам принадлежал 121 делегат, и 44 делегата считали себя сочувствующими «левым» эсерам. Правых эсеров на крестьянском съезде было только 4 (включая сочувствующих). Меньшевиков было 2 человека, эсеров-максималистов — 10 делегатов. Партийный состав съезда свидетельствовал о резком политическом размежевании крестьянства. Каждый крестьянин считал для себя обязательным примкнуть к какой-либо политической партии. Высокая партийность являлась спутником революции, следствием обострения классовой борьбы в деревне. Беспартийных на крестьянском съезде было только 35 делегатов. Партийный состав крестьянского съезда свидетельствовал также о полном крахе эсерства. «Левые» эсеры, чтобы сохранить свои позиции в деревне, вынуждены были выступать с лозунгами советской власти и поддерживать декреты Совнаркома. Выступать по-иному — значило потерять доверие крестьян.

«Советская власть с народными комиссарами только может вывести Россию из тяжелого положения»[3],— писал в своей анкете представитель крестьян Минской губернии. «Как в центре, так и на местах власть признаем исключительно за советами трудового народа (крестьян, рабочих и солдат)»,— писал представитель крестьянских организаций армии.

Крестьяне из Псковской губернии призывали к сплочению всего народа вокруг советов «в тесную революционную трудовую семью» и требовали «принятия самых решительных мер, в корне пресекающих всякие контрреволюционные выступления»[4]. Великолуцкие крестьяне в своем наказе депутатам просто и сильно выразили неограниченное доверие народных масс к ленинскому правительству: «Требовать от III съезда советов санкционирования декретов, изданных Советом народных комиссаров... Поддерживать во всех случаях Совет народных комиссаров»[5]. Крестьяне из Самарской губернии требовали от ВЦИК и Совнаркома «впредь также твердо и неуклонно итти по избранному ими единственно правильному пути — коренной ломки старых буржуазно-бюрократических учреждений, полного разрыва с буржуазией и беспощадной борьбы с капитализмом до полного его уничтожения»[6].

Подавляющее большинство крестьянских делегатов записало в своих анкетах, что ленинские декреты проводятся в жизнь. 215 делегатов отметили, что переход земель в руки крестьянства проходил организованно, при активном участии крестьянских советов. Большевистская организованность в деревне сказалась также в том, что крестьяне заботливо охраняли образцовые имения изгнанных помещиков, не допуская уничтоже-

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, с. А/6, д. № 22, л. 24.
[2] Там же, л. 103.
[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 56, л. 30-а.
[4] «Красный архив». Т. 6(85) за 1937 г., стр. 20.
[5] Там же, стр. 27.
[6] Там же, стр. 28.

ния культурных хозяйств. 110 делегатов крестьянского съезда доложили крестьянскому съезду об организованном сохранении будущих советских хозяйств. Крестьянские советы являлись подлинными органами власти. Они занимались учетом сельскохозяйственного инвентаря, принимали активное участие в продовольственном деле, брали на учет запасы продовольствия, вводили норму потребления в деревнях, решительно боролись со спекуляцией.

Характер работы крестьянских советов, большевистское руководство крестьянскими организациями, борьба крестьянских советов с контрреволюцией — все это включало крестьянские советы в общую систему диктатуры пролетариата. Слияние крестьянских советов с рабочими и солдатскими советами, начатое еще в ноябре 1917 г. (после Чрезвычайного крестьянского съезда), теперь могло быть окончательно завершено на III всероссийском съезде советов.

На первом заседании крестьянского съезда, 13 января по предложению Я. М. Свердлова представители крестьянства принимают решение о слиянии с III всероссийским съездом рабочих и солдатских депутатов.

Вечером этого же дня делегаты-крестьяне из Смольного, где собрался крестьянский съезд, направились в Таврический дворец. Горячо встретили рабочие и солдаты представителей многомиллионного крестьянства.

В 9 часов вечера Я. М. Свердлов открыл первое объединенное заседание съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Долго не смолкающими приветствиями, бурей аплодисментов встречают делегаты слова Свердлова о слиянии двух величайших сил русской революции.

Деловая работа съезда продолжалась.

ВЫБОРЫ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

18 января 1918 г. завершилась работа III съезда советов. В этот день съезд принял решения крупнейшего исторического значения.

Во время работы съезда пришли известия о новых победах над Украинской радой, Калединым, Дутовым. Ширилась волна революции и за рубежом Советской республики. Победила рабочая революция в Финляндии. Съезд вынес решение о признании нового, революционного правительства Финляндии. С большим подъемом съезд встретил сообщение о развитии революционного движения в Германии. Подводя итоги этим величайшим событиям, Ленин пророчески предсказал, что вокруг Советской республики «все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций...» [1].

По предложению Я. М. Свердлова съезд принял без прений «закон о земле», поручив вновь избранному ВЦИК окончательно рассмотреть и утвердить закон.

Вторично съезд утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая была принята на первом заседании, когда делегатов было вдвое меньше.

За время работы съезда количество делегатов непрестанно возрастало. Борьба на местах задержала значительную часть делегатов. На по-

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 224. В неопубликованной стенограмме выступления Ленина 18 января 1918 г. это место записано так: «Мы уверены, что она (Советская республика.— *Е. Г.)* будет расти не только внутри, но извне, как союз все большего числа свободных наций...» ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, л. 12.

следнем заседании съезда присутствовало 1587 делегатов с правом решающего голоса»[1].

Я. М. Свердлов предложил избрать во ВЦИК 300 человек, присоединив к ним 20 делегатов от центральных профессиональных организаций и 20 — от Всероссийского съезда военного флота. Порядок выборов был установлен пропорциональный: каждая фракция предлагала съезду свой список соответственно числу членов фракции (примерно от 5 делегатов — 1 член ВЦИК, от каждой армии — 2 делегата)[2].

Выборы ВЦИК на III съезде советов, после разгона Учредительного собрания, должны были окончательно утвердить торжество советской системы.

Провалившись в своих планах заменить съезд советов буржуазным «конвентом», эсеры и меньшевики уже не решались открыто выступать с защитой Учредилки.

Они вытолкнули на трибуну «левую» фракцию максималистов. От имени этой фракции максималист Зверин заявил, что «единственным авторитетным органом в России является весь съезд и никакой другой орган». Демагогически обрушиваясь на Учредительное собрание, Зверин уверял, что избиратели-де доверяют «только съезду и никому другому мы не доверяем». Смысл выступления максималиста был ясен: он хотел сорвать выборы ВЦИК, вместо действенного, гибкого исполнительного органа оставить широкий съезд, который постепенно можно превратить в буржуазный парламент. «...Эти люди только притаились, чтобы повернуть русскую республику на такую же буржуазную республику, которые существуют в большинстве стран...»[3],—говорил Ленин в эти дни. Но льстивая, демагогическая речь Зверина не могла скрыть его предательской тактики. Называя делегатов съезда «лучшими работниками», «лучшими людьми», Зверин заявил: «Мы предлагаем вам, работникам с мест, которых восемь дней держали без всякой работы, мы предлагаем вам остаться здесь, разбиться на комиссии и начать строить трудовую Россию»[4]. Слова Зверина были встречены аплодисментами на скамьях эсеров и меньшевиков. Смущенный такой откровенной поддержкой, максималист Зверин повернулся к правым скамьям. «Вы оказываете мне медвежью услугу,— кричал он,— я вам спасибо не скажу»[5].

Подавляющим большинством голосов съезд принял предложение Свердлова о выборах ВЦИК.

---

[1] Данные о количестве делегатов на III съезде очень противоречивы. По материалам анкет, на съезде присутствовало 1128 делегатов от рабочих, солдатских и крестьянских советов. По данным мандатной комиссии, опубликованным в протоколах съезда, выдано было мандатов 1046, из них с правом решающего голоса — 942 и с правом совещательного — 104. Но в эти данные не вошли делегаты крестьянского съезда. Это видно из мандатов, сохранившихся в архиве. Этих мандатов, выданных рабочими и солдатскими советами,— 964 (см. ЦАОР, ф. 1235, оп. 6-а, д. № 51—52).

В сохранившейся (неопубликованной) стенограмме заседания III съезда от 18 января Я. М. Свердлов заявил, что на съезде присутствует 977 делегатов от рабочих и солдатских советов и 610—от крестьянских (т. е. всего 1587) с правом решающего голоса. Эта цифра является наиболее точной, так как при выборах ВЦИК на заседании 18 января Я. М. Свердлов заявил: «У нас в настоящее время имеется налицо 1587 делегатов» (ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, лл. 8—16). Остается непонятным, почему в опубликованных газетных отчетах (и в книге протоколов, составленной по этим отчетам) значится, что Свердлов на заседании 18 января заявил: «Теперь делегатов здесь присутствующих 916». Надо полагать, что в этот момент на съезде отсутствовали крестьянские делегаты, которые заседали в Смольном вместе со съездом земельных комитетов (см. «Дело народа» № 2 от 19 января 1918 г.). К выборам ВЦИК крестьяне, очевидно, вернулись в Таврический дворец.

[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, л. 76.

[3] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 232.

[4] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, л. 9.

[5] Там же.

Таким образом провалился этот тактический шаг эсеров и меньшевиков, который был рассчитан на отрыв руководящих работников мест от непосредственной борьбы и на получение широкого поля для парламентских обструкций против Совнаркома.

Съезд избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет в составе 306 человек. Из них большевиков—160, «левых» эсеров—125, меньшевиков-интернационалистов — 2, анархистов-коммунистов — 3, эсеров-максималистов — 7, правых эсеров — 7, меньшевиков-оборонцев—2[1].

Итоги исторической работы съезда подвел в своем выступлении почетный председатель III съезда советов В. И. Ленин. «...следует с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот съезд в истории международной революции, в истории человечества,— начал свою заключительную речь В. И. Ленин.— Можно сказать с неоспоримым основанием, что III съезд советов открыл новую эпоху всемирной истории...»[2].

III съезд советов закрепил организацию новой государственной власти. Ломка старого, эксплоататорского государственного аппарата была в основном закончена. Ленин отмечал на съезде, что все великие революции прошлого пытались разбить старый государственный аппарат. «Только потому, что наша революция стояла на плечах целого ряда великих революций XVII, XVIII и XIX века, этот шаг удалось сделать»[3]. «Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества»[4].

Ленин еще раз предупредил представителей народа, что впереди революцию ждет много трудностей: «Буржуазия пустит все средства в ход, будет играть ва-банк, чтобы сокрушить наше единение. Найдутся лжецы, провокаторы, предатели, быть может, найдутся бессознательные люди, но нам ничего отныне не страшно, ибо мы создали свою новую государственную власть»[5].

III съезд советов подвел первые итоги проделанному историческому опыту масс. Съезд подвел первые итоги деятельности советского правительства, итоги борьбы за построение социализма в стране, за создание нового аппарата управления, за укрепление новой государственной формы — советов. В самый разгар триумфального шествия съезд оформил и закрепил победы нового государственного строя.

В дни съезда вспыхнули первые зарницы революции на Западе. «Мы уже не одиноки,— говорил Ленин.— За последние дни произошли знаменательные события не только на Украине и Дону, не только в царстве наших Калединых и Керенских, но и в Западной Европе... Огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым строем»[6].

---

[1] «Третий всероссийский съезд...», стр. 87.
[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 223.
[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 6, д. № 8, л. 12 (из неопубликованного варианта выступления Ленина на III съезде).
[4] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 223.
[5] Там же, стр. 224.
[6] Там же, стр. 225.

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В СССР

В. Пичета

НАЧАЛО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Славяноведческая наука в России особенно оживилась в начале XIX века. На ее развитие оказал влияние ряд причин. Во-первых, политические устремления российского самодержавия на Восток и на Балканы. В борьбе против турок царизм в начале XIX в. стремился использовать национально-освободительное движение сербского и других балканских народов, переживавших период возрождения.

Культурный подъем у славянских народов, естественно, оказал влияние на развитие интереса русской исторической литературы к славянской филологии и истории.

Н. М. Карамзин интересовался славянской филологией и историей славян. В его известных примечаниях встречаются описания памятников и ценные выписки из древних текстов, впоследствии частично погибших. Н. М. Карамзин уже был знаком с «Institutiones» Добровского и считал церковно-славянский язык одним из наречий сербского языка, а кириллицу — древнее глаголицы.

Профессор Московского университета М. Т. Каченовский (1775—1842) переводил статьи Добровского и польских славистов Линде, Бантке и других и сам написал ряд оригинальных филологических произведений. В работе «О славянском языке вообще и в особенности о церковном» («Вестник Европы» за 1816—1817 гг.) автор также доказывает, что церковно-славянский язык был древнесербским.

Центром славяно-русской филологии, вокруг которого объединились слависты XIX в., был граф Н. П. Румянцев, известный собиранием и изданием памятников древнерусской письменности [1]. Им было издано сочинение Добровского «Кирилл и Мефодий».

А. X. Востоков (1781—1864), ученая деятельность которого в области славянской филологии была широка и разнообразна, еще в 1820 г., до опубликования Добровским своих «Institutiones», напечатал «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка», — труд, впервые установивший отношение церковно-славянского языка к другим славянским языкам и предвосхищавший выводы, к которым пришел Добровский. Им же изданы знаменитое «Остромирово евангелие» (1843) — труд, обогативший славянскую филологию, — и «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842) — замечательный труд, необходимый для славянского филолога и историка [2].

---

[1] Ягич И. «Энциклопедия славянской филологии». Вып. I, стр. 165—166. СПБ. 1910.

[2] Петухов Е. «Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. X. Востокова» (Журнал министерства народного просвещения (Ж. М. Н. П.) за 1890 год, III); Ягич И. Указ соч., стр. 215—224.

Не менее плодотворна была ученая деятельность К. Ф. Калайдовича (1792—1832), археографа и историка, одного из первых славянских филологов и историков. Он открыл много памятников древнерусской письменности, в том числе «Изборник Святослава» (1073). На основании найденных памятников Калайдович написал ценную работу «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824). В 1825 г. им опубликовано ценное «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого» [1].

Так зарождалось русское славяноведение, пока не выходившее за пределы славяно-русской филологии и издания памятников славяно-русской письменности. Им интересовались отдельные лица, так или иначе связанные между собой научными интересами. Благодаря настойчивости профессора Московского университета Каченовского в 1811 г. в Московском университете была учреждена кафедра славяноведения, которую занимал сам Каченовский [2], но кафедра существовала недолго и вскоре была закрыта. При Александре I Московский университет не поднимал вопроса об ее открытии, и только правительство Николая I по соображениям политического характера признало нужным в 1835 г. открыть в университетах кафедры по славяноведению.

В связи с учреждением новых кафедр вставал вопрос об их замещении и о подготовке избранных кандидатов. С этой целью намеченные кандидаты должны были отправиться заграницу для знакомства со славянскими странами и для изучения «истории и литературы славянских наречий», которые они должны были преподавать в университетах. Московский университет выдвинул из своей среды О. М. Бодянского (1803—1877), ученика Каченовского, окончившего университет в 1834 г., успевшего сдать к 1836 г. магистерские испытания, к которым он приготовился преимущественно по «славянской истории и литературе».

Харьковский университет выдвинул И. И. Срезневского, яркого представителя украинского возрождения 30-х годов XIX века.

Петербургский университет выдвинул П. И. Прейса, учителя гимназии в Дерпте.

Казанский университет пригласил на кафедру В. И. Григоровича (1815—1876), окончившего университет в Дерпте, усердно занимавшегося в Казани славянской филологией.

Таковы были первые избранники на новую кафедру. Отличаясь друг от друга талантами и научными интересами, все они сближались в одном: они были филологами и историками славянских литератур, но не историками. История славянских народов, притом еще мало разработанная, видимо, была для них второстепенным элементом.

Вернувшись в Россию после двухлетнего скитания по славянским и другим странам, они приступили к чтению лекций в университетах и этим положили начало университетскому преподаванию «истории и литературы славянских наречий», с бо́льшим уклоном в сторону славянской филологии чем в сторону истории славян.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ СЛАВИСТОВ

Научные интересы первых русских славистов склонялись большей частью к славянской филологии и литературе.

Первый профессор по кафедре славистики в Московском университете, О. М. Бодянский, дал мало оригинальных трудов. В 1848 г. он перевел «Славянское народописание» Шафарика и опубликовал в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» отдельные

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 167—170.

[2] Кочубинский А. «Начальные годы русского славяноведения», стр. 238—239. СПБ. 1888.

его статьи, связанные со славянскими древностями[1]. Он перевел текст Виндольского статута («Чт. в Общ. ист. и др. росс.» за 1846 г. Кн. 4-я) и старохорватскую хронику. Из Палацкого им был переведен этюд из законов царя Душана. Напечатал он также ряд славянских литературных памятников.

Ему же принадлежит обширное сочинение «О времени происхождения славянских писмен» (1855), в котором собрано много интересного материала. Как справочное издание, оно не потеряло своего значения и до настоящего времени. Параллельно с занятиями славистикой О. М. Бодянский издал ряд важнейших источников по истории Украины.

О. М. Бодянский все время поддерживал оживленную переписку с Шафариком, благодаря которой он был постоянно в курсе славянских научных новостей.

Как профессор университета, О. М. Бодянский ежегодно читал курс одного из славянских языков. Отсутствие славянских текстов в значительной степени тормозило изучение в университете славянских языков.

Сосредоточив главное свое внимание на преподавании славянских языков и издании памятников письменности, доступных только небольшому кругу специалистов, О. М. Бодянский не сумел стать крупным пропагандистом и защитником изучения славянства. В 1866 г. О. М. Бодянский принужден был оставить кафедру в Московском университете, так как не был переизбран Советом университета.

Более глубоким оказался второй славист, профессор Харьковского университета И. И. Срезневский[2]. Он начал свой курс с «Энциклопедического введения в изучение славянства», в котором сообщал много исторических, этнографических и литературных сведений о славянстве. Это был курс общего характера, доступный по своему содержанию пониманию широкой аудитории.

И. И. Срезневский касался в своем «Введении» всех славянских народов. Идеологической основой его курса была мысль о славянской солидарности, очень ярко выраженная в его вступительной лекции, прочитанной 11 октября 1842 года.

И. И. Срезневского больше всего привлекали вопросы славянской этнографии. Он напечатал следующие работы с этнографическим уклоном: «Об обожании солнца у древних славян» (Ж. М. Н. П. за 1845 г.); «Архитектура храмов языческих славян» («Чт. в Общ. ист. и др. росс.» за 1846 г. Кн. 7-я); «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям» (1846); «О языческом веровании древних славян в бессмертие души» (Ж. М. Н. П. за 1846 г.); «Очерки Трансильвании» (СПБ. 1849); «Угорская Русь»; «Отрывки из географии русского языка» (СПБ. 1852); «Фриульские славяне» (СПБ. 1844) и др.

В Петербурге, где И. И. Срезневский занял кафедру умершего Прейса, он работал над вопросами славянской филологии. Уже во вступительной лекции в Петербургском университете в январе 1847 г., «О пользе изучения славянской филологии», ярко был выражен круг его научных интересов: его преподавание сводилось к краткому обзору славянской науки, к изучению славянских древностей, палеографии и памятников южной славянской и русской письменности. В отношении издания памятников славянской письменности, главным образом южной, И. И. Срезневским сделано очень много. Очень много обращал внимания И. И. Срезневский на вопросы, связанные со славянскими археологическими памятниками.

---

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 462—466.

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 467—469; Бычков А., статья в «Известиях Отделения русского языка и словесности». Т. XXII.

Предшественник И. И. Срезневского по кафедре Петербургского университета П. И. Прейс не успел выполнить своих планов: он умер в 1846 г., начав свою деятельность в 1842 году. Он предполагал на протяжении первых трех курсов прочитать историю всех славян, а на четвертом — сравнительную грамматику славянских языков [1]. Итогом его научной деятельности были статьи, напечатанные в журналах; среди них наиболее интересной была его речь «Об эпической поэзии у сербов» (1845).

В. И. Григорович был человеком больших способностей и обладал большими знаниями по своей специальности, но он не умел воспользоваться своими знаниями и, во всяком случае, дать что-либо значительное. В. И. Григорович был историком литературы и филологии. Интересно, что вслед за Копитаром он считал глаголицу более ранней по происхождению чем кириллица. В. И. Григорович предполагал, что Кирилл и Мефодий уже знали глаголицу. В. И. Григорович больше всего интересовался кирилло-мефодиевской проблемой, о чем свидетельствуют его работы «Несколько слов, сказанных проф. славянских наречий В. Григоровичем по поводу празднования тысячелетия со времени кончины св. Кирилла» (1869) и «Из летописи славянской науки» (1871). Для своего времени была выдающейся его монография «О Сербии и ее отношениях к союзным державам преимущественно в XIV—XV вв.» (1859), в которой автор показал себя прекрасным знатоком византийских источников.

Таковы были первые ученые-слависты в России. Нельзя сказать, чтобы они заинтересовали широкие круги студенчества изучением истории и культуры славянских народов. Интересы славистов не выходили за пределы университетской аудитории. Всё же первые славянские филологи заложили фундамент изучения истории, языка и культуры славянских народов [2].

Первые русские слависты поставили изучение славянства на неправильный в научном отношении путь. Разделяя славянофильские воззрения или примыкая к теории официальной народности, первые русские славяноведы выдвигали теорию о своеобразии исторического процесса у славян по сравнению с народами Западной Европы, при этом поляки выбрасывались из славянского мира, так как они, усвоив христианство по римско-католическому обряду и примкнув к западноевропейскому германо-романскому миру, тем самым якобы вычеркнули себя из семьи славянских народов. К чехам отношение было терпимое, ибо в их прошлом было движение, связанное с именем Гуса, которое стремилось вырвать чехов из сферы влияния германо-романской культуры и римского католичества. К тому же представители зарождавшейся чешской буржуазной интеллигенции не отказывались от поддержания сношений с царским правительством, не говоря уже о том, что они сохраняли живое общение с такими махровыми представителями теории официальной народности, каким был М. П. Погодин. Естественно, что южные славяне и их культура становились центром внимания первых славистов, так как южные славяне сохранили вместе с русскими славянами основные черты, характерные для славянского общественного и культурного развития.

Такая «славянская философия истории», естественно, была пропитана политическими лозунгами дворянской империи, подготовлявшей свое утверждение на Балканах, в особенности в Болгарии, через которую шла дорога в Константинополь, объект политических вожделений царизма со времен Екатерины II.

---

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 477—479.

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 479—484; Александров А. «В. И. Григорович, проф. славянских наречий». Казань. 1901; Маркович А. «Двадцатипятилетие Новороссийского университета». Одесса. 1890.

Официальный панславизм Николая I служил оправданием руссификаторской политики, которую проводило его правительство в отношении славянских народов — белорусского и украинского. Естественно, что украинские националисты во главе с Н. И. Костомаровым подняли свой голос против официального панславизма с его политикой руссификации и объединения всех славянских народов под властью царизма. Централистическому, реакционному панславизму Костомаров противопоставлял идею федерации славянских народов на принципах равноправия и национального самоопределения. А великий поэт, революционный демократ Т. Г. Шевченко призывал угнетенное крепостное крестьянство встать на путь борьбы против Николая I и освободиться от помещичье-царского кулака.

ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ

Славяноведение, как наука о «славянской филологии», могло быть доступно и понятно только небольшому количеству избранников. Оно не могло заинтересовать даже широкие дворянские общественные круги. Между тем восточная политика царизма, связанная с лозунгами об освобождении южнославянских народов от турецкой зависимости, настоятельно требовала исторических исследований, которые знакомили бы с прошлым южнославянских народов. Начало исторического изучения славян было положено болгарином-эмигрантом С. Н. Палаузовым, опубликовавшим две ценные для того времени работы: «Век болгарского царя Симеона» (1853) и «Юговосток Европы» (Ж. М. Н. П. за 1857 г.). Кроме того С. Н. Палаузов в московском издании «Чтения в Обществе истории и древностей российских» напечатал немало материалов по древней истории болгар. С. Н. Палаузов принадлежит к младшему поколению болгарских возрожденцев первой половины XIX века. Отсюда своеобразная идеализация древнейшей истории болгар. Вместе с тем С. Н. Палаузовым правильно была охарактеризована византийская политика по отношению к Болгарии как политика, стремившаяся подчинить Болгарию Византии, а вместе с тем и задержать ее культурный подъем. Век царя Симеона — это борьба болгар за национальное и культурное самоопределение. При всех своих методологических недостатках работа буржуазного националиста С. Н. Палаузова заслуживала внимания, но она была встречена довольно холодно в официальных славянских русских кругах.

В это же время вышла и большая работа ученика О. М. Бодянского А. А. Майкова «История сербского языка в связи с историей народа» (1857). Историческая часть этого труда была издана в Белграде А. А. Майковым в 1858 г., а в 1876 г. сербский ученый Даничич издал ее вторично. Этот большой труд, знакомящий с внешней историей сербского народа, имеет много недостатков, так как по целому ряду вопросов в то время отсутствовали монографические исследования. А. А. Майков опубликовал также и несколько ценных небольших монографий, в частности «О суде присяжных у южных славян» (1861), «О развитии земельной собственности у славян» и о «пронии» в Сербии Все эти сложные проблемы были поставлены им впервые.

Реакцией против официального славянофильства была монография С. М. Шпилевского «Союз родственной защиты у древних славян и германцев» (1868). Впротивовес Н. Иванищеву, К. С. Аксакову, противополагавшим славянизм германизму, С. М. Шпилевский путем сравнительного изучения интересовавших его институтов не нашел особой разницы между славянскими и германскими институтами.

Еще более отчетливо выступил против официального панславизма и славянофильского учения об особенностях общественного быта древнейших славян А. Н. Пыпин (1833—1904), ученик В. И. Григоровича по Казанскому университету. А. Н. Пыпин, хотя и не стал славистом,

все же уделял немало внимания истории славянства. Как представитель либерально-буржуазной интеллигенции, А. Н. Пыпин крайне враждебно относился к реакционному славянофильству и официальному панславизму. Русскому славяноведению в XIX в. А. Н. Пыпин посвятил ряд статей («Вестник Европы» за 1889 год. Кн. 7—8-я); отправным пунктом мировоззрения Пыпина было признание за каждым народом права на национальное самоопределение. А. Н. Пыпин сочувствовал свободному развитию «малорусского языка», но в то же время он опасался, что развитие «малорусского языка» приведет к потере русскими промышленниками украинского рынка, что А. Н. Пыпин характеризовал как разрыв с общерусской культурной жизнью.

В связи с тысячелетием со времени смерти «славянского первоучителя»— Кирилла — кирилло-мефодиевская проблема сделалась центром внимания русских историков-славистов. Начало изучению кирилло-мефодиевского вопроса было положено иезуитом И. Мартыновым (1821—1894), окончившим курс историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1863 г. им был опубликован «Annus ecclesiascus graeco-slavicus», editus anno millenario ss. Cyrilli et Methodii». Это была биография обоих славянских «апостолов», где очень тщательно были собраны факты, имевшие отношение к их жизни и деятельности, конечно, освещенные с католической точки зрения. Мартынов весьма внимательно изучил источники, связанные с деятельностью обоих братьев, и без этого труда не может обойтись ни один из исследователей кирилло-мефодиевского вопроса. Итогом источниковедческих занятий Мартынова были две работы: «Saint Méthode, apôtre des slaves, et les lettres des souverains pontifs conservées au «British Museum» («Revue des questions historiques», 1886, octobre) и «La légende italique des saints Cyrille et Méthode» (Ibid. 1884, janvier). Мартынов следил за русской и славянской историографией и печатал критические обзоры во французских журналах, в частности им был напечатан «Обзор славянской литературы за десятилетие с 1878 по 1888 гг.»[1].

Одновременно с исследованием иезуита Мартынова была опубликована и работа П. А. Лавровского (1827—1886) о «Кирилле и Мефодии» (Харьков, 1863), направленная против католического историка Рачкого. Лавровский собрал значительный материал из источников и показал себя достаточно хорошо подготовленным исследователем, но византийско-православная точка зрения, которая им отстаивается вопреки фактическому материалу, снижает научное достоинство его труда. П. А. Лавровский крайне критически отнесся к труду иезуита Мартынова «La légende italique», но ему не удалось опровергнуть критические соображения Мартынова. Наиболее авторитетными работами о Кирилле и Мефодии были исследования А. Д. Воронова (1838—1883) «Кирилл и Мефодий. Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия» (Киев. 1877)[2] и И. И. Малышевского «Вопросы критики относительно некоторых источников для истории св. Кирилла и Мефодия» (Труды Киев. дух. акад. за 1877 г. № 12) и «Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские» (Киев. 1886). Исследования обоих киевских ученых были очень сочувственно встречены научной критикой («Archiv für slavischen Philologie», XII, р. 216—222; Ж. М. Н. П., 1885 г., VI[3]).

Кирилло-мефодиевский вопрос заинтересовал В. А. Бильбасова (1838—1904), специалиста по истории эпохи Екатерины II. В 1868 г. им был опубликован первый том — «Кирилл и Мефодий по документальным источникам» (СПБ),— а в 1871 г. вышел и второй том — под

---

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 655—656.
[2] Там же, стр. 656—657.
[3] Там же, стр. 657.

заглавием «Кирилл и Мефодий по западным легендам» (СПБ). Достоинство обоих трудов В. А. Бильбасова заключается в критической оценке источников для биографии обоих братьев, хотя иногда автор слишком скептичен, и последующая критика отвергла отдельные положения Бильбасова. Деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии была затронута Ф. И. Успенским в исследовании «Первые славянские монархии на северозападе» (СПБ. 1872), в котором исследователь подчеркивал значение деятельности Мефодия и организованной им славянской церкви для укрепления политической независимости великоморавской державы.

Естественно, что русских историков-славистов и в дальнейшем интересовала кирилло-мефодиевская проблема. Помимо более ранних работ о Кирилле и Мефодии в конце 30-х годов появился ряд новых работ, учитывавших достижения славянских и западноевропейских ученых по кирилло-мефодиевскому вопросу [1].

Исследователи-слависты очень много занимались изучением древнейшей славянской письменности. М. И. Соколов в своих «Материалах и заметках по старинной славянской литературе» (Вып. 1-й. М. 1888) особенное внимание уделил апокрифическим книгам: «Апокрифическое откровение Варуха» (Труды слав. ком. Т. IV); «Апокрифическая книга «Энох» (Матер. и заметки по старинной слав. литер. «Чт. в Общ. ист. и др. рос.» 1899 г. Т. IV); «Феникс в апокрифах об Энохе и Варухе» (Новый сборник статей по славяноведению. СПБ. 1905) [2].

СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ СЛАВЯНОВЕДЕНИИ

Русские историки-слависты раннего периода почти все принадлежали к славянофильскому лагерю.

Одним из наиболее ярких представителей славянофильского славяноведения был А. Ф. Гильфердинг (1832—1872), окончивший Московский университет. Еще будучи студентом, он был близко связан со славянофильскими кругами: с Хомяковым, К. Аксаковым, братьями Киреевскими, Самариным, — под влиянием которых обратился к изучению истории и языков славянских народов. Но А. Ф. Гильфердинг также слушал лекции Т. И. Грановского и С. М. Соловьева, которые воспитывали в своих слушателях крайнюю осторожность в выводах. Назначенный в 1856 г. русским консулом в Сараево, А. Ф. Гильфердинг имел возможность лично наблюдать и изучать политическую и общественную жизнь южных славян, что послужило толчком к его научным занятиям по истории южного славянства. А. Ф. Гильфердинг верно оценивал тяжелое политическое положение славянства, он был искренен в симпатиях к южному славянству, искавшему выхода из того тяжелого политического положения, в каком оно находилось в середине XIX столетия.

---

[1] Так, А. С. Архангельский посвятил Кириллу и Мефодию работу «Св. Кирилл и Мефодий и совершенный ими перевод св. писания» (Казань. 1885); А. С. Будилович опубликовал работу «Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности Кирилла и Мефодия» (Воронеж. 1885); Е. Голубинский — работу «Св. Константин и Мефодий, первоучители славянские» (К. 1895); П. А. Лавров — «Житие Мефодия» (М. 1895) и «Св. Кирилл и Мефодий» («Книга для чтения по истории средних веков». Т. II. М. 1903); И. В. Ягич — «Вновь найденные свидетельства о деятельности Константина философа, первоучителя славян св. Кирилла» (СПБ. 1893) и «Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии» (СПБ. 1884); Н. В. Ястребов выступил с работой «Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских» (СПБ. 1911); С. Ф. Шевченко занимался изучением «Кирилловских рукописей» в Дрезденской королевской публичной библиотеке (К. 1911).

Обратила на себя внимание исследователей и деятельность ближайшего ученика Мефодия — Климента. В. М. Ундольский и П. А. Лавров совместно опубликовали ценную работу «Климент, епископ словенский» (СПБ. 1895). Его же жизни и деятельности посвящена большая работа Н. Л. Туницкого «Климент, епископ словенский» (Сергиев посад. 1916).

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 800—802; Дурново Н. «М. И. Соколов». М. 1907.

Он считал, что изменить положение славянства могло только царское правительство. Поэтому исследования А. Ф. Гильфердинга по истории южного славянства становились идеологическим обоснованием для проникновения царизма на Балканский полуостров под предлогом защиты угнетенного славянства.

В 1855 г. А. Ф. Гильфердинг опубликовал «Письма об истории сербов и болгар», печатавшиеся сначала в «Московских ведомостях». А. Н. Пыпин признал эти письма «первым цельным трудом по славянской истории». Будучи консулом в Боснии, А. Ф. Гильфердинг напечатал книгу «Босния и Герцеговина и старая Сербия» (1859), в которой знакомил читателя с действительным положением босняков, герцеговинцев и сербов. Книга содержит много ценных наблюдений относительно народного быта, в котором существует «крепкое господство общинного начала» в противоположность Западу, где личность преобладала над общиной. В 1858 г. А. Ф. Гильфердинг напечатал в Париже брошюру «Les slaves occidentaux», в которой резко выявил свое отрицательное отношение к западному католическому славянству, так как считал, что только православие может быть религией славян. Брошюра Гильфердинга наделала много шуму среди чехов и поляков и была встречена ими крайне враждебно. Вычеркивая, в частности, поляков из семьи славянских народов, Гильфердинг этим полностью поддерживал политику царизма в Польше. Идеолог панславизма, А. Ф. Гильфердинг пропагандировал необходимость введения кирилловского письма для всех славянских народов.

Вместе с тем А. Ф. Гильфердинг заинтересовался историей онемеченного прибалтийского славянства. Итогом его поездки в Померанию и исследований в области германо-славянских отношений явились его работы «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (СПБ. 1862) и «Борьба славян с немцами на Балтийском море в средние века» (СПБ. 1861), впоследствии расширенная в «Историю много фактического материала, но автор оказался не в силах разобраться в нем, так как идеология славянофильской школы помешала ему правильно понимать факты общественной и политической жизни прибалтийских славян. А. Ф. Гильфердинг написал краткий «Очерк истории Чехии», небольшую книжку «Гус и его отношение к православной церкви» (СПБ. 1871), в которой бездоказательно говорил, что Гус относился очень сочувственно к православной церкви и старался познакомиться с ее учением.

Несмотря на явную тенденциозность трудов А. Ф. Гильфердинга нельзя отрицать полезность и ценность отдельных его работ, главным образом тех, где автор выступает как исследователь и знакомит читателя с новыми фактами из истории южного славянства.

Ярым представителем славянофильского славяноведения был П. А. Л а в р о в с к и й (1827—1886), сначала профессор Харьковского, а потом, с 1869 г., ректор Варшавского университета. Руссификатор П. А. Лавровский был известен своей борьбой с прогрессивными буржуазными профессорами в Харьковском университете. Кроме тенденциозной научной работы о Кирилле и Мефодии П. А. Лавровский напечатал ряд статей по славяноведению, в частности статьи «Коренное значение в названиях родства у славян» и «Падение Чехии в XVII в.» (Чт. в Общ. ист. и др. росс. за 1868 г. Кн. 2-я).

П. А. Лавровский пригласил в Варшавский университет на кафедру истории славянских народов И. И. П е р в о л ь ф а (1841—1895), чеха, окончившего курс в Пражском университете. И. И. Первольф занимался интересовавшим его вопросом о славянской взаимности. Этому же вопросу была посвящена его русская диссертация «Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века» (СПБ. 1874). Та же излюбленная

И. И. Первольфом тема была предметом исследования в его трехтомном сочинении под заглавием «Славяне, их взаимные отношения и связи», т. I — «Очерк истории славян до XVIII века» (Варшава. 1886); т. II — «Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII в.». Ч. 1-я. «Западные славяне» (Варшава. 1890). Ч. 2-я. «Славяне западные и восточные в их взаимных сношениях» (Варшава. 1893), изданная после смерти автора. В работах И. И. Первольфа собрано много интересных фактов, но в них нет критической мысли, нет анализа привлеченных им к изучению источников. Большим сочувствием к славянству проникнута и докторская диссертация И. И. Первольфа «Германизация балтийских славян» (СПБ. 1876), но автор некритичен в своем отношении к источникам и не обращает внимания на социально-экономические причины, облегчавшие германизацию славян. И. И. Первольф коснулся балтийских славян и в своей статье «Варяги-Русь и балтийские славяне» (Ж. М. Н. П. за 1877 г., июль). Статья написана по поводу исследований Гедеонова—Забелина о варяго-русском вопросе. Первольфу принадлежит много отдельных статей и на чешском языке. Нельзя, разумеется, отрицать у Первольфа больших знаний по истории славян. Как справочное пособие его работы не потеряли своего значения и в настоящее время, но как исследователь И. И. Первольф отстал от современной ему европейской исторической науки.

Почти одновременно с исследованием И. И. Первольфа о полабских славянах и их борьбе с немцами писал и А. Павинский (1840—1896), родом поляк, профессор Варшавского университета, прошедший историческую школу в России — в Петербурге и в Дерпте — и в Германии — в Берлине и в Геттингене. Исследования А. Павинского — яркая противоположность работам И. И. Первольфа. Симпатии к прибалтийскому славянству не помешали Павинскому быть в то же время и первоклассным историческим исследователем, всегда стоявшим на почве реального факта, критического изучения источника и никогда не упускавшим из виду те внутренние социально-политические отношения, которые содействовали ускорению процесса германизации прибалтийского славянства.

Кафедру славяноведения в Варшавском университете занимал впоследствии В. В. Макушев (1837—1883), сосредоточивший свое исследовательское внимание на истории города Дубровника, в котором он одно время (с 1862 по 1865 г.) был секретарем русского консульства. Еще в 1861 г. им была напечатана студенческая работа «Сказания иностранцев VI—X вв. о быте и нравах славян», сохраняющая свое значение и в настоящее время. В итоге своих занятий в архивах Дубровника В. В. Макушев напечатал «Очерк дипломатических сношений с Дубровницкой республикой» (Чт. в Общ. ист. и др. росс. за 1865 г. Кн. 3-я), а затем написал магистерскую диссертацию «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» (Зап. Ак. наук. XI. 1867. Приложение № 7).

В октябре 1876 г. В. В. Макушев получил заграничную командировку для работы в итальянских архивах, в которых им и собран богатейший материал по истории далматинских славян и их соседей. Им был опубликован отчет о заграничной командировке под заглавием «Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории» (Зап. Ак. наук. 1871. XVI, XIX). Часть извлеченных им памятников была издана в Варшаве в 1874 г., а другая — в Белграде в 1882 г. под заглавием «Monuments historiques des slaves méridionaux». Итогом занятий В. В. Макушева в итальянских архивах была докторская диссертация «Исторические разъяснения о славянах в Албании в средние века» (Варшава. 1871). Исследования В. В. Макушева сохраняют значение и в настоящее время благодаря богатому фактическому материалу. Как исследователь В. В. Макушев стоял на уровне современной ему исторической науки.

В связи с обострением турецко-болгарских отношений и усилением агрессивной политики царизма на Балканах В. В. Макушев напечатал ряд статей по истории южного славянства: «Болгария в конце XII и в первой половине XIII века» (Варшава. «Унив. изв.» за 1872 г.), «Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI вв.» (Ж.М.Н.П. за 1872 г.); «Восточный вопрос в XVI и XVII ст. по неизданным источникам» (Слав. сбор. III. 1876); «Современное положение дунайских славян» («Русский вестник» за 1876 г. Т. 123)[1].

Учеником В. В. Макушева был В. В. Качановский (1853—1901), будущий профессор Казанского университета, потом Нежинского историко-филологического института. В Казани В. В. Качановский издавал «Вестник славянства», выходивший с 1888 по 1890 г. (кн. I — V) и в Киеве с 1891 по 1896 г. (кн. VI—XI), но не имевший широкого распространения ввиду своих охранительно-панславистских тенденций.

В. В. Качановский был очень плодовитым писателем-историком и историком славянских литератур, но его работы не стояли на высоте даже тогдашней исторической науки[2]. Естественно, что его научные интересы были сосредоточены на изучении политической, культурной и литературной жизни южных славян, но он не дал ни одного большого труда.

В. И. ЛАМАНСКИЙ И ЕГО ШКОЛА

Большое значение в истории русского славяноведения имел В. И. Ламанский (1833—1914)—с 1865 г. доцент, впоследствии профессор Петербургского университета. В 1909 г. он был избран ординарным академиком Академии наук[3]. В. И. Ламанский с его многочисленными учениками был представителем воинствующего национализма и панславистской школы славяноведения. В 1859 г. Ламанский опубликовал свою магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании», в которой собран большой материал. Она представляет собой яркий образец панславистских увлечений автора. В. И. Ламанский выделял «в истории новой Европы особую действующую группу народов» — греко-славянскую, отличающуюся от другой европейской группы, романо-германской. В. И. Ламанский во всех своих работах проводил идею единения славян как этнографической группы, противоположной романо-германской. Считая толки об общеславянском языке «величайшей бессмыслицей», В. И. Ламанский полагал, что только «русский язык может стать общелитературным языком славянства», впрочем, принятие русского языка должно быть актом вполне добровольным. Как славянофил и панславист, Ламанский принял деятельное участие в организации славянского съезда в Москве в 1867 году. В. И. Ламанский не раз выступал с полонофобскими речами, полностью поддерживая руссификаторскую политику царизма в Польше. В 1871 г. В. И. Ламанский опубликовал большую работу — «Об историческом значении греко-славянского мира»,— за которую получил степень доктора славянской филологии. В этой работе научное исследование смешивается с политическими и публицистическими выступлениями в духе панславизма, вернее панруссизма. В ней был собран богатый материал, освещавший отношение немецкой науки к славянам. Отзывы были подобраны односторонне и тенденциозно. Сочувственные отзывы Гёте, Гердера и ряда других писателей и ученых о славянах сознательно вовсе не были упомянуты В. И. Ламанским. Едва ли не самым значительным трудом

---

[1] Перечень всех историко-филологических трудов В. В. Макушева дан А. Смирновым в «Русском филологическом вестнике» за 1883 год. Т. IX.

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 802—805; Сперанский М. «Памяти В. В. Качановского». Нежин. 1901.

[3] Грот К. «Вл. И. Ламанский». Петроград. 1915; Шахматов А. А. «Некролог Вл. Ив. Ламанского» («Известия Академии наук» № 8 за 1914 год).

В. И. Ламанского было опубликование большого тома документов под заглавием «Secrets d'Etat de Venise. Documents extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane á la fin du XV au XVI siècle» (S. Pét. 1881) с соответствующим предисловием и отдельными историческими этюдами. Славянофильство В. И. Ламанского нашло свое синтетическое воплощение в исследовании «Три мира Азиатско-Европейского материка» (СПБ. 1892. 2-е изд. 1916), в котором англо-саксонский мир Нового света и греко-славянский относятся автором к миру будущего, тогда как романо-германский мир уже ощущает «признаки подходящей старости», а азиатский мир—это «мир развалин, необновимого прошедшего и дряхлеющей старости». Назвать эту работу исследованием даже в буржуазном понимании нельзя, хотя автором использован большой конкретный материал. Это скорее всего философско-политические размышления над судьбами Азии, Европы и Америки. Наконец, В. И. Ламанский опубликовал большое исследование о «Славянском житии Кирилла» (СПБ. 1904), очень ценное своими отдельными замечаниями и наблюдениями, но выводы мало обоснованы. Даже А. А. Шахматов назвал их гадательными.

«Патриарх русского славяноведения» был идеологом самодержавия, его захватнической балканской политики и великорусского националистического шовинизма. Этого не следует забывать при оценке отрицательной роли В. И. Ламанского в истории русского славяноведения [1].

Из школы В. И. Ламанского вышел ряд учеников, разделявших его историко-философские и политические взгляды.

Представителем старшего поколения последователей В. И. Ламанского был Ф. Ф. Зигель (1845—1920), впоследствии профессор Варшавского университета. Будучи студентом-юристом, он слушал лекции и на историко-филологическом факультете и занимался у Ламанского. Ф. Ф. Зигель обратился к изучению «Законника Стефана Душана», т. I (СПБ. 1872), и написал хорошее исследование, знакомящее с историей происхождения «Законника» и его догмой.

В России это было первое исследование о «Законнике Стефана Душана». Ф. Ф. Зигель интересовался вопросами славянского права и прочел курс о нем на так называемых Ильчерстерских курсах в Англии. Лекции изданы на английском языке под заглавием «Lectures on Slavonic Law the year 1900». London, 1902, а в 1912 г. они были переведены на чешский язык. Кроме того Ф. Ф. Зигель напечатал ценные статьи: «Исторический очерк земского самоуправления в Чехии и Польше» (Сборник в честь В. И. Ламанского. СПБ. 1883) и «Периодизация славянского права» (Второй сборник в честь В. И. Ламанского. СПБ. 1905). Его лекции по истории славянского законодательства сохранились только в студенческих записях.

Научной заслугой Ф. Ф. Зигеля, несомненно, является то, что он первый из историков-юристов заинтересовался историей славянского права и выдвинул для изучения ряд интересных проблем.

Реакционным дворянским ученым был один из ближайших учеников В. И. Ламанского — А. С. Будилович (1846—1908), с 1881 г. профессор Варшавского университета, потом ректор Юрьевского, под конец жизни редактор «Московских ведомостей», поклонник руссификации окраин и верный исполнитель правительственных поручений, отвечавших сущности его историко-философского и политического мировоззрения. А. С. Будилович много занимался вопросами славяноведения, но все его исторические работы проникнуты реакционной идеологией.

---

[1] Перечень трудов В. И. Ламанского напечатан в приложениях к «Новому сборнику статей по славяноведению» (СПБ. 1905).

Он был разносторонним лингвистом, занимался славянской филологией, славянской литературой и историей славянских народов. Во всех его статьях нашла яркое отражение его православно-славянофильская идеология. Редактируемый им журнал «Славянское обозрение» отталкивал даже буржуазного читателя своим елейно-православным, самодержавным духом. А. С. Будилович не дал ни одного большого труда по истории славян и ограничивался статьями, небольшими по объему, но позволявшими ему четко выразить в них свою идеологию.

К. Я. Грот сосредоточил все свое внимание на монографическом изучении славяно-мадьярских (венгерских) отношений. Следует отметить, что, как историк-исследователь, К. Я. Грот должен занять в истории славяноведения почетное место. Превосходное знание источников и литературы вопроса, осторожное, критическое отношение к своим предшественникам и источникам характерны для научного лица К. Я. Грота. Основные работы К. Я. Грота относятся к истории славянства, истории русского языка и русского просвещения. Его первой большой работой было исследование на тему «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. Историко-этнографическое исследование» (СПБ. 1880). Вопреки хорвату Рачкому («Rad jugoslav. Akad. LII». 1886) и болгарину М. С. Дринову («Заселение Балканского полуострова славянами». Харьков. 1872) К. Я. Грот относится с большим доверием к сообщениям византийского императора. В 1881 г. вышла его большая работа «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» (СПБ. 1881). Она обнимает всю историю чехо-мораванских славян с древнейших времен и до начала X века. Борьба против германизации определяла, по мнению Грота, всю сущность внешних отношений западных славян. Славянам угрожала неизбежная германизация. Разгром уграми великоморавской державы был фактором хотя ужасным, но задержавшим на известное время германизацию славян. К. Я. Грот направил свой выпад против Палацкого, видевшего в мадьярском погроме только лишь ужасное бедствие для славян и славянской культуры.

Другой большой труд К. Я. Грота — «Из истории Угрии и славянства в XII в.» (Варшава. 1889). Он охватывает период с 1144 по 1173 г. и представляет собой кропотливое изучение политической истории Венгрии. К. Я. Грот подчеркивал, что в этот период времени византийское влияние в Венгрии потерпело полное крушение. Венгрия начала «поддаваться все больше и больше влиянию папства и латинства и вообще Западной Европы, становясь все более на путь восприятия черт державы латинской, если и не западно-европейской, то западно-славянской, какой она уже и становится постепенно с XIII века». Исследование К. Я. Грота сохраняет свое значение и в настоящее время, поскольку в нем собран богатейший фактический материал.

К другой области славяноведения относились научные интересы Т. Д. Флоринского (1854—1919), бывшего профессором в Киевском университете и известного своей реакционной деятельностью и за пределами университета. Он был ярким представителем «панруссизма», православия и самодержавия, ненавистником всяких «инородцев», в особенности евреев, противником украинского языка и украинской школы. Поклонник самодержавия и абсолютизма, естественно, он встретил с ненавистью Великую Октябрьскую социалистическую революцию и стал одним из активных борцов против нее. Немало студентов Киевского университета были обязаны Т. Д. Флоринскому сдачей в солдаты за политическую неблагонадежность.

Научные интересы Т. Д. Флоринского были сосредоточены на Византии. Он занялся южными славянами постольку, поскольку их история была тесно связана с Византией. Флоринский, как и Грот, прошел хорошую историческую школу у византолога В. Г. Васильевского. Он готов был всю югославянскую феодальную культуру считать разновидностью

византийской культуры, тосковал о гибели развалившейся под ударами турок Византийской империи...

Взгляды Т. Д. Флоринского нашли отражение в его работах «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» (СПБ. 1882) и «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (Киев. 1888). Т. Д. Флоринский показал себя превосходным знатоком источников. Обе темы в исторической литературе были почти не разработаны, в особенности вторая. В этом отношении оба исследования сохраняют свою научную ценность и в настоящее время.

Из школы В. И. Ламанского вышел также и М. И. Соколов (1854 — 1906), профессор сначала в Нежинском институте, потом в Московском университете, где занимал кафедру русской словесности и читал курс по истории южных славян. Его научные интересы были направлены к изучению истории болгар, главным образом в древнейший период. Его студенческое исследование «Из древней истории болгар» (СПБ. 1879)— серьезная работа, написанная на основе критического отношения к источникам. В дальнейшем большая часть работ М. И. Соколова была посвящена славянской литературе, в частности им был написан обзор новооткрытого сочинения Юрия Крижанича (Ж. М. Н. П. за 1891 г., апрель—май). Кроме того им были написаны две ценные статьи: «Болгарская письменность» и «Стефан Душан» («Книга для чтения по истории средних веков» под ред. проф. П. Г. Виноградова, тт. II и III). Очень много и с большими результатами М. И. Соколов занимался изучением болгарской апокрифической литературы [1].

К ученикам В. И. Ламанского конца 70-х годов принадлежал П. А. Сырку, румын, родом из Бессарабии (1855—1905), приват-доцент Петербургского университета. Главным его трудом была изданная часть задуманной им большой работы «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского» (СПБ. 1899). Второй выпуск был посвящен «Литургическим трудам патриарха Ев. Терновского» (СПБ. 1890). Исследование не было закончено: об исправлении церковных книг не было ничего сказано. Между тем патриархат Евфимия—видный момент в истории болгарской церкви и болгарского культурного развития, и опытный исследователь представил бы по-иному весь этот период, пользуясь материалом, бывшим в распоряжении Сырку [2].

В начале 80-х годов началась научная деятельность и профессора Петербургской духовной академии, впоследствии академика, И. С. Пальмова (1855—1920). Он занимался под руководством В. И. Ламанского в бытность последнего профессором Духовной академии. И. С. Пальмов сосредоточил свое исследовательское внимание на гуситском движении, на его религиозной сущности. Да и все гуситское движение рассматривается им в религиозной плоскости. К его работам о гусизме в первую очередь относится «Гуситское движение. Вопрос о чаше в гуситском движении» (СПБ. 1891), в которой много ценного материала, а также и «Чешские братья в их конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI в.» (Прага. 1904). И. С. Пальмов — кропотливый исследователь, но ему органически было чуждо представление о религиозном движении как о форме социально-политического протеста, столь обычной в средние века.

А. Л. Погодин (род. в 1872 г.) принадлежал к младшему поколению учеников В. И. Ламанского. Будучи лингвистом, он все же больше всего уделял внимания истории славянских народов и их культуре. В противоположность своему учителю А. Л. Погодин был полонофилом,

---

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 800—802; В. Розанов «Памяти Матвея Ивановича Соколова». Нежин. 1907.

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 805—808.

и ряд его работ относится к истории Польши. А. Л. Погодин написал множество статей и заметок по вопросам, связанным с историей славян, в которых он отзывался на текущие политические вопросы. А. Л. Погодин обладал большими специальными сведениями, но у него не было тщательности в отделке работ и обработке материала. К его трудам по истории славян относятся: «Из истории славянских передвижений» (СПБ. 1901); «История Болгарии» (1910); «История Сербии» (1909); «Главные течения политической польской мысли 1864—1907 гг.» (СПБ. 1907); «Очерк истории Польши» (М. 1909); «Лекции по истории польской литературы» (Харьков. 1913); «История польского народа в XIX в.» (СПБ. 1915); «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.» (М. 1915); «Адам Мицкевич. Жизнь и творчество» (М. 1912). А. Л. Погодин был профессором в Варшаве с 1902 года. В 1909 г. из-за польских симпатий он был переведен в Харьков. В 1919 г. А. Л. Погодин эмигрировал в Югославию и стал профессором Белградского университета.

В. А. Францев (род. в 1867 г.), также представитель младшего поколения учеников В. И. Ламанского, одно время занимавший кафедру в Варшавском университете, обратился к истории западных славян — чехов и поляков. Предметом его ученых занятий были чешское возрождение, начало польского и чешского славяноведения, чешско-русские ученые связи, сношения деятелей чешского возрождения, их переписка. В его работах собран громадный документальный материал. Основные его труды — «Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения» (Варшава. 1901), «Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи с конца XVIII и первой половины XIX ст.» (Варшава. 1902) — труд, в котором собрано много ценного материала, знакомящий с началом славяноведения в России.

Третьей крупной работой В. А. Францева было «Польское славяноведение конца XVIII в. и первой четверти XIX столетия» (Прага. Чешская. 1906). Материал, собранный В. А. Францевым, представляет собой первоклассную ценность. В. А. Францевым выпущен ряд изданий с перепиской деятелей славянского возрождения, например «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель» (Варшава. 1905). «Корреспонденция Иосифа Добровского» (Прага. 1906). «Корреспонденция Шафарика». Korrespondence P. J. Safarika у Praze. 1928). В методологическом отношении труды Францева весьма примитивны.

Подводя итоги анализу научной деятельности В. И. Ламанского и его учеников, необходимо отметить особенности ее направления. Прежде всего из славянской филологии начала выделяться особая отрасль славяноведения — история славян. Отдельные слависты, как К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, были больше историками чем славянскими филологами. Но еще не появился тип ученого, который специализировался бы по истории славян. Безусловно, на многих славистов оказал благотворное влияние византолог В. Г. Васильевский, знакомивший их с техникой исторического исследования.

Школа В. И. Ламанского, по соображениям политического характера, не вышла из заколдованного круга изучения южного славянства, оставляя западное славянство вне научного изучения.

Благодаря реакционности своих политических устремлений эта школа не прививала научного интереса к истории славян. Ее панславизм и панруссизм, преклонение перед самодержавием и православием, отталкивали от изучения истории славянства либеральную студенческую молодежь.

Полонофобские настроения В. И. Ламанского толкали его учеников к изучению истории и культуры южных славян. Поэтому вопросы истории и культуры чехов и поляков были вне научного кругозора старших представителей школы В. И. Ламанского. Младшие представители по-

шли иной дорогой и сосредоточили свое внимание на изучении истории и культуры поляков и чехов.

Большое значение в изучении истории южного славянства имеют работы В. Г. Васильевского (1838—1899), профессора Петербургского университета и действительного члена Академии наук, который по справедливости считается основателем русского научного византиноведения. Его ценные исследования по истории Византии, вскрывающие внутреннюю жизнь Византийской империи, помогают историку южных славян более глубоко понять славяно-византийские отношения. Будучи историком Византии, Васильевский — как метко отметил акад. Б. Д. Греков — «главный интерес своих исследований видел в изучении русско-византийских отношений. Можно сказать даже больше: он разрешал проблемы истории России по византийским источникам; изучал Византию, чтобы понять древнюю Русь» [1].

Исследования В. Г. Васильевского — «Византия и печенеги» (1048—1094) в Ж. М. Н. П. за 1872 г., кн. XI—XII — составили целую эпоху в изучении вопроса о византийско-печенежских отношениях, имевших громадное значение как для Руси, так и для болгарского царства. Византийские императоры старались использовать силы печенегов для борьбы против болгар. Когда же сила болгарского царства была сломлена, то Византия оказалась во власти печенегов, с силами которых она была не в состоянии справиться. Исследование В. Г. Васильевского «Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1225 г.» (Ж. М. Н. П. за 1895 г., кн. IV—V) представляет собой ценный труд по истории византийско-болгарских отношений начала XIII века. В рецензии на книгу Ф. Успенского «Образование второго болгарского царства» (Ж. М. Н. П. за 1879 г., кн. VII—VIII) В. Г. Васильевский внес много ценных фактических добавлений [2].

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Продолжателем традиций О. М. Бодянского на кафедре славянской филологии в Московском университете был А. Л. Дювернуа (1840—1886). Одной из первых его работ была статья «О годе изобретения славянских письмен» (Чт. в Об. ист. и др. рос. за 1862 г.). Затем им написаны монографии «Тюбингенские акты славянской книгопечатни в Вюртемберге» (М. 1868), о Юрии Подебраде (М. 1868) и небольшая книжка «Ян Гус и Станислав Зноемский» (М. 1870), знакомящая с борьбой академических «наций» в Пражском университете (1348—1409) и с полемикой между реалистами и номиналистами в том же университете. Другие его работы посвящены вопросам славянской филологии [3].

Выдающимся учеником О. М. Бодянского был М. С. Дринов (1848—1906), болгарин родом. М. С. Дринов писал на русском и болгарском языках и был видным представителем болгарского буржуазного культурного возрождения. С 1873 по 1906 г. М. С. Дринов занимал кафедру славяноведения в Харьковском университете. Уже в 1869 г. на болгарском языке им напечатан «Исторический очерк болгарской церкви с самого ее начала и доныне» (Вена. 1869). Того же вопроса касается М. С. Дринов в работе «Болгария и константинопольская патриархия» (Беседа. 1871. IV).

М. С. Дринов затронул очень важный вопрос из истории греко-болгарских церковных отношений. Он правильно отметил ту реакционную роль, которую сыграл константинопольский патриархат в культурном движении болгар. Основными трудами М. С. Дринова являются

[1] Греков Б. «История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского» («Вестник древней истории» за 1939 год. Т. I, стр. 338—351).

[2] См. Лавров П. «Труды В. Г. Васильевского по истории славян». 1901.

[3] Ягич И. Указ соч., стр. 774—776.

«Заселение Балканского полуострова славянами» (М. 1873) и «Южные славяне и Византия в X в.» (М. 1876). Для своего времени обе работы представляли большую ценность. Не потеряли они своего значения и до последнего времени. М. С. Дринов выступил против теории о позднем заселении славянами Балканского полуострова, полагая, что поселения их восходят к III в. и даже к концу II в.; но это было только гипотетическим утверждением, так как М. С. Дринов не мог привести в доказательство никаких данных. Много позднее М. С. Дринов отказался от своего мнения и пришел к выводу, что «славяне — не исконные жители Балканского полуострова, а пришельцы». Вторая работа, согласно признанию болгарского крупнейшего исследователя Златарского, составила «эпоху в научной разработке истории южных славян и вообще славянской истории». М. С. Дринов написал немало отдельных статей по истории болгар и славянства. Это был «европейский ученый, историк болгарский» [1].

В 70-х годах на короткий срок развернулась ученая деятельность А. А. Котляревского (1837—1881), ученика О. М. Бодянского по Московскому университету. В 1863 г. Котляревский был арестован по обвинению в политической неблагонадежности, но за отсутствием доказательств был освобожден. Тюрьма расстроила здоровье молодого ученого. В ней он приобрел чахотку, от которой и умер в Италии. А. А. Котляревский был сначала профессором в Дерпте (1868), а затем в Киеве. Его исследование «О погребальных обычаях языческих славян» (СПБ. 1868) представляло для своего времени большую научную ценность. Получив заграничную командировку, А. А. Котляревский напечатал в Чехии два выдающихся исследования: «Опыт сравнительного изучения славянского права. Древности юридического быта балканских славян» (Прага. 1874) и «Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности» (Прага. 1874). Тогда же в чешском журнале «Часопис» им напечатана статья «Успехи славистики на Руси в последнее время». Работы А. А. Котляревского основаны на тщательном, всестороннем критическом анализе источников [2].

К школе О. М. Бодянского принадлежал также А. А. Кочубинский (1845—1907), впоследствии профессор Одесского университета. А. А. Кочубинский находился также под известным влиянием проф. Московского университета Н. А. Попова, занимавшегося историей славян; под его влиянием он отошел от славянской филологии и занялся славянской историей. Еще будучи студентом, А. А. Кочубинский напечатал исследование «Сношения России при Петре I с южными славянами», затем оно было переработано и вновь напечатано под заглавием «Сношения румын и югославян при Петре I» (Ж. М. Н. П. за 1872 г.) при переработке был использован новый архивный материал.

Второй его работой, чисто исторического содержания, была магистерская диссертация «Братья Подобои и чешские католики в начале XVII в.» (Одесса. 1873), в которой рассказывается о борьбе моравских братьев, последователей Петра Хельчицкого, и чешских лютеран с иезуитами; рассказ доведен до Белогородской битвы 1620 года. Автор собрал фактический материал большой ценности, но оказался не в силах выйти за пределы религиозных понятий и не мог уяснить себе социальное содержание происходившей борьбы с иезуитами. А. А. Кочубинский не раз путешествовал по славянским землям и печатал отчеты о них, сообщая много полезных и ценных сведений исторического и литературного характера. Интересна монография А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения» (Одесса. 1887—1888), большей

---

[1] Ягич И. Указ. соч.. стр. 576—580; Ляпунов Б. «Краткий очерк научной деятельности М. Дринова». Харьков. 1905.

[2] Ягич И. Указ. соч., стр. 556—558.

частью написанная по неизданным источникам. Заслуживает внимания и монография «П. И. Шафарик. Очерк из жизни русской науки полвека тому назад» (1906).

Для истории балканской политики царского правительства имеет большую ценность его исследование «Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735—1739)» (Одесса. 1899)[1]. Помимо этого А. А. Кочубинскому принадлежит много статей по разным вопросам, в частности об О. М. Бодянском, Я. К. Гроте, В. И. Григоровиче, П. А. Лавровском и др.

П. А. Лавров (1845—1929), профессор Петербургского университета, академик, был учеником А. Л. Дювернуа и Н. С. Тихонравова. Он не раз путешествовал по Балканскому полуострову и превосходно знал балканские страны и старинные рукописи, хранившиеся в архивах и библиотеках. Научное наследие П. А. Лаврова очень обширно. Он интересовался вопросами славянской истории и славянскими литературами, палеографией, славянской письменностью, историей науки славяноведения и историографии, отзывался на политические вопросы, связанные с историческими судьбами славянства, но при всех симпатиях к славянству у него не было квасного панславизма. Он был выдающимся славистом, стоявшим на уровне западноевропейской науки, с огромным научным багажом. Основные его работы касаются истории и культуры Черногории, богаты громадным фактическим материалом. К ним относится «Петр Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность» (М. 1887). Он посвятил несколько статей разбору труда П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем». Им изданы «Письма П. И. Шафарика к О. М. Бодянскому», «Жизнь и ученая деятельность Шафарика» (М. 1898). Уже после смерти были напечатаны его работы «Ученая деятельность Иосифа Добровского» («Известия отделения рус. яз. и слов.». Т. II. Кн. 2-я. 1929) и «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (Л. 1930).

Из среды московских славистов резко выделялся П. А. Кулаковский (1848—1913), сначала примыкавший к лагерю славянофилов во главе с И. С. Аксаковым, а потом перешедший в лагерь Каткова. Как профессор Варшавского университета П. Кулаковский совмещал обязанности профессора по кафедре славяноведения с должностью редактора «Варшавского дневника», а в 1902 г. был назначен редактором «Правительственного вестника».

Из его работ наиболее ценными были: «Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе» (М. 1881) и «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения» (Варшава. 1894); знакомящая с положением литературы в Хорватии, Словении, Далмации до иллиризма и влиянием иллиризма на развитие хорватской словесности.

Известный славист акад. И. В. Ягич дал отзыв об этой работе, на основе которого работа П. А. Кулаковского была удостоена Академией наук премии. Таковы были основные славяноведы, вышедшие из стен Московского университета. Московская школа славистов была отлична от школы В. И. Ламанского. Ее основатель О. М. Бодянский внушал своим ученикам интерес к исторической науке. Его последователи не были охвачены ни «панруссизмом, ни панславизмом». Они стояли всегда на почве реального факта, с любовью работали в архивах.

Особое место в истории славяноведения занимает И. В. Ягич[2] (1838—1923), один из крупнейших славистов, хорват по национальности. Значительная часть его научной деятельности протекала в России

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 794—797; Ляпунов Б. «А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии». Одесса. 1905.

[2] Ляпунов Б. «Краткий очерк ученой деятельности И. В. Ягича». Одесса. 1871.

(1880—1896). С 1868 г. Ягич состоял членом-корреспондентом Академии наук, а впоследствии был избран действительным ее членом (1880). Став членом Академии наук в Вене и «тайным советником», И. В. Ягич изменил отношение к «России и русским». Он поспешил отказаться от своего руссофильства, и в его статьях стало проскальзывать враждебное отношение к русскому народу, недостаточно отмеченное поклонниками научной деятельности «австрийского тайного советника». Обладая большими сведениями по вопросам славяноведения, И. В. Ягич иногда переоценивал свой научный авторитет. Он не переносил научных высказываний, шедших вразрез с его мнениями. В 1872 г. им напечатан подробный разбор биографии Юрия Крижанича, составленной П. А. Бессоновым. В 1885 г. он напечатал речь о Кирилле и Мефодии (Записки Академии наук. 1. 1885). Несколько позже он написал статью «Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина философа» (Сборник II отделения русского языка и словесности. IV. 1893). В 1871 г. Ягич издал «Закон Виндольский», в 1883 г.— «Образцы церковно-славянского языка по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности» (СПБ. 1883), «Мариинское евангелие, как памятник глаголической письменности» (СПБ. 1883), «Рассуждения югославянской и русской старины о церковно-славянском языке» (СПБ. 1891). Им изданы источники по славянской филологии (письма Добровского, Копитара и др.), т. I и II (СПБ. 1885—1893), и монументальная «История славянской филологии» (СПБ. 1912), а также исследование «Вопрос о рунах у славян» (СПБ. 1912). Он же редактировал «Энциклопедию славянской филологии», начатую Академией наук[1].

И. В. Ягичем написано множество заметок по различным вопросам славяноведения, не говоря уже о некрологах.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА XIX ВЕКА О ЗАПАДНОМ СЛАВЯНСТВЕ

Русская историография была относительно бедна общими работами по истории славянских народов. В университетах читались курсы по истории славян. Они издавались литографированным способом и, к сожалению, оставались недоступными для широкого читателя, хотя некоторые из них, как «Лекции по истории южных славян» акад. Ю. В. Готье и проф. В. Н. Щепкина или «Лекции по истории Чехии» акад. П. А. Лаврова, заслуживают полного внимания. Больше посчастливилось западным славянам. Проф. Н. Ястребов опубликовал «Краткий очерк истории Польши» (до падения Речи Посполитой) (СПБ. 1914). М. К. Любавский издал «Историю западных славян» (М. 1918), в которой дана история прибалтийских славян, поляков и чехов. Автор — большой знаток источников и историографии вопроса, внимательно следивший за выходившими работами по истории западного славянства. В своей «Истории» проф. М. К. Любавский излагает историю славян до начала империалистической войны. Все внимание М. К. Любавского сосредоточено на изучении социально-политического развития славянства. Ему нечужды понятие «класс» и представление о классовой борьбе, которая подменяется им термином «социальная борьба». В книге М. К. Любавского содержится много ценных сведений из истории славян и сделаны весьма правильные оценки многих социально-политических моментов в истории славянства. Знакомство с западноевропейской и славянской историографией и превосходное знание источников позволили М. К. Любавскому полно и отчетливо восстановить картину прошлого западного славянства. М. К. Любавскому при-

---

[1] См. Архангельский А. «Сорок лет литературной деятельности. Ученые труды И. В. Ягича». СПБ. 1901.

надлежит также ряд статей по истории польского средневековья времени раннего феодализма.

В своих больших исследованиях «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М. 1892) и «Литовско-русский сейм» (М. 1901) он показал себя замечательным знатоком средневековой Польши и очень тонким историческим исследователем феодального средневековья. Кроме того М. К. Любавский написал по истории Польши несколько статей общедоступного характера: «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше», «Польский король Казимир Великий», «Нешавские статуты Казимира Ягеллончика, их место и значение в истории государственного развития Польши» (Книга для чтения по истории средних веков. Вып. 3-й. М. 1902). Все эти статьи сохраняют научную ценность и в настоящее время, хотя ограниченность буржуазного мировоззрения исследователя лишила его возможности более отчетливо оттенить классовый характер польского государства.

Интересуясь историей западных славян, Любавский расширил тематику русского славяноведения, выведя ее за пределы изучения южного славянства. М. К. Любавский, оставаясь на почве великодержавности, считал необходимым только нормализовать польско-русские отношения и не мог подняться до идеи предоставления Польше политической самостоятельности.

В сущности, на этих историко-политических позициях стоял и И. А. Линниченко, профессор Одесского университета. В начале 80-х годов прошлого столетия он занимался историей Польши, когда русско-польские отношения стали очень напряженными, а царское правительство Александра III проводило в Польше усиленную руссификаторскую политику. И. А. Линниченко сосредоточил свое внимание на изучении отношений Польши и Руси в период XI—XIV веков.

Польско-русскими отношениями в XI—XIII вв. интересовался также И. П. Филевич в исследовании «Борьба Польши и Литвы и Руси за галицко-владимирское наследство» (1890). Но в то время как И. А. Линниченко устанавливал в прошлом наличие не только враждебных польско-русских отношений, но и культурных связей, исследование И. П. Филевича было агрессивно по тону и проникнуто великодержавной традицией по отношению к галицкой Руси.

Интересовался вопросами польской истории и профессор по кафедре всеобщей истории Н. И. Кареев, в особенности в бытность его профессором всеобщей истории в Варшавском университете. Работы Н. И. Кареева не представляют собой самостоятельного исторического исследования. Это сводки материалов, основанные на изучении вышедших польских работ; тем не менее они сохраняют свою ценность для русского читателя, незнакомого с польским языком. Н. И. Кареев опубликовал следующие работы: «Борьба шляхты с духовенством в Польше на сеймах средины XVI века» («Юридический вестник». 1881), «Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой в польской историографии» (Ж. М. Н. П. за 1885 г., ноябрь), «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше», «Исторический очерк польского сейма» (М. 1888), «Падение Польши в исторической литературе» (СПБ. 1888), «Новый труд по внутренней истории Речи Посполитой» («Вестник Европы» за июнь 1888 г.), «Две кандидатуры на польский престол» (Ж. М. Н. П. за декабрь 1899 г.), «Польские реформы XVIII века» (СПБ. 1890), «Отзыв о сочинении проф. Любовича», «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» (СПБ. 1892).

Отдельные работы Н. И. Кареева переведены на польский язык. Н. И. Кареев интересовался русско-польскими отношениями и напеча-

тал в разных изданиях ряд статей, вышедших позже отдельным сборником — «Polonica» [1].

Н. И. Карееву нельзя отказать в знании польских источников и литературы вопроса, но, как идеалист, он видел в реформационном движении только одну религиозную сущность.

Вопросами реформации и католической реакции занимался и П. Н. Жукович. Его исследование «Кардинал Газий и польская церковь его времени» (СПБ. 1882) насыщено большим архивным материалом и для своего времени было выдающимся исследованием. К этому же времени относятся и работы проф. Н. Любовича «История реформации в Польше» (Варшава. 1883) и «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» (Варшава. 1890), исследования, которые вызвали немало возражений со стороны специалистов, но тем не менее осветили ряд моментов, связанных с реформацией и католической реакцией.

Поляк С. Пташицкий в бытность свою приват-доцентом в Петербургском университете познакомил с протестантским писателем Николаем Реем в статье «Николай Рей, польский писатель XVI ст.» (СПБ. 1882). В этот же период времени Б. В. Мякотин занялся изучением «Крестьянского вопроса в Польше в эпоху ее разделов» (СПБ. 1889). Для своего времени это была прекрасная работа. В ней дан обзор всех шляхетских проектов об изменении быта крестьян вплоть до Поланецкого универсала Ф. Костюшко. Б. В. Мякотин отчетливо показал классовый характер всех известных проектов.

Польско-литовская интервенция начала XVII в. была предметом исследования Н. И. Костомарова «Смутное время в Московском государстве», в котором ей отводится первостепенная роль в событиях начала XVII в. в Московском государстве. Вместе с тем Н. И. Костомаров в своем исследовании «Последние годы Речи Посполитой» (1889) подробно, хотя крайне односторонне, касается вопроса о потере Речью Посполитой политической самостоятельности.

Н. И. Костомаров сосредоточил все внимание на характеристике внутреннего положения Речи Посполитой, состояния армии и полного морального разложения правящего класса, не учитывая никаких других факторов, неизбежно способствовавших прекращению политической самостоятельности Речи Посполитой, в частности крестьянских движений, развернувшихся на восточной ее окраине.

С. М. Соловьев также занимался вопросом падения Речи Посполитой. Им было опубликовано специальное исследование — «История падения Польши» (СПБ. 1863). В нем автор использовал громадную дипломатическую переписку по польскому вопросу, но самый вопрос рассмотрен им односторонне, с точки зрения дипломатических переговоров, хотя в то же время С. М. Соловьеву удалось установить известную связь между политикой царизма по отношению к Речи Посполитой и французской буржуазной революцией. Постановка вопроса о разделах Речи Посполитой в трудах С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова, с нашей точки зрения, не может быть признана удовлетворительной, тем более что после выхода исследований обоих авторов были опубликованы новые источники, без которых, разумеется, нельзя обойтись при анализе вопроса о причинах раздела Речи Посполитой.

Н. Д. Чечулин в своем исследовании «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II» (СПБ. 1895) посвятил много внимания вопросу о первом разделе Речи Посполитой, но его работа должна быть признана неполноценной, так как основным материалом для нее служила «Дипломатическая переписка Екатерины II» — документ довольно односторонний и характеризующий только позицию царского правитель-

[1] «Сборник статей по польским делам» (1881 — 1905). СПБ. 1905.

ства по отношению к Польше. Не удивительно, что исследование Н. Д. Чечулина уже по выходе в свет вызвало много возражений. Второму разделу Речи Посполитой посвящено исследование Д. И. Иловайского «Гродненский сейм» (СПБ. 1870).

Мы не касаемся в настоящей статье работ, посвященных национально-освободительной борьбе украинского народа против панской Речи Посполитой. Сравнительно слабо отражена в русской буржуазной историографии история Польши в XIX в. в части отношений Польши с Россией. М. К. Любавскому принадлежит ценная фактическим материалом статья «Царство Польское и его конституция 1815 г.» («Книга для чтения по истории нового времени». Т. III. М. 1913) и А. Л. Погодину — «Польша перед восстанием 1830 г.» («Русское богатство» за 1912 г., август—сентябрь). О польском же восстании 1830—1831 гг. имеется единственная исследовательская работа Ф. Пузыревского «Польско-русская война 1831 г.». Т. I—II, 2-е изд. (СПБ. 1890), а польское восстание 1863 г. совсем не представлено в историографии, если не считать отдельных официальных изданий.

Крестьянская реформа 1864 г., проведенная в Царстве Польском в связи с восстанием 1863 г., тоже еще ждет своего исследования. История реформы и оценка ее с либерально-буржуазной точки зрения дана А. А. Корниловым в «Очерках по истории общественного движения и крестьянского дела в России» (М. 1905) и в «Реформе 19 февраля 1864 г. в Царстве Польском» («Великая реформа». Т. V. М. 1911). Ему принадлежит и брошюра «Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в.» (СПБ. 1915). Так же мало было обращено внимания на изучение истории экономического развития Польши. Из этой области имеется все же ценное исследование К. И. Воблого «Очерки по истории польской фабричной промышленности» (Т. I. К. 1908), охватывающее время с 1764 по 1830 г., и исследования И. И. Янжула «Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском» (М. 1887) и Брандта «Иностранные капиталы в России» (СПБ. 1899).

Историей чешского народа давно заинтересовались русские историки, сосредоточившие сначала свое внимание на времени Гуса как наиболее видном периоде в истории борьбы чешского народа за свое национально-политическое освобождение. Из работ о Гусе наиболее ценные принадлежат В. Бильбасову «Чех Ян Гус», Новикову «Гус и Лютер» (1867), А. Надлеру «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в начале XIV и в конце XV в.» (X. 1864), И. Пальмову «Вопрос о чаше в гуситском движении» (СПБ. 1881). К исследованиям о Гусе и его времени примыкает работа А. Кочубинского «Братья Подобои и чешские католики в начале XVII в.» (Одесса. 1873), о которой уже нами было сказано раньше. Очень ценны исследования действительного члена Чешской академии наук и Академии наук БССР — покойного А. Н. Ясинского. Его перу принадлежит ряд работ по социально-экономической истории Чехии, как то: «Очерки и исследования социальной и экономической истории Чехии в средние века». Т. I; «Основы социального строя чешского народа в эпоху господства обычного права» (Юрьев. 1901); «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.)» (Киев. 1895. 2-е изд.; Юрьев. 1912); «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря» (Юрьев. 1898); «Основные черты развития права в Чехии XIII—XV вв.» (Юрьев. 1902); «Введение «немецкого» права в селах Чехии XIV в.» (К. 1903); «Присяга крестьян по чешскому средневековому праву» (Сборник статей по славяноведению. I, 1904); «Очерки и исследования по хозяйственной истории средневековой Чехии» («Научные известия Смоленского университета». 1924); «Эмфитевзис и перемер полей в средневековой Чехии» (Институт истории, Ученые записки. Т. III. М. 1929).

Исследования А. Н. Ясинского составляют большой вклад в изучение истории Чехии. А. Н. Ясинский резко выступал против теории исконности индивидуального землевладения и в защиту коллективного землевладения как изначальной формы в социально-экономическом быту чешских славян. Историк средневековой Чехии, конечно, не может обойтись без трудов А. Н. Ясинского, использовавшего для своих исследований громадный конкретный материал.

Старый интерес к истории прибалтийского славянства нашел свое отражение в трудах новейших исследователей М. В. Бречкевича, одного из ближайших учеников А. Н. Ясинского, и Д. Н. Егорова, ученика П. Г. Виноградова.

М. В. Бречкевич с успехом изучал историю балтийских славян, останавливая свое внимание на вопросах, еще не получивших достаточно полного и отчетливого освещения в историографии или представленных в ней неправильно. М. В. Бречкевич, как и его учитель А. Н. Ясинский, преимущественно интересовался вопросами социальной истории прибалтийского славянства. Наиболее крупным является его труд «Введение в социальную историю княжества славян или западного Поморья. Исследование по истории прибалтийских поморян в первые полтора века со времени принятия ими христианства (1128 — 1278)» (Юрьев. 1911). Автор знакомит читателя с источниками социальной истории поморских славян и историографией вопроса, а также с развитием феодального землевладения и с захватом феодалами крестьянских поселений в связи с происходившими социально-политическими переменами в жизни поморских славян. К этой основной теме М. В. Бречкевича примыкают и другие его работы: «Святополк, князь поморский» (Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете. Т. V. 1902); «Первые поморские монастыри. Очерк из истории Балтийского поморья в XII веке» (Юрьев. 1905); «Высший класс славянского населения в Западном поморском княжестве XII—XIII вв.» (Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков. 1913—1914). Более поздние работы появились на украинском языке: «Східиво-поморське князівство та його занепад Початкова історія Гданьского коридору. XIII—XIV ст.» («Науковые записки» Днепропетровского ученого общества при Всеукраинской академии наук. Вып. 1-й. Днепропетровск. 1922). Д. Н. Егоров сосредоточил свое внимание на славяно-германских отношениях в средние века. Итогом его работ явилась двухтомная работа «Колонизация Мекленбурга в XIII в.». Тт. I и II (М. 1915). Первый том посвящен всестороннему анализу хроники Гельмгольда и историографическому обзору материалов и методу. Второй том посвящен изучению германской колонизации. Д. Н. Егоров пришел к ошибочному выводу о широком развитии рыцарской славянской колонизации. Историки прибалтийского славянства внесли много нового в социальную историю прибалтийского славянства.

Особое место занимает исследование Ф. И. Успенского «Первые славянские монархии на северо-западе» (СПБ. 1872), в котором автор излагает историю державы Само, Велико-моравской державы, объединений славян под властью чешских князей и раннюю историю Польши до конца первой четверти XI века.

Подводя итоги русской историографии по изучению западного славянства, следует отметить, что русскими историками был затронут ряд сложных вопросов, связанных с историческими судьбами западного славянства. Особенное значение имеют исследования по истории Чехии и прибалтийского славянства.

Слабо отразилась в русской историографии история словаков. В сущности, об истории словаков нет ни одной цельной исторической работы.

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО СЛАВЯНСТВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Видным историком южного славянства был И. П. Смирнов (1856—1904), профессор всеобщей истории Казанского университета. Его научные интересы были сосредоточены на изучении истории южного славянства, главным образом истории хорватов. И. П. Смирнов заинтересовался вопросами ранней культуры южных славян. Им опубликовано три выпуска под заглавием «Очерки культурной жизни южных славян» (Казань. 1899—1904). Это большая и ценная работа, в которой автором использован богатейший археологический материал, труд, который сохраняет свою научную ценность в настоящее время. Большой новизной для буржуазного славяноведения было то, что автор обратился к изучению материальной базы общественной и духовной культуры южного славянства. К сожалению, И. П. Смирнов остался одиноким и не нашел себе последователей среди буржуазных ученых. И. П. Смирнов не удовлетворялся только рассказом о событиях в их хронологическом порядке. Конкретное исследование соединяется у И. П. Смирнова с постановкой социологических проблем. Поэтому буржуазные историки причисляли И. П. Смирнова к историкам-социологам.

Будучи студентом-историком Казанского университета, И. П. Смирнов получил золотую медаль за работу «Очерк политической и церковной истории хорватского государства до подчинения его угорской короне (1102)», появившуюся в печати под заглавием «Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короне» (Казань. 1879); это — живое и интересное исследование, в котором много уделено внимания истории внутренних отношений в хорватском государстве. В 1881 г. была опубликована его диссертация «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV в.». Вып. 1-й; 2-й выпуск был посвящен тому же вопросу. Он охватывал период с 1358 по 1573 г. (1882). Продолжением этого исследования были статьи «Городские далматские общины в X—XII вв.» (Ж. М. Н. П. за 1882 г.) и «Землевладение в Хорватии и Далмации в X — XI вв.» (Ж. М. Н. П. за 1883 г.).

Более поздняя история хорватов нашла отражение в исследовании А. Лукьяненко «Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Фр. Франкопана. Из истории политической и экономической жизни хорватов XVII в.». Т. I (К. 1911). Исследование А. Лукьяненко насыщено богатым конкретным материалом и представляет собой единственное исследование в этой области. Общий историко-экономический и политический обзор Хорватии с древнейших времен до начала империалистической войны дан в работе А. Л. Погодина «Славянский мир» (М. 1915).

На русском языке долгое время не было истории Болгарии с древнейших времен до начала империалистической войны. Этот пробел был восполнен А. Л. Погодиным, опубликовавшим политическую «Историю Болгарии» (СПБ. 1910), почти совершенно не касаясь в ней социально-экономической истории болгарского народа. Впрочем, и при таком одностороннем содержании труд А. Л. Погодина был небесполезным.

В новейшей исторической литературе поддерживался интерес к древней истории болгар. Так, М. Н. Поп дал ценную работу — статью «Симеон Болгарский» («Книга для чтения по истории средних веков». Вып. 2-й. М. 1903); Г. А. Ильинский опубликовал труд «Грамоты болгарских царей» (М. 1911); М. Н. Попруженко — о «Козьме пресвитере и его борьбе с богомилами» (СПБ. 1907) и «Синодик царя Бориса» (Одесса. 1899); М. И. Соколов — о «Болгарской письменности» («Книга для чтения по истории средних веков». Вып. 2-й. М. 1903).

К исследованиям о богомильстве относятся и работы К. Ф. Радченко. Его больше всего интересовала общественная и литературная жизнь болгар XIV в., главным образом богомильство, в котором он правильно подметил определенное общественно-политическое оппозиционное содержание. К этой группе работ относятся «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием» (Киев. 1898) и ряд отдельных статей и этюдов о богомильстве. К. Ф. Радченко много путешествовал по славянским землям, работая плодотворно в библиотеках и архивах. Преждевременная смерть прервала его научную деятельность[1].

Ф. И. Успенский написал ценное исследование «Образование второго болгарского царства» (Одесса. 1879); в «Очерках по истории византийской образованности» (СПБ. 1891) он также затрагивает вопрос о богомильстве.

Акад. Н. С. Державин касается ранней истории болгар в работе «Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (СПБ. 1911), в которой имеются две краткие главы: «Заселение славянами Балканского полуострова» и «Образование славянской болгарской державы и древнейший период истории сербской народности» (Птр. 1914).

Русские исследователи средневековой истории болгар ввели в научный оборот ряд новых материалов, освещающих феодальную культуру, но никто из них не дал синтетического труда.

Русская историография много уделяла внимания истории Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и положению Болгарии после войны. Работы большей частью выходили из правительственного лагеря и нуждаются в критическом, всестороннем пересмотре. Авторы затушевывали захватническую политику царизма по отношению к Болгарии. Так, С. С. Татищев («Из прошлого русской дипломатии». СПБ. 1891) тенденциозно изучал отношения России и Болгарии. Крайне тенденциозны работы Н. Р. Овсяного «Болгария и болгары» (СПБ. 1901), «Русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг.»; «Устроители Болгарии в 1877—1879 гг.» (Сб. «Ближний Восток и славянство»); П. Паренсова «Из прошлого Болгарии» (СПБ. 1908) и в особенности работы Е. Львова «Болгария в период террора и анархии». Т. I (М. 1888) и «Румелийский переворот» (М. 1896).

Отметим еще работы П. А. Матвеева «Болгария после Берлинского конгресса. Исторические очерки» (СПБ. 1887) и «Болгарский переворот в сентябре 1885 г.» (СПБ. 1885).

Много ценного материала собрано в работе М. В. Юркевича «Двадцатилетние итоги княжества Болгарии, 1879—1904. Опыт собрания материалов в семи томах, девяти книгах» (София. 1905).

В общем по истории Болгарии в новое время нет еще ни одного добросовестного крупного научного труда. Вся история новой Болгарии ожидает исследования со стороны советского историка.

Вопрос о Македонии нашел отражение в русской буржуазной историографии, в особенности в связи с сербско-болгарскими отношениями после второй балканской войны. Из старых работ о Македонии прежде всего обращает на себя внимание работа С. С. Бобчева «Письма о Македонии и македонском вопросе» (СПБ. 1889), правильно критикующая положение Македонии под господством турок и сущность македонского вопроса.

Из более поздних работ Македонии посвящены исследование акад. Н. С. Державина «Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (СПБ. 1914). Автор правильно считает Македонию населенной болгарами и относит ее в языковом отношении к Болгарии. Н. С. Дер-

[1] Ягич И. Указ. соч., стр. 808—810.

жавин также подвергает критике взгляды сербских филологов и исследователей, которые держались противоположных мнений.

Первой обобщающей работой по истории Сербии была работа А. Л. Погодина «История Сербии» (СПБ. 1910), знакомящая с ее внешнеполитической историей до начала XX века. Продолжением этой работы является краткая новейшая история Сербии того же автора, помещенная в издании «История нашего времени». Тому же автору принадлежит историческое описание Сербии с древнейших времен до начала империалистической войны — «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.» (М. 1915). В работе собран большой статистико-экономический материал, но без всякого анализа.

В конце XIX в. было опубликовано К. Ф. Радченко ценное исследование «Досифей Обрадович и его литературная деятельность» (Киев. 1897), в котором дана превосходная характеристика деятельности сербского просветителя. Монографическое изучение истории средневековой Сербии после работ Ф. Зигеля и Т. Д. Флоринского, в сущности, остановилось. Центром внимания Сербия становится в XIX в., когда за нее шла упорная борьба между царским и австрийским правительствами и царизм пытался вовлечь Сербию в орбиту своей политики. Начало изучению сербской истории в XIX в. было положено работами проф. Н. А. Попова (1833—1891) «Россия и Сербия (до 1856 г.)», два тома (М. 1869) и «Сербия после Парижского мира» (СПБ. 1871). В работе Н. А. Попова собрано много полезного материала, но славянофильско-правительственная точка зрения исследователя помешала ему объективнее подойти к изучению сербского политического возрождения.

Известным продолжением работ Н. А. Попова было исследование П. Гейсмана «Славяно-турецкая борьба 1876—1877 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Ч. 1-я. Сербско-турецкая война 1876 г.» (СПБ. 1887); работа интересна собранным в ней фактическим материалом. Н. Р. Овсяный также касался вопроса о сербско-турецкой войне 1876 г. (Сб. «Ближний Восток и славянство». СПБ. 1913). Вот и все, что, в сущности, было сделано по изучению истории Сербии в конце XIX в. и до начала империалистической войны.

С историей Сербии была тесно связана история Черногории, которая рассматривалась царским правительством как одна из баз для укрепления его влияния на Балканском полуострове среди сербов. Естественно, что русские слависты обратили свое исследовательское внимание на Черногорию. Они интересовались двумя вопросами: историей и культурой Черногории и русско-черногорскими связями.

Уже В. Макушев заинтересовался вопросом о черногорско-русских отношениях в статье «Воззрения черногорцев на Россию и русских» (Сб. «Задунайские и адриатические славяне». СПБ. 1867). Основным трудом по истории Черногории является большой труд П. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем», 3 тома (СПБ. 1888—1903), в котором собран богатейший фактический материал, хотя и недостаточно обработанный.

О Боснии и Герцеговине почти нет оригинальных исследований. Краткие исторические сведения о Боснии и Герцеговине были сообщены А. Майковым в его работе «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа» (М. 1857). Несколько позже коснулись того же вопроса А. Гильфердинг в работе «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (Соч. Т. III) и В. И. Ламанский «Сербия и южнославянские провинции Австрии» (СПБ. 1864).

Вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины, естественно, привлек к себе внимание исследователей. Аннексия Боснии и Герцеговины была поражением политики царизма на Балканах и укреплением австрийского влияния в старых славянских землях. В то же время это было ударом

для сербской буржуазии, стремившейся к объединению всех сербов и хорватов вокруг Сербии. С этой точки зрения рассматривалась исследователями аннексия Боснии и Герцеговины. Она нашла яркое отражение в работах П. А. Лаврова «Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства» (СПБ. 1909), Р. Кошутича «Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины» (СПБ. 1908), М. Головачева «Аннексия и международное право», А. Цвиича «Аннексия Боснии и Герцеговины и сербский вопрос» (СПБ. 1910). Оценка аннексии с точки зрения интересов русского империализма дана П. Н. Милюковым в его работе «Политика Извольского и балканский кризис» (СПБ. 1910). Очень много ценных сведений о положении Боснии и Герцеговины под австрийским господством сообщено Г. А. Воскресенским в его работе «Православные славяне в Австро-Венгрии». Ч. 5-я. «Босно-герцеговинская митрополия» (Птр. 1914).

Историческими судьбами Далмации заинтересовался раньше всего проф. Дерптского университета Рейц. В бытность свою в Далмации и в Венеции Рейц работал в местных архивах и собрал много ценного материала, касающегося городского права далматинских городских общин; в этом праве несмотря на иностранное влияние сохранилось много чисто славянских правовых воззрений. В итоге работы над собранным материалом Рейц напечатал ценное исследование — «Die freien Landgemeinden von Zernogora, Poglizza und andere. Ein Beitrag zur Kenntnis des südlichen Slavenstammes» (Derpt. Jahrbücher. 1833).

В 1841 г. им была напечатана его основная работа под заглавием «Verfassungs und Rechtszustand der dalmatinischer Küstenständte und Inseln in Mittelalter» (перевод в «Историческом сборнике» Валуева. 1. 1845).

Продолжателем Рейца в деле изучения славянского права был проф. Одесского университета В. В. Богишич (1834 — 1908), занимавший кафедру славянских законодательств. Серб по происхождению, Богишич оставил австрийскую службу и переехал в Одессу. В 1870 г. он прочел вступительную лекцию на тему «О научной разработке истории славянского права. Вступительное чтение в историю славянских законодательств» (СПБ. 1870). Прекратив вскоре чтение лекций, он продолжал свои занятия по истории славянского права, главным образом обычного, но все его основные работы по истории славянского права были напечатаны в сербских и хорватских изданиях.

Ф. И. Леонтович также занимался историей славянского права, интересуясь им с точки зрения догматико-юридической. Им было опубликовано ценное исследование «О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту сравнительно с задругой югозападных славян» (Ж. М. Н. П. за 1867 г.), затем «Древнехорватско-далматинское законодательство» (СПБ. 1868), «Старый земский обычай» (СПБ. 1889), работа, представляющая собой сводку данных о древнейшем славянском обычном праве, «Государственное устройство старого Дубровника» (Ж. М. Н. П. за 1868 г. Т. XII).

Очень много интересных и свежих данных сообщил Г. А. Воскресенский в своей работе «Православные славяне в Австро-Венгрии» (Птр. 1914); вторая часть ее посвящена «Буковинско-далматинской митрополии».

Империалистическая война приостановила дальнейшее научное движение по изучению истории славян. Правда, в начале империалистической войны появилось немало брошюр и статей, посвященных главным образом истории южных славян и частично Польши, но в своем большинстве они не представляют никакой научной ценности.

★

Подводя итоги истории славяноведения в России с начала XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо отметить, что изучение истории славян двигалось вперед крайне медленно, встречая на своем пути множество препятствий. В университетах не было специальной кафедры истории славян. Филологи-слависты не были подготовлены к исследованиям по истории славян, да, в сущности, мало ею и интересовались.

Конечно, слависты-филологи в своей области, в изучении фонетики и морфологии славянских языков, в публикации югославянских и русских памятников сделали очень много, а для изучения истории южного славянства и его культуры эти опубликованные памятники представляют величайшую ценность.

Исследователи издавали главным образом югославянские литературные памятники, поскольку они были необходимы для понимания как древнерусской письменности, так и для изучения культурных связей между балканскими славянами и Северовосточной Русью. Памятники западнославянской письменности не привлекали их.

Представители дворянского и буржуазного славяноведения, находясь под влиянием реакционного славянофильского и панславистского учения, были сторонниками объединения славян под властью царской России. Исследователи затушевывали ту реакционную политику, которую проводило царское правительство на Балканах под предлогом освобождения славян от турецкой неволи. Славянофилы и панслависты, точнее панруссисты, выступали в качестве глашатаев захватнической политики на Балканах.

Реакционные слависты одобряли политику национального гнета, проводимую царским правительством по отношению к Польше, которая произвольно выбрасывалась ими из среды славянских народов, поскольку она приняла христианство по католическому обряду.

Филологи-слависты вслед за чешскими славистами выступали сторонниками теории о праславянской семье и первоначальном единстве древнеславянского языка. Исходя из теории славянской прародины, ими была создана теория расселения славян и образования вследствие колонизации трех ветвей славянства: южного, восточного и западного. Противополагая славянский мир западноевропейскому, филологи-слависты выступали сторонниками особого пути в историческом развитии славянских народов, они старались доказать необходимость самодержавия и православия в России как исконных начал славянства.

Научное изучение истории славян началось с того времени, когда ею заинтересовались специалисты-историки, занимавшиеся всеобщей и русской историей, предметом их изучения было главным образом западное славянство: Чехия, прибалтийское славянство и Польша. В Московском, Юрьевском и других университетах курсы по истории западных славян читались специалистами-историками.

Таким образом, буржуазное славяноведение оставило после себя ряд работ по отдельным проблемам, связанным с историей славян, работ, ценных по своему конкретному материалу. Советские историки-слависты, конечно, должны воспользоваться буржуазным наследством. На их обязанности лежит коренной пересмотр всех вопросов, связанных с историей славянства, и постановка новых проблем для научного исследования на основе марксистско-ленинской методологии.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 ГОДА

С. Ленчнер

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии была следствием крайнего обострения классовых противоречий не только между пролетариатом и буржуазией города, между деревенским пролетариатом и деревенской буржуазией, но также между широкими массами крестьянства и юнкерством. Острота классовых противоречий в деревне была результатом всего предыдущего развития аграрных отношений в Германии. Медленный, мучительный «прусский путь» превращения феодального землевладения в капиталистическое вел к экспроприации широчайших масс крестьянства, к выделению небольшого количества кулаков — гросбауэров — и сохранению за помещиками их политических и экономических привилегий. Этот процесс привел к установлению господства такой капиталистической системы сельского хозяйства, для которой характерна громадная степень расслоения крестьянства, вымывание средних слоев, поляризация на одной стороне небольшой кучки помещиков-юнкеров и кулаков, сосредоточивших в своих руках земельные богатства страны, а на другой — подавляющего большинства германского крестьянства, низведенного до положения пролетариев и полупролетариев. Согласно последней, предреволюционной сельскохозяйственной переписи 1907 г., армия сельскохозяйственного пролетариата насчитывала в Германии 2 млн. человек. Почти 4,5 млн. хозяйств из общего количества в 5,7 млн. сельских хозяйств являлись полупролетарскими; обладатели их были вынуждены прирабатывать на стороне. Эти хозяйства имели в среднем меньше 2 га земли, меньше 2 голов скота. По словам В. И. Ленина, «это — нищие»[1]. Средних хозяйств, обладавших от 5 до 10 га земли, было 600 тыс., юнкерских и кулацких хозяйств было всего 700 тысяч. Если, применяя ленинский метод сопоставления имущественного положения различных классовых слоев сельского населения[2], сравнить наличие земли и скота у широких масс бедноты и середняков с количеством таковых у юнкерства и кулачества, то получим следующую яркую картину: у 5 млн. бедняцких и середняцких хозяйств 9,6 млн. га земли, а у 700 тыс. кулацких и юнкерских хозяйств 22,2 млн. га земли; у 5 млн. бедняцких и середняцких хозяйств 12,1 млн. голов скота, а у 700 тыс. кулацких и юнкерских хозяйств 17,3 млн. голов скота.

Таким образом, 700 тыс. хозяйств крупных землевладельцев обладали количеством земли в 2,3 раза большим чем 5 млн. крестьянских хозяйств!

Но эта поляризация нищеты и богатства была не единственным следствием «прусского пути» развития. В результате той же особен-

[1] Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 605.

[2] См. Ленин. Соч. Т. XII. «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.», стр. 223—224.

ности исторического развития Германии, вследствие которой помещики сохранили свои позиции в политическом и экономическом строе страны, германское крестьянство наряду с капиталистическим гнетом испытывало на себе гнет остатков крепостничества.

Вплоть до революции 1918 г. у власти стояла монархия Гогенцоллернов, которая осуществляла интересы блока юнкеров и крупной империалистической буржуазии под гегемонией юнкерства. Внутри Германской империи насчитывалось 25 государств, из которых 22 представляли собой монархии. Представители этих 22 династий были самыми крупными помещиками в стране. Юнкерство занимало командные посты в аппарате государственного управления, в армии и флоте. В 1913 г. В. И. Ленин писал о «господстве сабли прусского полуфеодального землевладельца» в Германии, о том, что «прав был Маркс, который без малого 40 лет тому назад немецкий государственный порядок назвал «военным деспотизмом, обшитым парламентскими формами» [1]. Тогда же Ленин характеризовал германский рейхстаг как «помещичий», «октябристский», «поповский».

В ландтагах, управлениях провинций, округов, общин наибольшее влияние имели земельные магнаты. В самом крупном, ведущем государстве Германии — в Пруссии — они целиком господствовали в верхней «палате господ». Из 393 мест 116 занимались по наследственному праву и принадлежали принцам, князьям, графам и баронам, а остальные 277 мест заполнялись, за небольшим исключением для буржуазных элементов, также всякого рода представителями прусского дворянства. В «нижней палате», в палате представителей, им также принадлежала командная роль. В Германии сохранились остатки вотчинной власти помещиков над сельским населением ввиде так называемых «приусадебных округов» («Gutsbezirke»), т. е. округов, в которых помещику принадлежали административные права [2].

В Западной Германии «приусадебных округов» было сравнительно немного: в 1889 г. их насчитывалось всего 985. Зато Восточная Германия изобиловала такого рода феодальными образованиями. По переписи 1905 г., в Восточной Пруссии имелось 2299 «приусадебных округов» с 13% всего населения Восточной Пруссии; в Померании было 2419 «приусадебных округов», которые охватывали 21% населения области; в Познани — 1881 округ с 19,6% населения и т. д.

Помещик такого округа был начальником (Vorsteher) сельской общины, обладал полицейской властью, имел право налагать денежный штраф до 5 марок или арест до 1 дня. Государственные повинности помещик перелагал на крестьян. Привилегией помещика были низкие налоги. Жаловаться на помещика можно было ландрату, но это было совершенно бесполезно, так как ландрат был тот же помещик. Известный германский историк Дельбрюк писал, что «комиссии по раскладке налога снисходительны (к помещику.—*С. Л.)* потому, что во главе стоит ландрат, а ландрат из соображений политики и карьеры вынужден не портить отношений со своим кругом, т. е. с помещиком» [3].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 100.

[2] Согласно «Всеобщему земельному праву» в Пруссии от 1794 г., помещик имел полицейскую власть, а также право назначать в своем округе сельских старост, старшин, школьных учителей, творить суд, давать или не давать разрешение на отъезд, на брак и т. д. Так называемое освобождение крестьян оставило за помещиком полицейскую и судебную власть. Революция 1848 г. уничтожила эти права помещиков. Но уже в 1856 г. они были восстановлены. Правда, суд уже не подлежал власти помещика, но полицейская власть и назначение сельских старост оставались за ним. Закон 1872 г. устранил полицейскую власть помещиков над сельскими общинами, но целиком сохранял ее в так называемых «приусадебных округах».

[3] «Preussische Jahrbücher». März 1909. По книге K. Marchionini «Geschichte der Landwirtschaft». Leipzig. 1925.

Полуфеодальным пережитком было также сохранение и даже рост так называемых фидеикомиссов, т. е. заповедных помещичьих имений, которые подлежали единоличному наследованию по установленному собственником-основателем порядку и ограничениям в деле отчуждения и залога.

В Пруссии перед войной было 1277 фидеикомиссов, которые обладали 2,5 млн. га, что составляло 7% всей земельной площади Пруссии. Фидеикомиссы принадлежали прусскому дворянству, и из 11 600 владений только 136 принадлежали буржуазным владельцам. Это были колоссальные латифундии. По данным известного исследователя сельского хозяйства проф. Конрада, в 7 восточных провинциях Пруссии 92% площади фидеикомиссов принадлежали владениям размером свыше тысячи га.

Статистические обследования фидеикомиссов регулярно производились только в Пруссии начиная с 1895 года каждые 4—5 лет. По другим государствам таких обследований не было. Однако известно, что даже на юге Германии, характерным для которого является крестьянское землевладение, фидеикомиссы занимали большое место. В Бадене в 1883 г. более полумиллиона га земельной и лесной площади (585 652 га), т. е. 41,1% всей площади Бадена, было в несвободном владении.

В Вюртемберге имелся 141 фидеикомисс с площадью в 127 954,6 га, причем только 15 фидеикомиссов принадлежали буржуазным владельцам.

Несвободное владение в Баварии только по правому берегу Рейна составляло 238 959 га.

Доходы князей, графов, принцев от их фидеикомиссов были колоссальны. Так, 14 собственников лесов, владевших более чем 10 тыс. га лесной площади каждый, имели в 1910 г. чистого дохода более 10,5 млн. марок [1].

Самые крупные земельные владения продолжали оставаться в руках высшего дворянства, сохранившего за собой свои латифундии. Так например латифундии размером свыше 2500 га и общей площадью 2608 тыс. га принадлежали 412 дворянам. Следовательно, у этих 412 дворян было столько же земли, сколько почти у миллиона мелких крестьян с наделом от 2 до 5 га [2].

Процентное отношение размеров латифундий к общей земельной площади еще недостаточно показательно для определения тягостности такого владения для крестьян, ибо помещики занимали лучшие земли. По донесениям вюртембергских ландратов (Oberamten), которых отнюдь нельзя было упрекнуть в пристрастном отношении к помещикам, можно установить, что в местных общинах лучшие земли принадлежали дворянским земельным собственникам, что крестьянские владения находились на неудобной, гористой части; например в Unterschwandorf'е вся земля, за исключением 12 моргенов, являлась собственностью господ фон Кехлер, а в Bartenstein'е из 168 моргенов полезной площади 111 моргенов принадлежали земельным магнатам — князьям Гогенлоэ, Бартенштейн и Ягстберг, — в то время как крестьяне крайне бедствовали. Особо следует отметить преимущественное право охоты и рыбной ловли, которым пользовались владельцы, имеющие более 75 га.

В германской деревне сохранился ряд полуфеодальных форм эксплоатации бедноты и сельскохозяйственных рабочих. В некоторых местностях Вестфалии, Ганновера, Ольденбурга бедняк, получавший в аренду кусок земли, должен был работать на владельца за понижен-

[1] H. Rau «Abfindung der Landes-und Standsherren. Enteignung der Fideikomisse», S. 11, 14—15. Berlin. 1926.

[2] «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Bd. XII S. 895. 1931.

чую плату или отрабатывать определенное число дней в году (Heuerlingswesen).

В Шлезвиг-Голштинии имелись так называемые «арендующие деревни» (Zeitpachtdörfer), в которых арендаторы отрабатывали трудовую и конную барщину помещику.

В Мекленбурге и Померании существовали еще такие места, которые были в свое время исключены из «регулирования» и где применялась наследственная аренда с прямо-таки феодальными повинностями и налогами в пользу помещика [1].

Но еще более значительными были остатки крепостничества в отношении сельскохозяйственных рабочих. В. И. Ленин называл прямым пережитком крепостничества существование так называемых «депутантов», т. е. таких сельскохозяйственных рабочих, которые нанимались на 1 год и вместо заработной платы получали в пользование клочок земли и небольшое количество продуктов. Лишь незначительная часть заработной платы выплачивалась деньгами. «Если мы видим, напр., в Германии и особенно в Пруссии, что в число сельскохозяйственных предприятий [поп]адают клочки земли (т. наз. Deputatland), которые помещик дает батраку в счет заработной платы, то разве это не прямое переживание крепостничества?» [2],— писал Ленин.

Жена «депутанта» обязана была работать в поместье. На «депутантов» была возложена такого же полуфеодального характера повинность — поставлять юнкеру для работы бесплатно 1—2 молодых работников (Hofgängerzwang).

Но одной из самых открытых форм полукрепостнической эксплоатации являлись «законы о челяди» (Gesindeordnungen). В одной Пруссии имелось 19 разного рода сводов «законов о челяди» и 25 законов в различных государствах Германской империи. При этом многие из них были изданы в начале XX века: в 1900 г., в 1901 г. и даже в 1903 г. Параграф 77 «закона о челяди» от 8 ноября 1810 г., распространявшегося на все провинции прусской монархии, гласил: «Если слуга прогневает господина неприличным поведением и со стороны последнего будут ругательства или небольшие насилия, то слуга не может требовать за это судебного удовлетворения». Наряду с этим § 80 гласил: «Проступки слуги против господина должны караться тюрьмой или общественной принудительной работой» (öffentliche Strafarbeit).

«Законы о челяди» существовали до самой революции 1918 г., и неоднократные предложения социал-демократов в рейхстаге отменить законодательство о челяди разбивались о сопротивление правительства и большинства рейхстага. Челядь, составлявшая едва ли не половину всех сельскохозяйственных рабочих, была предоставлена произволу помещика; к ней не применялись никакие положения трудового законодательства; за свой труд она получала скверную пищу и жилье и лишь незначительную часть заработной платы в деньгах.

Таким образом, наряду с безусловным господством в Германии самых передовых форм капитализма в германской деревне сохранялся ряд полуфеодальных пережитков. Наличие их означало, что буржуазно-демократические задачи революционного преобразования аграрных отношений, равно как и демократическая энергия крестьянских масс, далеко еще не исчерпаны. Уничтожение остатков крепостничества должно было явиться необходимым этапом этого преобразования. Вместе с тем наличие острейших противоречий капиталистического характера должно было поставить на очередь переход от буржуазно-демократического этапа к социалистическому этапу аграрной революции.

---

[1] «Аграрный вопрос и крестьянское движение». Справочник. Т. I, стр. 51, 52. Международный аграрный институт. М. 1935.

[2] Ленинский сборник XIX, стр 366.

Война 1914—1918 гг. довела до крайности все классовые противоречия в стране. Правящий блок юнкерства и крупной империалистической буржуазии вел грабительскую войну за передел мира в интересах германского империализма, давая возможность буржуазии и юнкерству наживаться на войне за счет народных масс.

В деревне тяготы войны менее всего коснулись юнкерства. Юнкера легко обходили рогатки принудительного государственного регулирования; они обогащались на военных поставках, так как могли опираться на «своих» людей в военно-бюрократическом государственном аппарате. Вся тяжесть принудительной системы в сельском хозяйстве падала на плечи бедняцких и середняцких масс. Юнкерство и кулачество наживались на спекулятивных «вольных» ценах. Сравнительно небольшая сумма бумажных денег, которую бедняцкие и средние хозяйства получали от продажи зачастую необходимых им самим продуктов, со дня на день теряла свою ценность вследствие все усиливавшейся инфляции.

Бедняцкие и середняцкие хозяйства тяжело пострадали от мобилизации своих основных работников, от изнашивания инвентаря и других тягот войны. Сельское хозяйство приходило в упадок. К осени 1918 г. размеры посевной площади сократились, более чем на 50% упал сбор зерновых культур и картофеля, количество скота резко уменьшилось, свиное поголовье уменьшилось более чем наполовину.

Крестьянство несло огромный «налог кровью»: среди убитых в течение войны 2 млн. человек и 4,5 млн. раненых было не менее 1/3 крестьянских сынов.

Германское крестьянство жаждало мира и земли.

Мечта о земле довлела над батрачеством и беднотой. Еще в 1916 г. в окопах передавалось от одного солдата к другому рукописное сочинение сельскохозяйственного рабочего Эрнста Брюнnеля, изданное затем в Лейпциге в 1917 г. под названием «Der deutsche Landarbeiter nach dem Weltkriege». «Как раз зимой, когда нигде нельзя найти работы в деревне, — писал Брюннель, — этих рабочих оставляют без хлеба и выставляют буквально на улицу с угрозой не выплатить последнее жалованье до тех пор, пока семья не очистит жилье и не сдаст ключ от него. Без хлеба, без жилья, без дома!» [1]. Автор предлагал устранить имевшийся во время войны недостаток в сельскохозяйственных рабочих путем предоставления им жилья по сходной цене, какой-либо работы зимой и «кусочка сада».

★

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, революционное разрешение большевистской партией и советской властью вопроса о мире и земле раскрыли перед германским крестьянством новые перспективы и новые пути решения этих вопросов.

Германское крестьянство приветствовало революцию.

Даже такие немецкие историки, которых никак нельзя заподозрить в преувеличении революционности крестьянства, свидетельствуют об этом. Среди крестьянского населения господствовало убеждение, что правительство Гогенцоллернов и его окружение — финансовые воротилы и дворянство — являются главными виновниками затягивания войны (Kriegsverlänger), а поэтому крестьянство желало свержения монархии и всего ненавистного военно-бюрократического порядка буржуазно-юнкерской монархии, с неимоверной тяжестью угнетавшего его особенно во время войны [2].

---

[1] «Der deutsche Landarbeiter nach dem Weltkriege...» von einem Landarbeiter. S. 97. Leipzig. 1917.

[2] См., например, книгу W. Mattes «Die Bayerischen Bauernräte», Stutthart und Berlin. 1921.

Коренное революционно-демократическое решение вопросов о мире и земле для крестьянства было возможно только в союзе с пролетариатом, ибо буржуазия в Германии, хотя и не обладала полнотой власти, была глубоко контрреволюционной. Имея мощного противника в лице германского пролетариата, германская буржуазия даже не была в полном смысле этого слова оппозиционной. Ее противоречия с юнкерством, желание уничтожить остатки полуфеодальных привилегий последнего всегда отступали на задний план перед угрозой со стороны пролетариата ее собственному существованию. Поэтому она прекрасно уживалась с юнкерством и стремилась к осуществлению лишь некоторых реформ руками «божьей милостью» императора Вильгельма II.

В стране же неуклонно надвигалась мощная народная революция.

Но величайшей бедой и опасностью для революции было отсутствие подлинно революционной пролетарской партии. Социал-демократия, давно превратившаяся в агентуру буржуазии в рабочем классе и в партию реформ, открыто перешедшая с начала империалистической войны на сторону своего правительства, была ярым врагом революции.

В деревне она никогда не вела систематической социалистической пропаганды, лишь время от времени обращаясь к крестьянам за голосами в связи с очередными парламентскими выборами. Не будучи заинтересованной в революции, она не имела и аграрной программы. Поле деятельности было предоставлено кулацко-юнкерским сельскохозяйственным организациям, вроде Союза сельских хозяев, Германского общества сельского хозяйства и т. п. В Германии, этой стране старейшего профсоюзного движения, профсоюз сельскохозяйственных рабочих был организован только в 1909 г. и охватывал ничтожную часть батрачества, числя в своих рядах накануне войны около полутора десятков тысяч членов. Социал-демократическая оппозиция, выделившаяся из партии весной 1917 г. ввиде «независимой социалистической партии» благодаря напору революционного подъема масс, занимала неустойчивую, колеблющуюся позицию. «Независимцы» лишь на словах стояли за революцию, а на деле подчинялись, в конечном счете, во всем социал-демократии большинства. «Независимцы» также игнорировали крестьянский вопрос. Германские левые были единственными представителями пролетарского, революционного течения. Но это были разрозненные, слабые в организационном, теоретическом и тактическом отношении группы, боявшиеся раскола с оппортунистами. Самая сильная из этих групп — «Союз Спартак» — входила в «независимую социалистическую партию». К тому же и левые группы допускали серьезные ошибки в крестьянском вопросе.

Между тем 29 октября 1918 г. началось восстание во флоте в Киле, которое послужило началом революции по всей стране. Подлинно народная революция опрокидывала все планы и попытки ее подавления. Намерение кайзера стать во главе войск и раздавить революцию не могло быть осуществлено, ибо, как это констатировало главное командование, таких воинских частей, которые можно было бы повернуть на подавление революции, в то время уже не было.

Поддержанный социал-демократией план буржуазных кругов спасти монархию и существующий строй в целом путем добровольного отречения Вильгельма II и замены его на престоле одним из наследных принцев был также опрокинут революционным восстанием. Восставший народ в течение нескольких дней сверг монархию во всех государствах Германской империи.

9 ноября 1918 г. в Германии победила буржуазно-демократическая революция. Благодаря революционному натиску рабочих масс и солдат пролетарско-крестьянской по своему классовому составу германской армии монархия была свергнута. Германия была провозглашена респуб-

ликой. Под влиянием Октябрьской социалистической революции в России восставшим народом в Германии повсеместно создавались советы рабочих, солдатских, а затем и крестьянских депутатов. Депутаты рабочих и солдат Берлина на первом пленуме Берлинского совета приняли программу социалистических преобразований и утвердили ранее сформировавшееся правительство из представителей социал-демократической и «независимой социалистической партии», искренно считая социалистическим это правительство, которое к тому же приняло название «Совета народных уполномоченных», по примеру Советской России. Так благодаря иллюзиям единства, не изжитому еще доверию к социал-демократии со стороны впервые вовлеченных в активную политическую жизнь широких народных масс правительственная власть и руководство советами оказались в руках «социалистического» правительства из прямых агентов и защитников интересов буржуазии в лице социал-демократов и неустойчивых, колеблющихся, но стоящих на тех же позициях соглашательства с буржуазией центристов-«независимцев».

Став у власти, социал-демократия при поддержке «независимцев» соглашательствовала с буржуазией и осуществляла ее интересы. Она лишила советы их революционного содержания и превратила в бессильный придаток правительства. Она оставила в силе весь старый государственный аппарат. Всей своей деятельностью она подготовляла торжество буржуазной контрреволюции. Но все же власть буржуазии не была и не могла быть прочной, поскольку наряду с сохранившимся старым аппаратом государственной власти появились новые, созданные революцией органы фактической власти вооруженного народа — власти советов. Это своеобразное положение было временным. Оно должно было кончиться либо переходом власти к советам либо окончательной победой буржуазии, и в этом случае — не только ликвидацией советов, но и заменой «правительства народных уполномоченных» обычным буржуазным правительством в коалиции или без коалиции с социал-демократией. В этом смысле Германия переживала свой «февраль». «Известия» 12 ноября 1918 г., передавая речь В. И. Ленина на заседании СНК, писали: «Совершенно очевидно, что события развиваются по направлению мировой социалистической революции. Однако при всем головокружительном темпе событий в них имеется известная постепенность. Для окончательного изжития застарелых иллюзий необходим известный срок, хотя бы минимальный... Тов. В. И. Ленин, анализируя последние полученные сведения, выразился так: в основном, повидимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь» [1].

В отличие от февральской революции в России ноябрьская революция в Германии поставила у власти не обычное буржуазное правительство, а «социалистическое» правительство, состоявшее из мелкобуржуазных демократов в лице социал-демократов и «независимцев». Далее, в отличие от февральской революции здесь руководство советов и правительство оказались однородными по своему составу. Но так же, как и в России, эти мелкобуржуазные демократы были в тех условиях представителями буржуазии и ее интересов, «отвратительными пособниками реакции, прямыми лакеями ее...» [2]. Борьба за и против перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую составляет стержень событий после ноября. Советская власть или буржуазный парламент — так был поставлен вопрос историей [3]. В этой борьбе завоевывание крестьянских резервов составляло один из решающих моментов победы.

---

[1] См. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 514.
[2] Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 346.
[3] См. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 496.

★

В германской деревне с первых же дней революции начали возникать советы. Уже 16 ноября газета «независимцев» «Die Freiheit» сообщала о том, что в ряде областей Германии возникли крестьянские советы, например в Ганновере, в округе Зике (Sike), в Силезии, в округе Яуэр (Jauer). Яуэрский совет состоял из 3 крестьян, 3 сельскохозяйственных рабочих и 1 сельского ремесленника[1].

Началась организация крестьянских советов и в других местах Пруссии. Однако в южных областях Германии, для которых характерно преобладание крестьянского землевладения, организация советов шла более интенсивно. В Бадене организовалось много крестьянских советов на местах, а также Центральный крестьянский совет, который ставил своей задачей способствовать сельскохозяйственному производству и снабжению народа и армии. В Вюртемберге шла интенсивная организация советов. В Баварии к концу ноября были основаны советы в половине всего количества общин. В ноябре же был организован Центральный крестьянский совет Баварии.

Рабочие и солдатские советы часто предпринимали организацию крестьянских советов. Они «созывали в деревне возле окружного управления публичные собрания, часто под открытым небом. На них выступали прежде всего представители рабочих, затем большей частью представители крестьян, и к концу собрания организовывался крестьянский совет»[2].

Крестьянские советы начали борьбу против помещиков. В Вюртемберге отдельные советы стали распоряжаться земельными угодьями, вмешиваться в судебную деятельность. Министр юстиции Вюртемберга вынужден был 13 декабря 1918 г. издать распоряжение, в котором указывалось на недопустимость подобного рода деятельности советов. Там же крестьяне начали принуждать помещиков к отказу от своих полуфеодальных привилегий. «После 9 ноября крестьяне и беднота деревни Донцдорф у Гейслингена, вооружившись, пошли к замку и вынудили графа письменно отказаться от его феодальных прав и отступиться от земли, сдаваемой в аренду»[3].

О другом, не менее характерном факте, свидетельствовавшем о начале революционного крестьянского движения, сообщает «Die Rote Fahne» в номере от 5 декабря 1918 г.: «В деревне близ Геппингена, в предгорье Швабских Альп, совет рабочих и крестьянских депутатов поставил местному полуфеодальному помещику графу Рехбергу ряд ультимативных требований: отход к крестьянам арендных владений графа, находящихся в деревне, а также 200 моргенов леса, отход к общине права охоты и рыбной ловли, отмена патронального права и квартирных тягот, уплата помещиком 2 млн. марок общине и принятие на себя долгов общины в возмещение недоплачиваемых графом налогов»[4].

Крестьяне в борьбе за землю зачастую не ограничивались требованиями уничтожения полуфеодальных привилегий, но переходили к требованиям отчуждения и раздела помещичьих земель. Под давлением снизу Баварский крестьянский совет, например, выдвигал следующую программу: 1) уничтожение фидеикомиссов, 2) вся земля должна принадлежать тому, кто ее сам обрабатывает, 3) крупные земельные владения, свыше тысячи тагверков[5], должны быть отчуждены, 4) отчужденная земля должна быть разделена между солдатами и середняками, оставшимися не по своей вине без хлеба, для создания более много-

[1] «Die Freiheit» № 3, 16 November 1918.
[2] W. Mattes «Die bayerischen Bauernräte», S. 75.
[3] Hörnle «Das deutsche Dorf und die Grosse Sozialistisch Oktoberrevolution». Manuskript.
[4] «Die Rote Fahne» № 20, 5 Dezember 1918.
[5] Тагверк (Tagwerk) = 1/3 га.

численного среднего сословия, 5) то, что не будет роздано таким образом, должно управляться государством или сдаваться им в аренду.

Советское движение в деревне только начиналось. С первых его шагов социал-демократы при поддержке «независимцев» начали с ним борьбу. Буквально на второй день после утверждения Совета народных уполномоченных состоялся сговор правительства с представителями кулацко-юнкерских сельскохозяйственных организаций. 11 ноября представители сельскохозяйственных союзов предпринимателей под предводительством руководителей Союза сельских хозяев пришли к правительству и предложили свои услуги по «наведению порядка» в деревне[1]. В результате переговоров было решено пойти наперерез начавшемуся движению путем организации «крестьянских советов» с участием и под руководством юнкерства и кулачества, захватить инициативу в свои руки, овладеть движением с тем, чтобы его удушить.

В тот же день оппортунистические вожди профсоюзов сельскохозяйственных рабочих — председатель германского профсоюза сельскохозяйственных рабочих Георг Шмидт и председатель христианского профсоюза сельскохозяйственных рабочих Берендс — имели совещание с представителями кулацко-юнкерских союзов, на котором обсуждался вопрос о создании содружества между батраками и сельскохозяйственными предпринимателями и об организации «сельскохозяйственного делового содружества». 13 ноября 1918 г. было опубликовано воззвание «К германскому сельскому населению», в котором новое германское правительство призывало «все слои сельского населения... к совместному добровольному созданию крестьянских советов». Цель этих советов — «обеспечить народное питание, спокойствие и порядок в деревне, так же как и беспрепятственное ведение сельских предприятий и в дальнейшем». Таким образом, правительство предлагало включить в советы всех, в том числе и помещиков, и ставило перед ними задачу сохранения прежних порядков.

В этом воззвании правительство обещало ограничиться лишь абсолютно необходимым в деле государственного вмешательства в область продовольственного снабжения городов. Оно обещало охранять сельское население «от всех произвольных вторжений в их имущественные и производственные отношения»[2].

Уже то обстоятельство, что для кулацко-юнкерских организаций в деревне была принята форма советов, свидетельствовало об огромной потенциальной силе революционного крестьянского движения, ибо не только юнкерство и кулачество, но и социал-демократы были врагами советов в деревне. Позднее один из активных участников сговора, Георг Шмидт, в своем отчете конференции руководителей окружных объединений Германского союза сельскохозяйственных рабочих писал, что «термин «крестьянские советы» слишком напоминал русские события. Но те, которые хотели действовать в этом духе, не подумали, что в Германии отношения иные»[3]. Социал-демократы даже организуемые ими кулацко-юнкерские советы оценивали как «временное, преходящее явление», долженствующее исчезнуть, как только они выполнят свои задачи по «обезвреживанию» революционного движения в деревне. По этой причине даже эти кулацко-юнкерские советы не должны были, по замыслу их организаторов, заменять собой прежние органы власти в де-

---

[1] «Niederschrift über die Konferenz der Gauleiter des deutschen Landarbeiterverbandes zu Berlin 3, 4 und 5 Dezember 1919». «Schriften des deutschen Landarbeiterverbandes» № 4. Berlin. 1920.

[2] «Vorwärts» № 313, 13 November 1918.

[3] «Geschäftsbericht des deutschen Landarbeiterverbandes für die Jahre 1914 bis 1919». «Schriften des deutschen Landarbeiterverbandes» № 5, S. 61 Berlin, 1920.

ревне, и поэтому они стремились к тому, чтобы эти «советы крестьян и сельскохозяйственных рабочих» не стали политическими органами [1].

Организация «советов» шла ускоренными темпами.

По инициативе и настоянию оппортунистического руководства профсоюзов сельскохозяйственных рабочих 19 ноября было устроено заседание сельскохозяйственных предпринимательских организаций, в котором приняли участие и представители сельскохозяйственных профсоюзов. На этом заседании был создан Имперский центральный совет крестьян и сельскохозяйственных рабочих, в котором не было ни одного действительного крестьянина и ни одного подлинного сельскохозяйственного рабочего. Совет состоял из представителей 12 сельскохозяйственных организаций, в подавляющем большинстве кулацко-юнкерских, а также профсоюзов сельскохозяйственных рабочих (Германского совета сельского хозяйства, Союза сельских хозяев, Объединения германских крестьянских союзов, Германского общества сельского хозяйства, Германского союза крестьян, Германского союза сельскохозяйственных рабочих, Центрального союза рабочих земли, леса и виноделия Германии, Главного союза сельскохозяйственных объединений служащих имений Германии, Союза прусских сельскохозяйственных округов и др.). На этом же заседании было единогласно одобрено в принципе создание «трудового содружества» из сельских хозяев и рабочих [2].

Уже 22 ноября Имперский совет был утвержден министром продовольствия — «независимцем» Вурмом — и получил таким образом правительственную санкцию и законные полномочия. Имперский совет опубликовал 23 ноября воззвание «К сельскому населению», в котором он снова напоминал о необходимости организации крестьянских советов и доводил до всеобщего сведения об их задачах. В каждой общине надлежало избрать «совет крестьян и сельскохозяйственных рабочих, который должен состоять из 6 лиц, поровну от помещиков, крестьян и сельскохозяйственных рабочих, а также организовать окружные и т. д. «советы крестьян и сельскохозяйственных рабочих». В качестве основной задачи этих «советов» выдвигалась поддержка надлежащих властей в их мероприятиях, а именно: 1) в принятии мер по охране жизнеприпасов, регулированию их доставки, борьбе со спекуляцией, 2) в обеспечении беспрепятственной работы сельскохозяйственных предприятий, 3) в помощи демобилизованным и взаимопомощи в охране личной собственности [3]. Это воззвание нашло широкий отклик на местах. Деревенская верхушка немедленно взялась за организацию этих лжесоветов с целью предупредить организацию подлинных революционных крестьянских советов. На вышеуказанной конференции руководителей окружных союзов Германского союза сельскохозяйственных рабочих приводился интересный факт: «Когда один аграрий услыхал, что должны быть образованы «советы крестьян и сельскохозяйственных рабочих», он поднял шум в своей округе и быстро создал такого рода организацию и этим предупредил рабочие и солдатские советы» [4]. «Die Rote Fahne» заслуженно называла эти «советские» организации «юнкерскими советами», ибо они были таковыми по составу и по деятельности.

Во главе Имперского центрального совета крестьян и сельскохозяйственных рабочих стояли крупные помещики и кулаки. В центральных крестьянских советах отдельных германских государств у руководства были зажиточные элементы деревни. Председателем Центрального баварского совета был крупный земельный собственник и владелец кирпичного завода, «независимец» Гандорфер.

---

[1] «Geschäftsbericht des deutschen Landarbeiterverbandes...» № 5, S. 61.
[2] Ibidem, S. 60.
[3] «Die Rote Fahne» № 13, 28 November 1918.
[4] «Geschäftsbericht des deutschen Landarbeiterverbandes...» № 5, S. 61.

Помещичьим и кулацким элементам удалось овладеть и окружными крестьянскими советами.

Так например в Баварии в числе 492 членов окружных советов было 11% бургомистров. При рассмотрении имущественного положения членов этих советов, числившихся крестьянами, оказалось, что преобладание было за кулацкими элементами. Из 243 членов окружных советов лишь 18,6% являлись бедняками и только 11% — середняками. Огромное большинство, свыше 70%, являлось кулаками. Из 100 членов окружных советов 41 обладал количеством земли свыше 20 га каждый[1].

Фактическое участие малоимущих слоев крестьянского населения в работе советов было еще меньшим чем удельный их вес в составе советов. Даже участие в заседании окружного крестьянского совета представляло для мелкого крестьянина большую трудность, так как он не имел никаких средств передвижения и вынужден был идти пешком в окружной центр и тратить большое количество рабочего времени без всякого вознаграждения. Особенно тяжелыми были условия работы в советах для батраков: они теряли заработок и подвергались еще большим притеснениям со стороны хозяев.

Помещики и кулаки часто овладевали местными крестьянскими советами. «Die Rote Fahne» указывала на один очень яркий пример такого совета: «В Нейштате, в провинции Познань, образовался крестьянский совет под председательством графа Ланского, помещика, владельца 10 тыс. моргенов земли, который эксплоатировал крестьян самым наглым образом. Он не только не платил батракам и крестьянам за копку свеклы, но вынуждал их платить ему 30 марок с каждого моргена свеклы за свекловичную ботву, которую они брали на корм скоту. Нужда в кормах для скота вынуждала крестьян терпеть эту эксплоатацию. Мало того, они даже вынуждены были иногда дополнительно нанимать рабочих для срочной копки свеклы и оплачивать их из своего кармана. Теперь крестьяне начали протестовать против этой эксплоатации и отказываться от работы. Но все же они берутся за нее, лишь при условии, что им придется платить 10 марок вместо 30»[2].

В общинный крестьянский совет очень часто избирался состав старого комитета общины (Gemeindeausschutz), в том числе и бургомистр, причем за крестьянскими советами не признавалось никаких прав и на них не возлагалось никаких задач прежних общинных управлений. Там, где состав крестьянских советов был новый, они также были лишены реальной власти. Попытки контроля над старыми властями категорически отклонялись. Правительство и созданный им Имперский совет крестьян и сельскохозяйственных рабочих ограничили задачи крестьянских советов содействием властям в продовольственном вопросе, в проведении демобилизации, в охране личности и собственности, то есть ставили перед ними задачу сохранения старого порядка в деревне.

Захват руководства в крестьянских советах юнкерством и кулачеством обусловил и характер деятельности этих советов в земельном вопросе. Они не шли дальше попыток выкупа земли у помещика.

Деревня была предоставлена в полное распоряжение юнкерства и кулачества. Социал-демократическая партия, как известно, занялась крестьянским вопросом исключительно в контрреволюционных целях овладения крестьянским движением для того, чтобы выхолостить из него революционное содержание.

Став у власти, социал-демократические вожди постоянно рассматривали вопросы сельского хозяйства только с точки зрения подъема его производительности при сохранении и укреплении прежних социальных отношений. «Vorwärts» писал только о необходимости снабжения сель-

---

[1] W. Mattes «Die bayerischen Bauernräte», S. 113—114.

[2] «Die Rote Fahne», 12 November 1918.

ского хозяйства паровыми плугами, удобрением, об электрификации и т. п.[1]. Продолжая введенную еще во время войны политику принудительного хозяйственного режима в деревне, правительство неизменно щадило юнкеров, применяя этот режим со всей строгостью к трудовому крестьянству[2]. О каком-либо посягательстве на помещичьи латифундии или на крупное землевладение в пользу нищего германского крестьянства не было и речи. Германские аграрии полностью сохраняли за собой свои владения. В отношении безземельного германского крестьянства правительство ограничивалось обещанием лишь в будущем «урегулировать вопрос» путем предоставления ему за плату земель для поселения. Распоряжением от 30 января 1919 г. союзные германские государства обязывались к организации таких поселений. Такие обещания, как известно, Гинденбург давал солдатам во время войны. С подобным же обещанием он обратился к возвращающимся домой солдатам 1 декабря 1918 года.

Широкие массы батрачества, бедноты, мелкого и среднего крестьянства не получили от революции земли. Более того, «социалистическое» правительство не уничтожало даже феодальных привилегий германских помещиков. Ни «приусадебные округа», ни фидеикомиссы фактически не были им уничтожены.

Отменив 12 ноября «законы о челяди», правительство в согласии с Имперским советом крестьян и сельскохозяйственных рабочих не только оставило в силе, но и закрепило особо кабальные, полуфеодальные условия труда батраков на помещиков. Разработанное Имперским советом «Временное положение о сельскохозяйственном труде» («Vorläfige Landarbeitsordnung»), получившее 24 января 1919 г. силу закона, предусматривало заключение «служебных договоров», которые узаконяли закабаление батраков помещиками прежде всего в отношении рабочего времени. Согласно этому «Положению», 8-часовой рабочий день на сельское и лесное хозяйство не распространялся. Между тем 8-часовой рабочий день для батраков, которые в значительной степени являлись «батраками с наделом», был бы весьма скромным достижением и фактически означал бы гораздо более длительный рабочий день. После работы в помещичьем хозяйстве такой батрак должен отправляться вместе с женой и детьми на поле, данное ему в годовое пользование в счет части заработной платы, и там дополнительно зарабатывать эту часть заработной платы, не доплачиваемой ему помещиком. Батрачество целых округов требовало 8-часового рабочего дня. Но оппортунистические вожди союзов сельскохозяйственных рабочих исходили из того, что «рабочее время должно соответствовать состоянию хозяйства» и потому «нельзя и никто из них не имеет права пропагандировать 8-часовой рабочий день»[3].

Поэтому «Положение», разработанное Имперским советом крестьян и сельскохозяйственных рабочих вместе с организациями сельскохозяйственных предпринимателей и социал-демократическими вождями сельскохозяйственных профсоюзов, устанавливало в пункте 3-м максимальное рабочее время: для четырех летних месяцев — 11-часовой рабочий день, для других четырех месяцев — 9-часовой и только для зимних месяцев—8-часовой рабочий день. В рабочее время не включались перерывы на кормление скота, на обед и т. д., что составляло дополнительно 1—2 часа. Батраки не имели права отказываться от сверхурочной и воскресной работы. §§ 7 и 8 давали предпринимателю право опреде-

[1] См., например, статью «Индустриализация сельского хозяйства». «Vorwärts», 4 Dezember 1918.

[2] А. Граф «Крестьянское движение в Германии в прошлом и настоящем», стр. 64. М. 1927.

[3] «Niederschrift über die Konferenz der Gauleiter...», S. 15.

лять по своему усмотрению форму и сроки выплаты натуральной части заработной платы, расчетов за жилище, за пользование землей и т. д.

Сельскохозяйственный предприниматель мог задерживать до $^1/_4$ денежной заработной платы «в возмещение убытков при расторжении договора», а также имел и другие подобные права, весьма похожие на права помещиков по «закону о челяди». На сельскохозяйственный труд не распространялся промысловый устав, общее положение о труде, об охране труда и т. п.[1].

★

Таковы были итоги аграрной политики социал-демократии. «Независимцы» никогда не ставили вопроса ни об отчуждении помещичьей земли в пользу бедноты и мелкого крестьянства, ни о ликвидации помещичьего землевладения вообще. В своих немногочисленных высказываниях по поводу социализма и сельского хозяйства «независимцы» выдвигали ублюдочные «прожекты» огосударствления помещичьих имений... без устранения помещика. «Аппарат управления в этих латифундиях будет действовать попрежнему, только дело финансового и денежного учета должно быть передано обществу»,— писал по этому поводу «независимец» Гофер в «Die Freiheit»[2]. Эта политика фактического потворствования юнкерству проводилась под прикрытием теории о консервативности германского крестьянства, «в Германии крестьяне давно стали краеугольным камнем консервативизма»,— писал, например, Каутский[3].

Левые «независимцы» стояли на той же антиреволюционной позиции и под прикрытием левых фраз о буржуазной идеологии крестьянства объединяли последнее с буржуазией, юнкерством, средним сословием в «единую реакционную массу». «Буржуазией мы называем здесь не только класс эксплоататоров — крупных капиталистов и помещиков, но и слои интеллигенции, среднего сословия и крестьянства, объединенные с ними общей идеологией»,— пишет, например, председатель исполкома Берлинского совета Рихард Мюллер в своей работе о германской революции[4].

Посылаемые исполнительным комитетом в деревню уполномоченные имели своей целью лишь способствовать получению от крестьянства продовольствия[5]. Городские советы часто предпринимали организацию крестьянских советов только с этой целью.

Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов, ссылаясь на «отсутствие у крестьян революционной школы», выступил против предоставления каких-либо политических прав крестьянским советам, отводя им только область экономических вопросов, и то лишь с контрольными и совещательными функциями. В «Руководящих положениях» исполнительного комитета было сказано: «Крестьянские советы необходимо вовлечь **только** в хозяйственный контроль с совещательным голосом (Beratung), так как им недостает революционной школы, которая должна быть первым условием для власти»[6].

Представители революционной пролетарской партии — спартаковцы и другие группы германских левых — игнорировали крестьянское движение и почти не вели работы среди сельского населения. Это было, несомненно, пережитком социал-демократического, оппортунистического равнодушия к крестьянскому вопросу.

---

[1] «Das neue Landarbeiterrecht». Berlin. 1919.
[2] «Die Freiheit» № 17, 24 November 1918.
[3] K. **Kautski** «Mein Verhältniss zur USP», S. 10. Berlin. 1922.
[4] Р. **Мюллер** «Война и германская революция». Т. II, стр. 125.
[5] Из отчета исполнительного комитета на I съезде рабочих и солдатских советов.
[6] «Richtlinien und Verordnungen für Soldatenräte, Arbeiterräte, Bauernräte». Herausgegeben von den Auskunftstelle für Soldatenräte beim Vollzugsrat der A. u. S. Räte, S. 27. Berlin, 1918.

Люксембургианские взгляды спартаковцев на крестьянство свидетельствовали о полном непонимании и извращении ими этого важнейшего вопроса пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Одним из следствий этой, вкорне ошибочной, немарксистской теории спартаковцев было безоговорочное зачисление крестьянства в «резерв контрреволюционной буржуазии». Исходя из этой же теории, левые считали революцию делом одного пролетариата города и деревни.

Даже после Великой Октябрьской революции в России спартаковцы, повернувшись спиной к ее всемирноисторическому опыту в крестьянском вопросе, повторяли социал-демократические утверждения о том, что этот опыт является чисто русским явлением и что только «социальная структура России исключала возможность того, чтобы социальная революция была делом одного пролетариата»[1]. Спартаковцы оставались на своих антикрестьянских позициях и после ноябрьской революции.

Они принесли люксембургианские пережитки в крестьянском вопросе в организованную в декабре 1918 г. коммунистическую партию Германии, что нашло свое отражение на первом же учредительном съезде партии, в программе, в практической работе.

В то время как пролетарские и полупролетарские элементы, составлявшие подавляющее большинство германского крестьянства, не получившие ни клочка земли от ноябрьской революции, могли стать надежным союзником пролетариата, Р. Люксембург в своем докладе на первом учредительном съезде объявила крестьян «фанатичными приверженцами частной собственности» и «резервом контрреволюционной буржуазии».

Но самым характерным было отношение партии к середняку. Энгельс подчеркивает в своем «Крестьянском вопросе во Франции и Германии»: «по отношению ко всему вопросу центр тяжести лежит именно в этом разряде крестьян»[2]. Программа, написанная Р. Люксембург накануне съезда, зачисляла среднее крестьянство в лагерь врагов пролетариата: в части практических требований программа наряду с требованием конфискации крупных сельскохозяйственных предприятий выставляет также требование конфискации средних предприятий, нанося этим самым непоправимый удар делу союза пролетариата со средним крестьянством.

В унисон с худшими социал-демократическими традициями лассальянского толка, в свое время жестоко раскритикованными Марксом и Энгельсом, программа не подчеркивала, не выделяла вопроса о необходимости конфискации именно помещичьих владений и передачи их крестьянству.

В. И. Ленин, внимательно следивший за деятельностью молодой, только что родившейся коммунистической германской партии, жестоко критиковал ее левооппортунистические ошибки в крестьянском вопросе, указывая на недопустимость игнорирования среднего крестьянства. На изданной в 1919 г. в Берлине брошюре «Аграрная программа коммунистической партии Германии (Союз Спартака)» В. И. Лениным сделана резкая пометка: «Крестьянин-середняк? отсутствует»[3].

В тех условиях, когда юнкерство и кулачество овладевали крестьянскими советами, задачей пролетарской партии было способствовать развертыванию классовой борьбы в деревне, провозгласить и возглавить организацию советов сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Необходимо было разбить создаваемый юнкерством и кулачеством во

---

[1] Клара Цеткин «Р. Люксембург и русская революция», стр. 174—175. М. 1923.

[2] Ф. Энгельс «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 443.

[3] Ленинский сборник XXIV, стр. 215.

главе с социал-демократией блок крестьянства с буржуазией, изолировать юнкерство и кулачество и, присоединяя к себе сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян, при нейтрализации среднего крестьянства, а по возможности в союзе с ним, повести за собой подавляющее большинство крестьянства к пролетарской революции, объединяясь с ним на почве ликвидации в первую очередь помещичьего, а также кулацкого землевладения в пользу этих крестьянских масс. Вопреки этому спартаковцы хотя и выдвигали лозунг организации советов сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян, но, исходя из антиреволюционных, антикрестьянских позиций, ставили целью этих советов борьбу против... крестьянства (!), призывая «мобилизовать безземельных пролетариев и мелкое крестьянство против крестьянства» [1].

Спартаковцы, игнорируя всемирноисторический опыт большевистского решения аграрного вопроса, выдвигали чрезвычайно левую по форме и оппортунистическую по существу схему немедленного введения крупного государственно-социалистического сельскохозяйственного производства по типу фабрики. Исходя из этого, спартаковцы выступали за то, чтобы отнять у юнкеров поместья и сделать их общей собственностью трудящихся, то есть национализировать, но они нигде не говорили о необходимости уделить хотя бы часть земли, отнятой у помещиков, бедноте и мелкому крестьянству.

В. И. Ленин писал: «Даже в высоко-развитых странах, в том числе и в Германии, достаточно чересчур больших латифундий, и есть такие участки земли, которые обрабатываются не крупно-капиталистическим, а полу-феодальным способом; от последних можно кое-что отрезать в пользу мелких крестьян, не нарушая хозяйства» [2].

В своей пропагандистской работе в среде сельского населения, ведшейся в мизерных размерах, спартаковцы ставили перспективу передачи помещичьих имений в распоряжение совета сельскохозяйственных рабочих и служащих имения. Один из революционных плакатов «Союза Спартак», «10 вопросов германских сельскохозяйственных рабочих и 10 ответов Спартака», ставит вопрос: «Кому должны принадлежать крупные поместья?» Ответ гласит: «Спартак хочет, чтобы они были отняты у юнкеров и стали общей собственностью трудящегося народа».

Второй вопрос: «Кто должен управлять крупными имениями?» Ответ гласит: «Спартак хочет, чтобы сельскохозяйственные рабочие и служащие имения управляли крупными имениями для себя и всех трудящихся при помощи современных машин, общей свободной коллективной работы по единому плану для всей страны» и т. д. [3].

Пролетарская партия в лице спартаковцев игнорировала крестьянские требования безвозмездного отчуждения земли и передачи ее крестьянству на основе трудового землепользования. Она не возглавила борьбу крестьян за осуществление этих требований.

Революционная, пролетарская партия изолировала себя от широких масс крестьянства, в то время как правящая социал-демократия, отбросив свою прежнюю пассивность в крестьянском вопросе, повела вместе с юнкерством и кулачеством бешеную борьбу за овладение крестьянским движением. Ей удалось овладеть крестьянскими советами и превратить их в прикрытие контрреволюции против революции [4]. Ей удалось воспрепятствовать переходу крестьянских масс на сторону пролетариата, удержать крестьянские резервы в стороне от борьбы, когда

---

[1] «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». Berlin. 1919.

[2] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 358.

[3] Плакат «10 вопросов германских с.-х. рабочих и 10 ответов Спартака». Хранится в Музее революции СССР.

[4] См. И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 404. 11-е изд

начались первые серьезные бои рабочего класса против перешедшей в наступление буржуазной контрреволюции.

В январе 1919 г. для германской революции наступили ее «июльские дни». Буржуазная контрреволюция во главе с социал-демократией потопила в реках крови январское восстание. Приравнивая январские события к июльским дням 1917 г. в России, Ленин писал: «Мы пережили в России летом 1917 г. «июльские дни», когда русские Шейдеманы, меньшевики и эсеры, также «государственно» прикрывали «победу» белогвардейцев над большевиками...» [1].

В этих боях, которые являлись высшим и решающим пунктом борьбы революционного пролетариата Германии против буржуазной контрреволюции, за перерастание революции в пролетарскую, одержала победу буржуазия. Она оформила свою власть через открывшееся 6 февраля Национальное собрание. Принятая Национальным собранием временная конституция, по существу, предрешала вопрос об установлении умеренной буржуазной республики. Национальное собрание избрало буржуазное коалиционное правительство, уделив социал-демократам соответствующее их «заслугам» место. Продолжавшие существовать «советы являлись послушным орудием буржуазного парламента» [2]. Прав был Ленин, который писал по поводу январских «побед» буржуазии: «Мы знаем по опыту, как быстро такие «победы» буржуазии и ее холопов излечивают массы от иллюзий буржуазного демократизма, «всенародного голосования» и тому подобное» [3].

Действительно, после январских событий в Германии, как и после июльских событий 1917 г. в России, шел чрезвычайно быстрый процесс полевения масс. В Германии, по словам Ленина, имела место «такая же, вполне однородная тяга рабочих справа налево» [4]. Наступление буржуазной контрреволюции вызвало сопротивление рабочих и солдатских масс, которые боролись за советы и за осуществление социалистических мероприятий.

Но в отличие от России этот процесс полевения масс вел к усилению не коммунистов, а «независимцев». Причиной этого В. И. Ленин считал «ошибочную тактику немецких коммунистов» [5]. В отличие от России в Германии не было такой партии, которая повела бы пролетариат от германского «июля» к победоносному германскому Октябрю. Стоявшие у руководства «независимцы» шли под давлением событий за борющимися массами и губили эту борьбу, неизменно кончая дело соглашением с врагом в самый решительный момент.

Когда в ответ на наступление реакции разразились февральско-мартовские бои пролетариата, молодая, слабая еще коммунистическая партия, подвергшаяся к тому же незадолго до этого январскому разгрому, потерявшая своих лучших вождей — К. Либкнехта и Р. Люксембург,— не могла возглавить движение. Пролетариат потерпел поражение. И одной из главных причин поражения было то обстоятельство, что и в январские дни, и ко времени февральско-мартовских боев, и в борьбе за возникшую в апреле 1919 г. Баварскую республику пролетариат не вел еще за собой крестьянские резервы. На первом конгрессе Коминтерна В. И. Ленин говорил: «...для распространения советской системы в деревне делается весьма мало. В этом, быть может, и заключается еще практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом...» [6].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 498—499.
[2] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 221.
[3] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 499.
[4] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 212. 1937.
[5] Там же.
[6] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 19.

Происходивший вскоре, в апреле 1920 г., съезд КПГ по вопросу о крестьянстве констатировал, что в ноябре 1918 г., а также в январских и мартовских боях 1919 г., с.-х. рабочие и мелкие крестьяне не были «совершенно затронуты революционной волной» и что «революция осталась ограниченной городами и городским пролетариатом»[1]. Эта оценка позиции крестьянства в революции нуждается в серьезных коррективах, поскольку спартаковцы свою собственную бездеятельность часто приписывали крестьянам, говоря, например, что сельскохозяйственным рабочим «не хватало воли к действию»[2]. На деле же крестьяне, одетые в солдатские куртки, принимали самое активное участие в ноябрьском перевороте, при полном сочувствии к революции со стороны крестьянских масс в деревне. В январских и мартовских боях 1919 г. пролетарская партия не сумела и не успела привлечь крестьянские резервы к делу пролетариата.

Известно, что к возникшей в апреле 1919 г. советской республике в Баварии мелкое крестьянство относилось весьма сочувственно, среднее занимало колеблющуюся позицию, в то время как баварское кулачество, увлекая за собой часть середняков, пополняло белогвардейские добровольческие отряды для подавления республики.

Часть крестьянской молодежи сражалась в рядах баварской красной армии, а мелкое крестьянство снабжало продовольствием окруженный белогвардейцами красный Мюнхен. Однако это движение крестьян за поддержку советской республики только еще начиналось. Баварская республика не сумела и не успела привлечь на свою сторону широкие массы крестьянства.

Баварские коммунисты, разделявшие люксембургианские предрассудки по поводу того, что крестьянство может быть только резервом контрреволюционной буржуазии, игнорировали крестьянский вопрос, что для крестьянской Баварии было еще более роковой ошибкой чем для промышленных областей Германии. Деятельность советского правительства в деревне ограничилась установлением советской власти в близлежащих к Мюнхену крестьянских районах и выпуском немногих листовок, переброшенных в деревню на самолетах. Советское правительство из-за пресловутой люксембургианской «крестьянобоязни» в своих обращениях к крестьянству стало на путь недиференцированного, неклассового подхода и обещаний «не затрагивать интересы крестьянского сословия». Эти обещания отнюдь не смогли воспрепятствовать решительному переходу кулачества в стан врагов Баварской коммуны. Руководитель Баварского крестьянского совета «независимец» Гандорфер и другие вожди этой организации, отражавшей интересы зажиточных слоев деревни, сначала обещали способствовать доставке крестьянами продовольствия и требовали, чтобы социализация не коснулась земельных владений ниже тысячи тагверков[3]. Вместе с тем они перевели значительную сумму денежных средств совета контрреволюционному правительству социал-демократа Гофмана в Бамберге и пытались установить с ним контакт. Но эта двойственная политика очень скоро сменилась отказом вождей крестьянского совета от всякого сотрудничества с советским правительством, а крестьянский совет прекратил свое существование[4]. С другой стороны, обещания правительства отнюдь не способствовали привлечению симпатий деревенской бедноты.

Советское правительство Баварии не выполнило по крестьянскому

---

[1] «Der Kommunistische Landarbeiter». Mai 1920.

[2] Ibidem.

[3] «An die ländische Bevölkerung. Kundgebung des Landes bauernrates an die Bauern, Handwerker gewerbetreibende, Kaufleute». Хранится в Музее революции СССР.

[4] W. Mattes. «Die Bayerischen Bauernräte». S. 190—191.

вопросу ни одного из указаний В. И. Ленина, данных им в «Приветствии Баварской Советской республике», представляющем собой замечательную программу действий советской власти в Баварии[1]. Правительство не конфисковало помещичьих и крупнокапиталистических имений, не отменило ипотек и арендной платы для мелких крестьян, не увеличило заработную плату батракам, не использовало склады одежды и продовольствия для немедленной помощи батракам и мелким крестьянам, не развивало деятельности батрацких и мелкокрестьянских советов, не мобилизовало рабочих для пропаганды в деревне и, таким образом, не приняло мер, которые должны были укрепить положение советской власти в деревне. Баварская советская республика потерпела поражение в значительной мере потому, что не имела за собой крестьянских резервов.

Итак, январские, февральско-мартовские бои, бои за Баварскую советскую республику, кончились поражением пролетариата, которое означало также поражение надежд крестьянства на радикальное решение аграрного вопроса. Установление затем буржуазной Веймарской республики означало конец крестьянских советов, которые действительно вскоре прекратили свое существование. В итоге ноябрьской революции, благодаря революционному натиску масс монархия была уничтожена, Германия стала буржуазной республикой; завоеваны были буржуазно-демократические свободы. Крестьянство получило от революции, кроме своей доли общеполитических свобод, только ликвидацию наиболее вопиющего пережитка средневековья — «закона о челяди» — и обещания сначала от «социалистического» правительства, а потом от Веймарской республики организовать поселения на купленной за приличное вознаграждение у помещика части его земли, а также на предоставленных для этой цели землях государственных доменов, подлежащих осушке болотах, неудобных землях и т. п.

Нищее германское крестьянство земли от революции не получило. Все коренные противоречия в деревне оставались в силе при Веймарской республике. Но крестьянский вопрос в Веймарской буржуазной республике открывает уже другую страницу истории аграрных отношений в Германии.

---

[1] См. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 264.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ В XVII ВЕКЕ

В. Шунков

Завоевание Западной Сибири и включение ее в состав Московского государства, а позднее завоевание и всей территории Сибири до берегов Великого океана занимает значительное место в процессе расширения русского государства и превращения его в многонациональное. Завоеванию русскими Сибири в XVI в. немало способствовали увеличившиеся потребности выросшего феодального государства, толкавшие его к более прочному освоению новых промысловых областей. Страна, где соболи «черны вельми и велики, шерсть живого соболи по земли ся волочит», не могла остаться вне поля внимания государства, для которого пушнина в значительной мере была валютным товаром и которое в середине XVI в. стало испытывать недостаток в ней.

Путь в Западную Европу через Белое море, проложенный Ченслером, и дорога туда же через временно захваченный Ругодив (Нарва), освобожденный с падением Казани и Астрахани торговый путь на восток в Шемаху, Бухару и Хиву вызвали большой спрос на пушнину. Во второй половине XVI в. уже не всегда можно было достать драгоценный товар в ближайших к Москве пунктах. Его искали в северовосточных областях государства и в поисках его перевалили через «Камень».

Трудно установить начальную дату поездок русских промышленников на низовья Оби и Таза. Во всяком случае, в середине XVI в. русские, по свидетельству Стифена Берроу, хорошо знали и путь на Обь и характер приобского населения[1]. Более же осведомленный Оливер Брюнель не без основания утверждал, что некоторые русские «в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с р. Обью, так как посещали те места из года в год»[2].

С падением Казани промышленные пути пролегли и к среднему течению Оби. Продвижение московских правительственных войск в Сибирь обеспечило широкие возможности для деятельности «промышленников» за Уралом. В течение XVII в. они и служилые люди прошли Сибирь от западного ее края до восточного, опережая друг друга. В течение XVII в. именно они занимали новые земли и определяли направление дальнейшего движения. При изучении продвижения русских за Урал для этого периода обычно в центре внимания одних историков находилась шумная деятельность московской дворянской бюрократии по освоению огромной территории, в центре внимания других — деятельность промышленных и торговых людей.

Между тем уже с конца XVI в. начинается прилив в Сибирь волны крестьянского переселения. Менее заметная на первых порах, эта волна уже в XVII в. достигает серьезного размаха, преимущественно для Западной Сибири. По ведомости сибирских городов 1698—1699 гг., т. е. в самом конце XVII в., в Сибири числилось всякого чина жалованных людей (служилых людей, ружников и оброчников) 11 637 чел., посадских людей—2535 и крестьян—около 11 тыс. (имеются в виду дворохозяева). Таким образом, крестьянское население по своей численности в конце XVII в. почти равнялось населению служилому и ружному вместе и более чем в 4 раза превосходило население посадов. При этом необходимо учесть, что тогда территория Восточной Сибири только что осваивалась, а значительные пространства Западной Сибири не допускали образования крестьянских поселений по своим естественным условиям. Русское население в таких местах состояло почти исключительно из служилых и промышленных людей.

Только на юге Западной Сибири соотношение различных категорий населения было решительно в пользу крестьянства. По той же ведомости, население Тобольского, Тюменского, Верхотурского, Туринского уездов распределялось следующим образом: служилых людей и ружников — 4653, посадских людей — 1219 и крестьян — 8280. Иными словами, по этим уездам крестьян было вдвое более чем служилого населения и в 6,5 раз более чем посадских людей.

[1] Берроу С. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 97—125. М. 1937.

[2] Введенский А. «Торговый дом XVI—XVII вв.», стр. 102—103. Л. 1924; Алексеев М. «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей». Т. I, стр. 178—181. Иркутск. 1932.

Особенно сильно численное превосходство крестьян по уездам Верхотурскому и Туринскому. В первом уезде крестьян было в 6 раз более нежели служилых людей и в 10,5 раз более чем посадских (1537 крестьян, 259 служилых людей и 143 посадских), во втором уезде крестьяне превосходили служилых людей числом в 8,6 раз и в 7,5 раз посадских (611 крестьян, 71 служилых людей и 85 посадских)[1]. Таким образом, названные уезды по своему населению уже для конца XVII в. были преимущественно крестьянскими.

Крестьянское переселение в Сибирь в исторической литературе обычно связывается с правительственной деятельностью по созданию государевой десятинной пашни. Отрицать эту связь не приходится: она действительно имела серьезное значение. Уже походы Ермака, князя С. Болховского с головой Ив. Глуховым, И. Мансурова поставили остро вопрос о снабжении правительственных отрядов продовольствием. Неверные расчеты при организации этих отрядов привели к катастрофе. «И того ради бысть оскудение велие всяким запасом, и мнози от гладу изомроша»[2].

Продовольственный вопрос обострялся с каждым годом, с каждым новым отрядом, прибывающим за «Камень». Поэтому приходилось спешно организовывать планомерное снабжение хлебом новой «украйиной» земли. Вопрос был разрешен, на первых порах, завозом хлеба из Европейской России. Пермь, Соль-Камская, Кайгородок, Вятка с пригородами, Устюг, Соль-Вычегодская и Вымь-Яренская, Чердынь с их уездами обязаны были поставлять в Сибирь «сошные запасы». При этом быстро обнаружились три серьезных недочета в этой организации: стоимость хлеба за дальностью доставки была необычайно высока; хлеб доставлялся неакуратно; в тяжелые 1610 и 1611 гг. он не поступил в Верхотурье совсем[3].

Но и в нормальное время недоимка по сошным запасам нередко числилась за поморскими городами. Так, за 1662—1663 и 1663—1664 гг. северные города, поставив 12 170 четей муки ржаной и ржи, не довезли 6273 чети сошных запасов[4]. Не довезен хлеб был и в 1665—1666 годах[5]. В 1644—1645 гг. города Устюжской чети не смогли поставить сошных запасов вследствие неурожая, и поставка хлеба была заменена высылкой денег за четь ржи по рублю[6]. Более мелкие недоимки случались чаще.

Эти недодачи сошных запасов ставили под удар нормальное снабжение сибирского населения даже и в годы, когда собственная сибирская запашка достигала значительных размеров. В 1666 г. верхотурский воевода Колтовский принужден был писать в Москву, что благодаря недовозу сошных запасов ему в Тобольск хлеба «отпускать нечево»[7]. Особенно тяжело отражался недовоз в первые годы занятия Сибири при отсутствии собственной запашки. Хлебная повинность для городов Новгородской и Устюжской четей, обязанных также и возить хлеб до Верхотурья, была, по их неоднократным заявлениям, непосильна.

Московское правительство должно было стремиться завести сибирскую пашню, в первую очередь в западных уездах. Используя уже имевшийся опыт, Москва пошла привычным путем организации государевой десятинной пашни. Мероприятия московского правительства в основном свелись, как это было уже давно отмечено в литературе, к трем мерам: переселению в Сибирь крестьян из Европейской России по «указу» и «прибору», использованию на сибирской государевой пашне ссыльных людей и устройству на пашню лиц, явившихся в Сибирь по собственной инициативе. Трудно установить, которая из этих категорий крестьян была первой на сибирской пашне.

Можно сказать с несомненностью, что перевод по «указу» и по «прибору» из Европейской России в Западную Сибирь был применен лишь в первое время и скоро был оставлен ввиду недостаточной эффективности данного мероприятия, его дороговизны и жалоб на него со стороны населения поморских уездов. Перевод по разверстке сохранил и позднее некоторое свое значение, но лишь в качестве внутрисибирского мероприятия при устройстве новых поселений. Наблюдавшиеся три вида переводов: перевод из европейской части государства, перевод внутри уездов Тобольского разряда и перевод из городов Тобольского разряда в города Томского разряда—создавали впечатление значительной переселенческой деятельности правительства в Сибири в целом, между тем результаты ее были отнюдь не велики.

Второй источник получения рабочей силы для государевой пашни — ссылка — давно уже привлекал внимание историков Сибири[8]. Не приходится отрицать значи-

---

[1] Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Книги Сибирского приказа № 1354, лл. 218—406.

[2] «Сибирские летописи», стр. 31—33. СПБ. 1907.

[3] Акты исторические (АИ). Т. II, №№ 94 и 337.

[4] ГАФКЭ. Столбцы Верхотурского уездного суда (ВУС) № 35, лл. 505—515. Четь—объемная мера. Казенная четь ржи весила 5 пудов. Наряду с пятипудовой четью употреблялась и восьмипудовая четь.

[5] Стлб. ВУС № 24, лл. 29—30.

[6] ГАФКЭ. Столбцы Сибирского приказа (СП) № 147, стлб. 159.

[7] Стлб. ВУС № 24, лл. 29—30.

[8] О значении ссылки для заселения Сибири см. Щеглов И. «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири». Иркутск. 1883; Ядринцев И. «Сибирь как колония». СПБ. 1892; «Исторические очерки русской ссылки». «Дело» № 10. 1870; «Колонизационное значение русской ссылки». «Дело» № 12. 1870; Буцинский «Заселение Сибири и быт первых ее насельников». Харьков, 1889.

тельного количества сосланных в Сибирь в XVII веке. Уже И. Масса знает Сибирь с этой стороны. По его словам, «в первое время москвитяне пугались, если, навлекая на себя неудовольствие, слышали слово «Сибирь», потому что туда обычно ссылали в качестве наказания». Таким же местом, куда «ссылаются все находящиеся в немилости у великого государя», кажется Сибирь и Петрею [1]. Таким образом, уже в первое десятилетие XVII в. Сибирь имела прочную репутацию места ссылки и среди иностранцев.

По данным Буцинского, с 1593 по 1645 г. количество сосланных в Сибирь равнялось 1500, за одно десятилетие — с 1614 по 1624 г. — было сослано 560 человек [2]. Размах ссылки значительно вырос ко второму полустолетию XVII века. Отдельные партии ссыльных достигали внушительных размеров. В 1641 г. с сентября по апрель в Тобольске было принято ссыльных «русских и литовских людей и черкас и мордвы» 134 человека. С конца июля 1642 г. по май 1643 г. в тот же Тобольск прибыло дополнительно 87 ссыльных [3]. В 1683 г. с Верхотурья в Тобольск отправлялась партия в 196 колодников, присланных из Вологды для поселения в Сибири. Среди ссылаемых находились и лица, бывшие «с донскими казаками» [4]. В 1700 г. из Вологды на Верхотурье шла партия колодников в 108 человек [5]. В 1698 г. правительство в грамоте от 30 октября признавало: «...и такими многими ссыльными людьми сибирские городы и слободы и деревни везде полнятся» [6].

Наличие значительного количества ссылаемых в XVII в. признается большинством исследователей. Мнения расходятся по вопросу об использовании ссыльных в Сибири. Н. Ядринцев и И. Щеглов не придают ссылке серьезного значения в деле освоения страны. Для них она лишь административная мера, всегда сопровождавшаяся заточением на месте ссылки [7]. Противоположное мнение высказал Буцинский: «В течение всего XVII в. московское правительство почти всегда приказывает сибирским воеводам или верстать ссыльных на службу, или устроять на пашни и в очень редких случаях ссыльные запирались в тюрьмы на месте ссылки» [8]. Так определялась роль ссылки в создании сибирской пашни.

При определении значения ссылки для городов Тобольского разряда необходимо учесть следующее обстоятельство: ссыльные устраивались не только на пашню, но и в служилые и посадские люди. И если в посад ссыльные попадали в очень ограниченном количестве, то они широко включались в число служилых людей. Так, из 134 ссыльных, прибывших в Тобольск с сентября 1641 г. по апрель 1642 г., воеводой П. Пронским в служилые люди было поверстано 80 человек, на пашню было посажено 28 человек, один человек был посажен в Красноярске в тюрьму, о судьбе остальных сведений не имеется. Партия ссыльных, прибывшая в Тобольск в 1642—1643 гг., почти целиком была направлена в города Томского разряда и на Лену.

Наблюдение над этой и другими партиями позволяет сделать два следующих вывода. В XVII в. в пашенные крестьяне устраивалась незначительная часть ссыльных. Уже в первой половине XVII в. ссылка преследовала цель заселения главным образом городов Томского разряда и Лены. Действительно, из 221 человека двух партий в городах Тобольского разряда оставлено лишь 32 человека, т. е. всего 14%; из городов Тобольского разряда они были направлены в непашенные или малопашенные Сургут, Березов, Кузнецк, Нарым, Тару. Нам известно назначение поселения в отношении 23 человек, из них на пашню устроено 5 человек. Таково значение для расширения пашни в городах Тобольского разряда ссыльных, прибывших в Тобольск в течение полутора лет — с сентября 1641 г. по конец мая 1643 года.

Примерно такую же картину мы наблюдаем и в предшествующие десятилетия. В 1633 г. из Москвы в Сибирь была выслана партия колодников в 73 человека. В грамоте на имя верхотурского воеводы Бояшева всех их велено устроить в Томском, Енисейском и Красноярском острогах [9].

Почти целиком в службу, а не в пашню верстались ссыльные литовцы и черкасы, шедшие в Сибирь большими партиями. Около 1620 г. поверстана в службу партия ссыльных черкас в 40 человек [10]; в 1639 г. поверстана на службу партия военнопленных в 83 человека [11]; в 1634 г.— 14 человек, в 1635 г.— 140 человек [12] и т. д. Значительное количество ссыльных, поверстанных в служилые люди, объясняется как необходимостью укрепления боевой силы в Сибири, так и тем, что для значительной части их сибирское пашенное дело было «не за обычай», а отдача их крестьянам для «пашенного науку» не всегда давала ожидаемые результаты.

Приведенным соображениям противоречит расчет, данный Буцинским за десятиле-

---

[1] Алексеев «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей». Т. I, стр. 205 и 255.

[2] Буцинский. Указ. соч., стр. 198—199.

[3] Стлб. СП № 114, лл. 214—228.

[4] Стлб. ВУС № 43, лл. 1—70.

[5] Там же, № 6, л. 173.

[6] Там же, № 221, лл. 25—30.

[7] Ядринцев Н. «Исторические очерки русской ссылки». «Дело» № 10. 1870; его же «Колонизационное значение русской ссылки». «Дело» № 12. 1870; Щеглов И. «Хронологический перечень». Иркутск. 1883.

[8] Буцинский. Указ. соч., стр. 197.

[9] «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Т. II, № 153, 2.

[10] Буцинский. Указ соч., стр. 201—202.

[11] «РИБ». Т. II, № 153.

[12] «РИБ». Т. II, № 182. Стлб. СП № 262, л. 307.

тие — с 1614 по 1624 год. По его подсчету, за эти годы сослано в Сибирь 560 человек, из которых предназначено было на службу 169 и в пашню — 348 человек[1].

Расчет Буцинского страдает одним существенным недостатком: он сделан на основе «Списков с государевых грамот Михаила Федоровича, каковые присланы в Тобольск в прошлых от 122 до 134 гг. о опальных людях, которые по государеву указу присланы в Сибирь». Этот расчет отражает не сибирскую действительность, а лишь то, что предполагала видеть в ней Москва.

Среди сосланных за это десятилетие значительно более половины было военнопленных. Известно, что часть сосланных пленных по распоряжению той же Москвы была затребована обратно в 1619 г. для размена с поляками. И уже одно это обстоятельство показывает, как действительность изменила первоначальные расчеты, сделав одновременно и расчеты Буцинского не соответствующими фактическому положению вещей в Сибири. Кроме того уже в это десятилетие существовала практика поверстания в служилые люди ссыльных иноземцев, принимавших православную веру. Шестью годами позже эта практика была оформлена государевым указом в общее правило. О части ссыльных 1614—1624 гг. нам известно, что они этим воспользовались.

При оценке значения ссылки в развитии пашни в городах Тобольского разряда необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Насильно посаженные на пашню люди, часто не имевшие достаточных навыков, широко пользовались той относительной свободой, которая им по необходимости предоставлялась, и бежали. Так, бежали в 1629 г. ссыльные из-под Кузнецка, потому что им «пашенная работа не за обычай»[2].

О большом уходе ссыльных с пашни говорит пример города Тары, о котором Буцинский писал: «Пашню в Тарском уезде первоначально пытались завести исключительно ссыльными»[3]. И действительно, Тара, как окраинный малопашенный город, была тем местом, куда было направлено, пожалуй, самое большое количество ссыльных из всех городов Тобольского разряда. Можно отметить несколько партий, направленных в Тару. В 1609 г. сюда выслано на пашню 43 ссыльных латышей и русских людей; в том же году, как отмечалось выше, на Тару послано 25 семей казанских, лаишевских, тетюшских переведенцев. Казанские переведенцы, по распоряжению Тобольска, были переведены в Туринск. На Таре, следовательно, должны были остаться 43 ссыльных. А по дозорным книгам 1624 г., на Таре пашенных крестьян написано лишь 10, из них государеву десятинную пашню пашут восемь[4]. Таким образом, с 1600 по 1624 г. на пашне в Таре удержалась лишь ⅕ всех ссыльных, если считать, что отмеченные выше 8 человек действительно все являются ссыльными. Другие данные рисуют ту же картину: значительная часть сосланных на пашне не удержалась.

Приведенный материал дает основание высказать следующее положение. Ссылка в XVII в. для уездов Тобольского разряда не играла сколько-нибудь серьезной роли в деле увеличения крестьянского населения. Значительная часть ссыльных версталась в служилые люди, а не в пашенные крестьяне. Тобольск, особенно с половины века, служил этапным пунктом, откуда ссыльные отправлялись в восточные города Томского и Ленского разрядов. Сравнительно небольшое количество ссыльных, остававшихся в Тобольском разряде, устраивалось на пашню в окраинных малопашенных городах. Из ссыльных, устроенных на пашню в этих городах, значительная часть не удерживалась на месте и бежала. Положение вещей несколько меняется лишь в XVIII веке. Увеличившиеся контингенты служилых людей и разрешение значительной части военных задач позволяют шире использовать ссылку для расширения запашки.

По мнению московского правительства, изложенному в государевой грамоте 1699 г., ссыльных «опричь пашни сажать негде для того, что в службу на убылые места их верстать невозможно, потому что сосланы они за многие свои вины и вместо смертные казни. А на убылые старых и добрых служилых людей места против его великого государя указу бьют челом умерших дети и братья и сродники. И в том им отказывать, а верстать тех новоссыльных людей немошно ж и великого государя указом противно»[5].

Таким образом, правительственная деятельность по переводу и ссылке на пашню Тобольского разряда не дала заметных результатов. Ни переведенцы, ни ссыльные в XVII в. не создали сибирского крестьянства.

★

Наиболее эффективными были меры по устройству в государеву пашню лиц, явившихся в Сибирь по собственной инициативе. Опираясь на этот поток самовольных переселенцев, правительство пытается и действительно заводит сибирскую пашню. Самым действенным из последних мероприятий было создание для выходца из европейской части государства необходимых условий для заведения самостоятельного хозяйства: дача земли, денежной, иногда натуральной помощи. Уже в конце XVI в. правительство Бориса Годунова предписывало сибирской администрации «пашенных и посадских людей призывать и с Перми и с Вятки из Солей на льготу охочих людей от отца сына и от брата брата и от дяди племянников и от сусед суседов. А льгота им давати смотря по тамошнему делу насколько лет пригож... и на подмогу им давати из государевой казны деньги и хлеб,

[1] Буцинский. Указ. соч., стр. 203; Портфели Миллера, № 541.
[2] «РИБ». Т. VIII, № 11. LX.
[3] Буцинский. Указ. соч., стр. 151.
[4] Кн. СП № 5, лл. 344—399.
[5] Стлб. ВУС № 221, лл. 25—30.

смотря по тамошнему делу и угодья им давати на кормленье; чем бы им мочно прокормиться... искати государю прибыли, чтоб прибыль учинить, а земли тягости не навести и впредь бы та прибыль была стоятельна и прочна»[1]. «И вновь пашенных крестьян... из гулящих изо всяких охочих вольных людей из подмоги и на льготные годы и на ссуду призывати. А ссуду им и подмогу и льготу давать смотря по тамошнему делу и по людем и по семьям с порукою и примеряся к прежним годом»[2].

Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности ввиде государевой десятинной пашни и государевых изделий, предоставлялись земля, временная льгота, подмога и ссуда. Крестьянская льгота заключалась в освобождении вновь прибранного крестьянина от несения государева тягла в течение определенного условием количества лет. Подмога — безвозвратная помощь денежная или натуральная для устройства крестьянином его собинного хозяйства. Ссуда денежная или натуральная имела ту же цель, но подлежала обязательному возвращению. Сибирские дела четко отделяют безвозвратную подмогу от подлежащей уплате ссуды. Именно последняя обеспечивалась заемной кабалой.

В 1654 г. в Белослудской слободе призван на льготу новоприборный крестьянин Иван Михайлов в полчети десятины. «А государева жалованья дано ему Ивашку 12 алт. 3 деньги... да на ссуду дано ему Ивашке 25 алтын. И на него Ивашка в тех государевых ссудных деньгах в 25 алтынах взята заемная кабала»[3].

При постепенном исчезновении подмоги наряду с льготными годами остается одна ссуда, которая подобно прежней подмоге называется иногда «государевыми деньгами», «государевым жалованьем»[4]. Эта нечеткость названия, особенно частая в практике частновладельческих хозяйств, и дала повод М. Дьяконову говорить о сближении ссуды и подмоги[5]. Материал Сибири не дает права для подобного сближения.

Установить точные размеры каждого из этих элементов трудно, так как они не были постоянны и изменялись в зависимости от местных и временных условий. Первоначально эти льготы не были малы. Предназначенные для того, чтобы дать крестьянину возможность «двором поселитца, пашня распахать и всяким крестьянским заводом завестися», они в первые десятилетия по своим размерам в какой-то мере отвечали своим задачам. В эти годы мы и наблюдаем наиболее высокие размеры ссуды и особенно подмоги. К этому же периоду относится и натуральная подмога.

Так, в 1633 г. на Верхотурье покупали на государевы деньги лошадей пелымским пашенным крестьянам[6]. При устройстве слободы на Нице подмога была дана в размере 10 рублей на человека и сверх денег дано по 5 четвертей ржи, чети ячменя, 4 чети овса и пуду соли[7]. В Чубарове сверх денежной подмоги и ссуды было предписано выдать по 2 лошади, корове и мелкий скот. С обычной ссудой и подмогой не следует смешивать таковые, выдаваемые переведенцам. Последние были значительно выше, так как включали в себя не только помощь по устройству на месте, но и оплату переезда.

Размеры подмоги и ссуды были очень рано поставлены в связь с размерами оклада государевой десятинной пашни.

Наряду со стремлением сохранить соответствие между размерами ссуды и подмоги с размерами будущего тягла мы наблюдаем значительные колебания в их абсолютных размерах. В Сибирском приказе еще во второй четверти XVII в. утверждали, что в Сибири подмога крестьянам выдается из расчета по 10 рублей на государеву десятину. И действительно верхотурский воевода Хованский в 1625—1628 гг. выдавал подмогу именно в таких размерах[8]. Сведения же, относящиеся к несколько более позднему времени, говорят об уменьшении этих размеров. Это явление особенно отчетливо наблюдается со второй половины века. Воеводская администрация стремится уменьшить помощь вновь прибираемым, делая попытки обойтись и совсем без подмоги, а иногда и без ссуды. Так, в Туринске еще в 1639—1640 гг. «деньги даваны из государевы казны для всякого заводу в кабалу с порукою годы на 2 и на 3». Налицо только ссуда. При этом и ссуда иногда уменьшается. В 1671 г. верхотурский сын боярский П. Буженинов в своей челобитной указывал, что в бытность приказчиком Ирбитской слободы «прибрал вновь из гулящих вольных нетяглых людей в крестьяне 39 человек без вашего великих государей денежного жалованья, без ссудных и без подможных денег»[9]. Подобные явления происходили и в других местах.

О значении ссуды для крестьянского хозяйства, о ее недостаточности, о тяжести ее возвращения говорят крестьянские челобитные за весь XVII в. и недобор приказных изб по ссудным деньгам. Так, в денежной смете по Верхотурью 1628 г., в статье доходов «из займов и из доимки», помечено: «...на 1622—1623 г. на пашенных крестьянех ссудных денег по заемным памятем донять 88 руб. 26 алтын 4 деньги. И в то число взято 3 руб. 16 алтын 4 деньги. А донять 85 руб. 10 алтын. И в тех деньгах крестьяне стоят на правеже». За 1624—1625 г.

[1] Из наказа С. Ф. Сабурову 1595 года. Кн. СП № 2, лл. 96—97.

[2] Стлб. ВУС № 42.

[3] Стлб. ВУС № 44, л. 42.

[4] Кн. СП № 75, лл. 114—120.

[5] Дьяконов М. «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», стр. 206. М. 1926.

[6] Стлб. ВУС № 7, л. 65.

[7] Буцинский. Указ. соч., стр. 7.

[8] Стлб. СП № 158, лл. 69—105; № 1673. Увеличенная подмога в 10 рублей на десятину обычно давалась в случае прибора в крестьяне без льготы.

[9] Стлб. ВУС № 54, лл. 28—29.

на крестьянах правили не взысканных своевременно ссудных денег на 34 руб. 6 алтын 4 деньги. За 1625—1626 гг. крестьяне стояли на правеже в 220 руб. 16 алтынах 4 деньгах [1]. В 1642 г. били челом пелымские пашенные крестьяне об отсрочке уплаты ссуды и подмоги, полученных в 1635 г., ввиду несостоятельности. По поводу этой челобитной пелымский воевода писал в Тобольск, что править недоимку не смеет из-за боязни, что пашенные крестьяне, «покиня государеву пашню, разбредутся врознь».

Ссуда и подмога ни в раннее время, ни позднее не обеспечивали полностью нормальное развертывание хозяйства. Поэтому их сокращение и полное исчезновение нельзя связывать с избытком отпускаемых сумм. Легче и естественнее это объясняется ростом предложения крестьянских рабочих рук.

Такую же эволюцию, как ссуда и подмога, переживает и льгота. В отличие от ссуды и подмоги она удерживается весь XVII в. и переходит в XVIII век. Меняются ее размеры. Величина льготного периода связывалась иногда и с величиной ссуды и подмоги, будучи обратно пропорциональной им. Так, уже при устройстве Ницинской слободы в 20-х годах новопашенные крестьяне получили льготы при большой ссуде лишь на 2 года. Обычно же в ранний период заселения льгота была больше. По Туринскому острогу в 1629—1640 гг. при нормальной ссуде давалась шестилетняя льгота [2]. В Верхотурском уезде уже к середине века перешли к трехлетней и четырехлетней льготе.

Таким образом, и по отношению к льготным годам мы замечаем ту же тенденцию к уменьшению, что и в отношении подмоги и ссуды.

От отмеченных выше ссуды и льготы нужно отличать, так сказать, экстраординарные льготы и ссуды, дававшиеся в чрезвычайных обстоятельствах. Так, в 1672 г. дана льгота оброчному крестьянину Ирбитской слободы Ф. Лаптеву по случаю пожара, во время которого сгорело все его имущество. В том же, 1672 г. крестьянину той же слободы Д. Важенину по его челобитной дана льгота «как безлошадному» [3]. Годовая льгота дана также крестьянину Тагильской слободы И. Полякову, писавшему в его челобитной, что он «человечишко одинокое, один был сынишко и тот умерл, а скотишка... была одна лошаденка и та пала собою, а две коровы убил зверь» [4]. В 1672 г. крестьяне Ницинской слободы били челом о выдаче денежной ссуды на покупку скота, так как в слободе был скотский падеж [5]. Довольно часто экстренные ссуды давались хлебом «на семена и емена». Записи о заемном крестьянском хлебе нередко встречаются в сметных списках.

На проведение указанных мероприятий правительство, особенно первое время, расходовало известные средства. В 1625—1626 гг. Ф. Буженинов при устройстве новой слободы израсходовал 139,5 руб. на подмогу и на ссуду. В 1633 г. за один год на ссуду и подмогу при устройстве Чубаровой слободы было выдано 350 рублей. По Туринскому острогу в 1638—1639 гг. на одну ссуду израсходовано 51 руб., а в 1639—1640 гг.— 248 руб. [6] и т. д. И необходимо сказать, что, несомненно, это дало значительный эффект. Возможность получения значительной помощи привлекала массу поселенцев [7]. Это позволило правительству постепенно уменьшать расходы на устройство поселенцев. Во второй половине века оно стремится ограничиться предоставлением лишь одних льготных лет.

Правительственная администрация в лице воевод и слободских приказчиков не была одинока в своей деятельности по устройству на пашню выходцев из Московского государства. Аналогична деятельность сибирских монастырей. Обеспечивая свое хозяйство рабочими крестьянскими руками, последние садили пришельцев на свои земли на договорных условиях. Так, с марта 1653 по март 1657 г. Невьянский Богоявленский монастырь порядил во крестьяне 25 человек, заключив с ними 21 порядную сроком от 6 до 20 лет, а в одной порядной срок установлен «до смерти». 12 человек обязывались пахать монастырскую землю добрую из пятого снопа и привозить хлеб в монастырские житницы, «измолотя и не строя гадине». Остальные порядились на оброк по полтине с десятины, «поскольку десятин учну пахать в перемену, а в дву потому ж». Все порядившиеся были обязаны поставить двор, избу, овин, клеть, часть из них обязывалась городить поскотины и давать поборы. В одной из порядных последняя обязанность заменена поставкой ежегодно 30 копен сена. В двух порядных порядившиеся обязывались по вызову чинить мельничную «заплоту», а их жены — прясть на монастырь по 2 десятка конопли. За это порядившимся предоставлялась земля монастырская, «добрая» и льгота почти во всех случаях трехлетняя. В одной порядной льгота указана в 2 года, в другой в 4 года. В части порядных (4-х) упомянута выдача монастырем хлеба на семена: «...и семена имать на свою пахоту у келаря и отдавать их в монастырь из своего хлеба, а не свопча». Позднее, в 1694 г., крестьяне Невьянского монастыря заявляли, впрочем: «...хлеб сеем в землю всякой свой» [8]. В двух порядных высказана общая мысль об обязанности монастыря «от всяких государевых зделий и от оброков и от всякого насильства сторонних людей обороняти». Уход до срока влек необходимость уплаты ряды в размере от 5 до 30 рублей. Особо взыски-

---

[1] Стлб. СП № 19, лл. 240—241.
[2] Кн. СП № 75, лл. 114—120.
[3] Стлб. ВУС № 40, лл. 37—38.
[4] Стлб. ВУС № 44, лл. 19—21.
[5] Стлб. ВУС № 21, л. 44.
[6] Буцинский. Указ. соч., стр. 39, 71. Стлб. СП № 87, л. 811.
[7] Кн. СП № 75, лл. 114—120.
[8] Стлб. ВУС № 23, лл. 161—162.

валась определенная сумма от 5 до 10 руб. за дворовое непоставление[1].

Кроме крестьян монастыри привлекали на свои земли поселенцев в качестве половников. В 1669 г. за Тарским Спасским монастырем жили 3 половника, относительно которых мы имеем списки с порядных записей. Половники Гр. Холкин и Назарий Корнильев порядились в половье с Петрова дня 1668 г. по Петров день 1672 года. По порядной они обязались в монастырской деревне на нижнем Изюке пахать пашни, «сколько сила поможет», получая семена «все монастырские». Урожай должен был выдаваться с гумна в монастырь, а «приполон делить пополам». Кроме этой основной работы половники обязывались: 1) поставить по сажени дров, 2) по 2 дня косить сено и 3) по 2 дня возить на монастырскую землю назем. На этих условиях они получили следующую ссуду. При заключении ряда по кобыле с жеребенком, по другой кобыле монастырь должен был выдать после Семеня дни 1668 г. и по нетели двугодовой. Приплод от кобыл и коров оставался за половниками. Из инвентаря выдавалось по сошникам, по косе и серпы. Монастырь обязывался выдать новую лошадь, если «кобыла грехом падет». Монастырь же должен был выдать и новые сошники, косы и серпы, если прежние изломаются на монастырской работе, а «обломки приносить в монастырь», в случае поломки своим небрежением половникам вменялось в обязанность «самим делать или цена в монастырь платить, что чево стоит». Холкин и Корнильев по окончании половья обязывались «в монастырь итти в 5 сноп». Аналогична порядная Дмитрия Санникова, порядившегося в половники с 25 января 1666 г. по 26 октября 1672 года. Всем половникам монастырь обещал за них «стоять и в обиду не давать»[2].

Условия, предоставленные половникам, давали не имеющему ничего человеку возможность осесть на землю с надеждой через несколько лет половничества выйти в крестьяне. Льготы, предоставляемые крестьянам Невьянским монастырем, были меньше льгот, даваемых в казенных слободах, но меньше были и повинности. Поэтому не пустой фразой было обещание монастыря «от всяких государевых зделий и от оброков и от всякого насильства... оборонять». В силу этого устроительная деятельность монастыря была не безуспешной. К началу XVIII в. у него было три села: Околомонастырское, Покровское и Пышминское—с 8 деревнями. В 143 принадлежащих ему крестьянских дворах жило 565 человек. Монастырь имел 27 дес. монастырской запашки и 335 дес. в поле собинной крестьянской пашни. На монастырской пашне и его издельях, кроме 143 крестьян-дворохозяев, работало 34 человека монастырских вкладчиков и слуг и 21 человек монастырских детенышей[3].

Аналогичную Невьянскому Богоявленскому монастырю деятельность развили Тобольский Знаменский, Верхотурский Никольский, Успенский—Долматов, Троицкий Коцкий, Тарский Спасский монастыри, Рафалова пустынь и особенно Тобольский Софийский дом. Деятельность монастырей по прибору крестьян вызывала беспокойство слободской администрации. Д. Андреев, приказчик Исецкой Тересюцкой слободы, в 1669 г. жаловался на Долматов монастырь: «И кои люди приходят из за камени... и те селятся ныне по монастырем, на Исети в Долматове больше 100 человек сверх даточных... и которые тяглые люди пашенные крестьяне из иных слобод бегают и те люди селятся у них же за монастырями»[4].

Несмотря на ряд ограничений, устанавливаемых правительством в отношении монастырского землевладения и владения крепостными руками, монастыри имели в уездах Сибири к концу XVII в. 1495 дворов митрополичьих и монастырских крестьян. По тому же подсчету, государевых пашенных и оброчных крестьян было несколько более 9 тыс. дворов. Следовательно, на монастырских и митрополичьих землях осело 14% всего крестьянского населения Сибири[5].

Помимо деятельности государевой администрации происходило устройство новых крестьян на землю и пашню еще и силами самого крестьянства, посредством поселения на своих крестьянских землях половников, захребетников или ввиде сдачи «государева наделка». Одного из таких захребетников, Осипа Назарьева, отметил писец Федор Михалевский в 1668 г. у тобольского оброчного крестьянина Федора Сальникова. Назарьев жил на сальниковской земле и пахал на ней к 1668 г. 3 десятины ржи и 2 десятины ярового, не платя тягла и пятины. Согласно срочной работной записи, О. Назарьев взялся в течение двух лет «з женою своею и з сыном у него Федора всякая дворовая и деревенская работа робить по вся дни, чем он Федор заставит», и снял с Федора треть его оброка, а именно: 5,5 четей ржи и 5,5 четей овса, «и всякого мирского тягла и изделей его Федорова повытья треть». За это у Ф. Сальникова его «поставленник» вырядил «половина ево Федорова двора и всех хором, а во дворе хором: изба, клеть, сени, баня, на пашне — овин; а пашни пашенные и заложные и поскотинные земли и пустошей и сенных покосов и всяких угодий треть; и со всяким деревенским заводом: сошники, топор, две косы, 4 серпа, да жернова; а скота: кобыла да жеребец 3-х лет, да корову, да нетель, да бычек, да овца. Да хлеба ржи 7 четвериков да 3 четверти овса на семена. А пити и есть Осипу свое, а не хозяйское». Заряд по записи был установлен в 30 р. «и со всякими убытки». О. Назарьев проработал у Ф. Сальникова одно лето и, по обоюдному согласию, ушел в пашенные крестьяне в Бергамакову слободу, получив при расчете кобылу работ-

[1] Стлб. ВУС № 14, лл. 11—41.
[2] Кн. СП № 535, лл. 916—920.
[3] Кн. СП № 853, лл. 286—296.
[4] Кн. СП № 535, лл. 25—26.
[5] Кн. СП № 1354, лл. 218—406.

ную, по четверику ржи, ярицы, ячменя, по полчетверику гороха и семени конопляного и 200 копен сена [1].

Зажиточные крестьяне, обзаведшиеся значительной запашкой, с которой они должны были пахать и соответствующую долю государевой десятинной пашни, довольно широко использовали труд «поставленников». Так, братья Гилевы, известные ялуторовские слободчики, в 1660 г. имели 3 поставленников. Слободчики братья Ульяновы, пахавшие очень большой участок государевой пашни в 4 десятины без полполчети в поле, в 1660 г. имели 4 поставленников, а в 1661 г.— 6 человек поставленников [2].

Более частой формой привлечения старыми крестьянами новых пришельцев на пашню нежели поставленничество была сдача полная или частичная государева повытья. Крестьянство Сибири весь XVII в. несмотря на двойственную политику и колебания по этому вопросу правительственной администрации сохраняло за собой право передачи тягла. Это право крестьяне широко использовали, устраивая вместо себя в государево тягло гулящих людей. «Мы, государь, сироты твои в подмогу себе гулящих людей в твою государеву десятинную пашню призывали и пашни с себя здавали статками своими подмогами и льготу себе чинили» [3], — заявляли в своей челобитной в 1632 г. крестьяне Тагильской слободы.

Законность передачи тягла достигалась каждый раз подачей челобитных и решением по ним, а также явкой поручных записей по снимающему тягло. Поручная запись при этом имела двойное значение в отличие от обычной поручной по крестьянине. Как и обычная поручная, она гарантировала государству выполнение тягла; как документ, оформляющий частноправовые отношения, она регулировала взаимоотношения бравшего и сдававшего тягло. Ее предъявляли, ее усиленно разыскивали, когда у сдатчика со съемщиком происходила «спона». Воеводская администрация в течение всего XVII в. утверждала своими пометами на аналогичных челобитных передачу тягла, хотя и не всегда уверенно.

Сдача тягла крестьянами была, по существу, тем же явлением, что и устройство слободчиком или приказчиком крестьян на государеву пашню. Сдавалось всегда строго определенное в поручной повытье «полдесятины», «полудесятины без получети», «осьмина», «пол-осьмины» и т. д. Порядчик-съемщик обязывался, кроме обработки государевой десятинной пашни или уплаты оброчного хлеба с этого повытья, «государевы изделья делати и денежные поборы давати». Иными словами, он становился к государству в те же отношения, что и всякий пашенный или оброчный крестьянин. Аналогичны и приемы устройства на пашню. Это — предоставление земли и подмоги, называемой в поручных этого типа обычно ссудой. По вполне понятным причинам при сдаче отсутствует льгота. Ссуда имеется налицо почти всегда. Обычно сдатчик давал ссуду натурой. Изредка встречается денежная ссуда или ссуда комбинированная.

Крестьянская ссуда-подмога обычно выше государевой. Установить точно ее размеры затруднительно по трем причинам. Она, несомненно, варьировалась в зависимости от величины снимаемого тягла. При дробности долей сдаваемого тягла (полдесятины без получети, осьмина, пол-осьмины, десятина без чети, полдесятины без полуосьмины, четь с получетвериком и т. д.) легче подметить эту зависимость, нежели ее точно определить. Обычно натуральная подмога состояла из многих предметов, трудно поддающихся ценностному выражению. Величина части объекта подмоги (земля, покосы и т. д.) в поручных обычно не определяется.

Крестьянская подмога состояла из четырех элементов: земли, двора с хоромами, скота, сельскохозяйственных орудий. Иногда к этому прибавлялся хлеб сухой или в земле. Как указано выше, труднее всего определить величину первых двух элементов. При полной сдаче тягла и ликвидации хозяйства сдатчика передавалась вся его земля и весь двор с хоромами, чаще передавалась «во всем половина» с более или менее подробным перечислением. Порядчик сразу же получал жилье и необходимые хозяйственные постройки.

Из скота в подмоге перечисляются почти всегда рабочий скот и молочный, иногда мелкий скот. Из 27 поручных с указанием натуральной подмоги рабочий скот упомянут в 21 случае. Чаще давалась 1 лошадь (13 случаев), в 7 случаях дано по 2 лошади, в одном—3. Коровы даны в 20 случаях из 27: в 14 случаях — по 1, в 3 — по 2, в 2 — по 3 и в 1 — 6. Вместе с коровами часто давались нетели и телята (в 11 случаях). Из 27 порядных в 13 упомянута придача овец (в 7 — по 1, в 1 — 2 овцы, в 2 — по 3, в 1—4 и в 2 — по 5) и в 4 случаях—дача свиней. По двум порядным сверх лошадей и коров даны по 2 быка. Из 27 порядчиков, получивших подмогу натурой, 19 были снабжены и мертвым сельскохозяйственным инвентарем: косами, серпами, сохами, боронами, ральниками, сошниками, топорами и прочим; 16 человек кроме того получили хлеб сухой и в земле.

Некоторое представление о денежной стоимости подобной подмоги дает поручная по порядчике С. Данкове, взявшем в 1627 г. с тагильского пашенного крестьянина Г. Варачева с тяглом в полдесятину с получетью: деревню с двором, пашнею, сенными покосами, поскотиною, хоромами, сеяной ржи в земле 2 чети, ральники, жернова, мерина, 3 коровы, 5 телят-подкормков, свинью да вепря. В самой поручной из этой подмоги оценен скот: лошадь-мерин—в 2 рубля, коровы, телята и свиньи — в 5 рублей. Следовательно, одним скотом было дано больше государевой ссуды и подмоги. Последних на полдесятину с получетью должно было быть дано 5 рублей 20 алтын 4 деньги. В данном случае приведен пример значительной подмоги. Но и в мень-

[1] Кн. СП № 535, лл. 853—858.
[2] Кн. СП № 535, лл. 1048—1052.
[3] Стлб. СП № 32, лл. 160—164.

щих подмогах стоимость скота, если исходить из этой расценки, составляет значительную часть обычного размера государевых подмог и ссуды. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря и построек делала крестьянскую подмогу обычно больше государевой. Преимущество представляла и крестьянская земля, уже разделанная. Величину ссуды, предоставляемой новопоселенцам крестьянами, приходится объяснять отсутствием в этой помощи льготных лет. Величина крестьянской подмоги вознаграждала необходимость немедленно тянуть государево тягло.

Различные причины приводили к сдаче тягла, связанной со столь значительными расходами. Крестьяне Тагильской слободы искали в этом возможности «подмогу и льготу себе чинить». Сдача тягла позволяла уйти на новое место и перестроить свою жизнь. Сибирский приказ так оценивал это стремление: «Иные прожиточные крестьяне... льготя себе из старых своих больших жеребьев и из дворов селятца в новые слободы на малые жеребьи на льготу лет на 5 и на 6. А в свои старые дворы и на большие жеребьи сажают прихожих бедных людей, дав им что небольшое из животов своих» [1].

Часто к сдаче тягла приводили болезнь и старость, делавшие непосильными государевы изделья. В. Федоров, верхотурский оброчный крестьянин, сдал пашню потому, что стал «стар и слеп, пахать пашни не может и не видит» [2]. За увечьем (обезножил) сдавал свое тягло и крестьянин Волин в 1659 году [3]. Крестьянин Ив. Поливин, сдавший «своими крохами» полдесятины с получетью тягла, устраивал передачей полного своего немалого хозяйства свою старость, так как включил в обязательства порядчиков своих родственников «поити и кормити и одевати и обувати и покоить по смерть» [4].

Многочисленны случаи сдачи тягла «с умершей пашни». В 1669 г. на Верхотурье сдали тягло умершего крестьянина И. Шульгиных его поручики, передав в подмогу хозяйство последнего [5]. «Умершее тягло» ложилось тяжелой добавочной повинностью на поручиков умершего крестьянина. И последние путем передачи оставшегося хозяйства или собственными «статками» стремились сдать это тягло новому человеку. Правительство всячески поощряло эту передачу. «А велено тем поручиком... прибирать вольных охочих гулящих людей и подмогать им их же поручиком своими животы». Правительство лишь негодовало, что поручики «подмогать не хотят», да и «ручатся не хотят, и в поруки пишут их воеводы поневоле» [6].

Определить количественные результаты крестьянской деятельности по устройству на пашню гулящих людей не представляется возможным. Переписные и дозорные книги не дают для этого материала. Не имеем мы в руках и полностью сохранившихся делопроизводств слободских приказчиков, в которых должны были храниться поручные—поряды. Все же я думаю, мы не ошибемся, если признаем эти результаты количественно значительными. За это говорят, во-первых, однотипность для разных мест поручной — поряда — и выработанность ее формуляра, свидетельствующие, что канцелярская практика в этом направлении была достаточно частой; во-вторых, стойкость самого явления, сохранявшегося в течение всего столетия, и, наконец, признание самого Сибирского приказа в выписке в доклад в 1642 году.

Воеводская администрация часто шла в хвосте событий не только при устройстве на пашню отдельных лиц, но и при заведении слобод — крупных крестьянских поселений. Значительное количество слобод Верхотурского, Тобольского и других уездов возникло благодаря деятельности и предприимчивости частных лиц — слободчиков. Обладавшие средствами выходцы из различных слоев населения (крестьян, служилых людей) присматривали «угодное» и незанятое место и били челом об отводе высмотренных земель, о даче «памяти слободной, чтоб слобода заводить», и «государева ящика за своею государевою печатью». Зажиточные тюменские пашенные крестьяне, «животом и прожитком в пашенных крестьянах первые люди», Елисей Гилев и Петр Ульянов, имевшие на Тюмени большую запашку и несколько «поставленников», в 1659 г. таким путем «слободу построили и острог поставили и крестьян и беломестных казаков прибрали и поселили и завели и ваши государевы пашни распахали и крестьян ссужали своими статченками» [7]. Истраченные «статченки» пополнялись затем путем получения из казны подмоги на устроенных крестьян и во время управления заведенной слободой.

Помещение средств в устройство слободы было небезвыгодным делом. Челобитные о разрешении завести слободу подавались нередко и обычно получали согласие воеводской администрации. Целый ряд крупных слобод, возникших в XVII в., обязан деятельности слободчиков [8]. Крестьянские «ссатчики» сажали на землю почти исключительно лиц, пришедших за Урал по своей инициативе. Впрочем, известны случаи и более широкой деятельности. Так, Гилев, строивший Уткинскую слободу, ездил за крестьянами в Усольский уезд [9]. Интересный материал по деятельности слободчиков дает в специальной статье С. В. Бахрушин,

---

[1] Стлб. СП № 1673.
[2] Стлб. ВУС № 14, л. 47.
[3] Стлб. ВУС № 25, лл. 129—130.
[4] Стлб. ВУС № 25, лл. 111—112.
[5] Стлб. ВУС № 14, лл. 57—58.
[6] Стлб. СП № 1673.

[7] Кн. СП № 535, л. 1048.
[8] Слободчиками основаны слободы: Ашлыцкая, Аятская, Арамильская, Вагайская, Красноярская, Камышенская, Бергамацкая, Аевская, Н.-Терьяцкая, Шадринская, Пышминская, Ялуторовская, Режевская, Уткинская, Сулемская, Бисертская, Тамакульская и др.
[9] Стлб. СП № 788.

первый обративший пристальное внимание на эту сторону образования крестьянского населения в Сибири[1].

Наконец, необходимо отметить устройство на пашне отдельных крестьян своими силами и инициативой, помимо деятельности государевых приказчиков, крестьянских «ссатчиков», монастырских старцев и т. д. Очередные дозоры обнаруживали подобных «огурщиков» и вносили их в государевы книги, облагая тяглом.

★

Добиваясь увеличения доходов, воеводская администрация свое главное внимание устремляла на увеличение тягла и в этом искала государевой прибыли. Поэтому свою деятельность по устройству сибирской пашни она все более ограничивала простым использованием заселения, шедшего помимо ее, при этом стремясь сжать и по возможности прекратить расходы по устройству поселенцев. И если в течение XVII в. на территории Западной Сибири была создана значительная запашка, то это могло иметь место лишь при наличии значительной волны переселенцев из-за Урала, являвшихся помимо всякой деятельности сибирских воеводских изб. Именно эта волна «гуляков» и создала сибирскую пашню. Причины же ее существования лежали за «Каменем», в самом Московском государстве.

Прилив в Сибирь «вольных» людей начался сразу же после постройки первых городов. В самом начале XVII в. в Верхотурье на государеву службу набирали по 50 человек ежегодно из «охочих, гулящих людей»[2]. В конце XVI и начале XVII в. правительство поддерживает это добровольное переселение и само предписывает сибирским воеводам «пашенных и посадских людей призывать из Перми и с Вятки, из Солей», т. е. из районов черносошного крестьянства, не трогая территорий дворянского поместного землевладения[3]. В поморских городах широко выдавали отпускные памяти на проезд «в сибирские города, где будет мошно христовым именем голова кормить»[4].

Опасаясь уменьшения податных поступлений, правительство требовало лишь, чтобы в Сибирь уходило нетяглое население. Практика переселения в Сибирь в XVII в. очень скоро и намного обогнала московские предположения и резко разошлась с ними в вопросах и о количестве переселяемых, и районов выселения, и категорий переселяющихся лиц. Показателем количественных результатов переселения являются цифры сибирского населения. По правительственному подсчету 1699 г., в Сибири считали около 25 тыс. русских семей, из них более 10 тыс. крестьянских[5]. Большинство из них само перевалило Уральский хребет. По переписи 1710 г., книги которой, к сожалению, сохранились неполностью, в одном Тобольском уезде числилось более 41 тыс. населения мужского пола, из которых не менее 30 тыс. крестьян[6].

Об интенсивности движения в Сибирь писал в 1670 г. верхотурский воевода Ф. Хрущев, сообщавший в Москву, что в этом году мимо Верхотурья «в разных месяцех и числах» проехало по тобольским и тюменским проезжим памятам 2051 человек переселенцев, которые ездили на Русь за женами и детьми[7]. В январе и феврале 1671 г. на заставах Чердынского уезда скопилось около 500 человек с сибирскими приезжими грамотами. И позднее с Верхотурья писали в Москву: «да в прошлом во 188 и во 189 и во 190 г. и в нынешнем во 191 году из поморских городов... идет крестьян многое ж число»[8].

Напряженность переселения за Урал с годами усиливалась, а не падала. Именно во второй половине и в конце столетия звучат встревоженные голоса государевой администрации, обеспокоенной этим потоком, приведшим к неожиданным для нее результатам. От бегства крестьян в Сибирь «учинилась в Устюжском и Усольском уездех великая пустота»[9],—писали устюжские воеводы около 1670 года. С аналогичным заявлением выступил чердынский земский староста С. Казанцев: «...ис Перми Великой ис Чердыни многие посадцкие люди и уездные крестьяне, не хотя великих государей податей платить и служеб служить, бежат в Сибирские городы... да и от Соли Камской и из иных городов потому ж посадцкие люди и крестьяне бегут в Сибирские городы»[10].

В этих отписках отмечены два явления: значительный по московским масштабам размах движения и охват этим движением не только сыновей от отцов и братьев от братьев, племянников от дядей, суседей от суседов, как этого хотелось бы правительству, но и самих дворохозяев из тяглого населения.

Заявления воевод и земских старост были вполне обоснованными. Эти заявления подтверждаются данными переписных книг сибирских уездов. На основании переписных книг Камышевской и Арамильской слобод, Колчеданского и Катайского острогов 1695 г. и Долматовских деревень 1669 г.[11] мы имеем относительно 840 человек сведения о том, кем они были раньше. Из этих 840 чел. только 136 показали о себе, что

---

[1] Бахрушин С. «Сибирские слободчики». Труды Государственного колонизационного института. Т. II. М. 1926.

[2] АИ. Т. II. №№ 46 и 52.

[3] Акты археографической экспедиции (ААЭ). Т. III, № 265.

[4] Стлб. ВУС № 214, л. 314.

[5] Кн. СП № 1354, лл. 218—406.

[6] Цифры неполные. Книги сохранились по большей части территории Тобольского уезда, но не по всей. Подсчет данных сохранившихся списков дает 41 437 человек м. п., из которых 29 423 крестьян.

[7] Стлб. ВУС № 214, л. 286.

[8] Стлб. СП № 878.

[9] Стлб. ВУС № 214, л. 286; см. также доп. к АИ. Т. III, № 14. Т. XI, № 95; АИ. Т. IV, № 3.

[10] 1670 год. Стлб. СП № 878.

[11] Кн. СП № 1444, лл. 72—329; № 535, лл. 25—80.

они сыновья крестьянские, посадские, бобыльские и нищенские. Лишь 28 человек сказали, что они гулящие люди, «гуляки». Основную массу пришлого населения этих слобод составляли государевы крестьяне — 544 человека. Их уход в Сибирь и волновал чердынского земского старосту и устюжских воевод. И если в Сибири и их называли вольными, гулящими людьми, то потому, что это было проще и выгоднее для них самих и сибирской пашенной администрации, так как устраняло видимое препятствие для включения в тягло. Про себя же они твердо знали, что они «великого государя прирожденные крестьяне», о чем и заявили при официальном опросе.

Остальные 132 человека были зависимыми людьми разных категорий. Среди них первое место по числу принадлежит строгановским крестьянам, их 67, а 28 монастырских крестьян. Это крестьяне Нижегородской вотчины Троице-Сергиева монастыря, Осинского Спасского, Уфимского, Хлыновского, Устюжского, Яренского, Свияжского, Кунгурского, Макарьевского на Унже монастырей, один патриарший крестьянин; 4 крестьянина вышли из-за помещиков, из них 3 из унженской вотчины боярина Н. И. Романова. Четверо сказали, что они были на Руси половниками, двое — захребетниками, один — работником посадского человека, один сам был посадским человеком, трое — казаками, один — прасолом, один — писчим дьячком, трое — церковными причетниками, трое — ямскими охотниками, девять — бобылями, один — ясашным человеком Казанского уезда. Таким образом, около 80% всех опрошенных были либо государевыми тяглыми либо зависимыми людьми. Мысль заселить Сибирь сыновьями от отцов и братьями от братьев явно потерпела неудачу.

Некоторая часть крестьян, попавшая в изучаемую перепись, дала сведения и о судьбе покинутого ими тягла. Это главным образом государевы крестьяне. Крестьяне частновладельческие (монастырские, помещичьи, строгановские) за единичными исключениями сведений на этот вопрос не дали. Всего мы располагаем сведениями в этом отношении о 226 человеках. Большинство из них (112 чел.), по их словам, оставило на своей пашне родных: дядей, братьев, племянников. Иногда степень родства определена довольно туманно: «От скудости пашню с тяглом оставил свойственным людям» или «пашню оставил сродичам». Любопытно отметить, что И. Ватагин, крестьянин боярина Н. И. Романова, также показал: «...свой жеребий пахоты оставил брату». Сорок семь человек «от скудости деревенский свой жеребей» продали или, по другой формулировке, продали «пашню с тяглом».

Если в Сибири в это время «нанимали» человека, передавая ему вместе с землей и пашней тягло, то на Руси, продавая землю и пашни, «сметывали» с себя тягло вместе с ними. Основной принцип — служба «государю» по земле — оставался в силе и тут и там. Двое уфимцев ушли от военного «раззорения». Один строгановский дворовый человек отпущен на волю после смерти хозяина (очевидно, кабальный холоп). И, наконец, 64 человека признавались откровенно, что они пришли в Сибирь, «покиня тягло». К этим 64 мы можем с уверенностью прибавить 99 зависимых крестьян (строгановских, монастырских и пр.), которые только этим путем и могли покинуть землевладельцев. Если принять во внимание, что показания давались в атмосфере официальной переписи в годы запрещения схода в Сибирь тяглых людей, когда в слободах можно было видеть увозимых обратно на Русь сходцев под конвоем, то нужно предположить, что известный процент сдавших тягло и позабывших, кому и как, а также сдавших свойственным людям и сродичам, по существу, может быть также причислен к категории покинувших тягло.

Московское правительство ошиблось не только в отношении количества переселяющихся и их нетяглового характера, оно ошиблось и в отношении районов выселения. Совершенно несомненно, и это давно указано в литературе, что основным районом выселения был Север, поморские уезды. Это объясняется и давними связями именно Севера с Сибирью, и направлением путей сообщения в Сибирь, и, наконец, характером населения. Черносошное крестьянство дольше других категорий сельского населения сохраняло относительную свободу передвижения. И все же необходимо сказать, что Север, являясь основным районом выселения, не был и в XVII в. единственным.

Только что разобранный материал дает некоторые сведения и в этом отношении. В нем мы находим указания относительно места происхождения 872 человек. Центральное место и по количеству названий городов и по количеству выходцев, несомненно, занимают уезды Поморья. Вместе с тем среди этих 872 человек мы находим выходцев из заонежских погостов, Казани, Касимова, Костромы, Козьмодемьянска, Лаишева, Мензелинска, Нижегородского уезда, Сарапула, Самарского уезда, устьянских волостей, Уфинского уезда, Царицына, Юрьевца Польского и др. На примере населения Арамильской, Камышевской слобод, Колчеданского, Катайского острогов и Долматовских деревень можно заключить о величине района, охваченного выселением в Сибирь. Он включал в себя поморские уезды, приближаясь заонежскими погостами и Олонцем к новгородским пятинам[1]. В него

---

[1] Материалы сыска 1651 «про перебежчиков Свейской земли, про кирелян и латышей и про всяких причинных людей» показывают присутствие в Сибири и лиц, пришедших из новгородских пятин. А Вас. Павлов, опрошенный в Тобольской съезжей избе, показал, что его мать и брат остались жить «за свейскою королевиною». Стлб. СП № 387; Гневушев А. «К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII в.». Сибирские записки за 1916 г. № 3, стр. 113—122.

входила территория Верхнего и Среднего Поволжья, Прикамье, бассейн Белой (Уфимский район) и частично Нижняя Волга. Среди жителей указанных слобод мы находим представителей и украинных городов.

★

Крестьянское выселение в Сибирь, необходимое для освоения Сибири и поэтому поддерживаемое правительством, противоречило в то же время всему крепостническому строю Русского государства XVII века. Оно противоречило прежде всего интересам крепостников центра государства, которые в связи с этим переселением теряли закрепощенных и закрепощаемых ими крестьян. Поэтому с самого начала XVII в. идут дела, начинаемые челобитьем помещиков, о сыске крестьян, бежавших в Сибирь [1]. Особенно сильно испытывали на себе это бегство вотчины Строгановых, лежавшие на одном из самых оживленных путей в Сибирь. Строгановские крестьяне бежали «з женами и з детьми и со скотом и з животом» [2]. Часто они бежали не в одиночку, а значительными группами, с большим обозом и всем домашним скарбом. 25 июля 1678 г. из вотчины Агафьи Строгановой, жены умершего Данилы Строганова, бежала большая группа «стариных крепостных крестьян» во главе с Семеном Федосеевым Порошиным. Согласно челобитной строгановских приказчиков С. Порошин «скопом приходил... со многими крестьяны и с воровским оружием с пищальми и с луками на Калине в дому государыни нашей Агафьи и вороты выломали и деревенских калинских приказчиков связали и жен их в подполье пересажали». Захватив строгановских две пищали винтованные, две турки казачьи, три лошади и весь свой крестьянский «борошень», С. Порошин с товарищами бежал за Урал. Всего он увел с собою около 80 семей, или, по показанию приказчика Краснопольской слободы, более 250 душ [3].

О дальнейшей судьбе бежавших говорит отписка И. Лукашевского, приказчика Краснопольской слободы, в трех верстах от которой строгановские крестьяне ночевали 6 августа. Лукашевский «оружие, луки и стрелы, имал в государев амбар». По другой версии, вместе с оружием он захватил и часть крестьянского «борошня» и строгановского жеребца, которые позднее с него требовали строгановские приказчики. На утро крестьяне приходили в острог «скопом», «государев анбар ломать хотели, оружье вынимать свое». На уговоры Лукашевского ему отвечали: «И лутче де тебя видали и тут де не боялись, а ты де нам не диковина и со слободой де разорим». Лукашевскому удалось все же задержать оружие и лошадей и взять «оброк». Крестьяне же прошли дальше. В слободе задержалось лишь 5 семей. Дальнейшее движение «скопом», очевидно, показалось опасным, и возле Мурзинской слободы крестьяне «разбежались в леса» [4].

Строгановским приказчикам постоянно приходилось сыскивать своих крестьян в уездах Тобольского разряда. В 1678—1679 гг. крестьян, бежавших с С. Порошиным, сыскивал М. Жигулев [5]. В 1642 г. Строгановы сыскивали своих крестьян, бежавших за 6 лет, с 1636 по 1642 год. На этот раз Строгановы отказались от возвращения своих крепостных, так как тобольский воевода потребовал предварительной уплаты выданных им подможных и ссудных денег. После этого Строгановы заявили, что «они де тех крестьян в своем крестьянстве отступаютца... быть им по прежнему в государевой пашне», и просили лишь уплаты бежавшими «по кабалам денежного и хлебного долга» [6].

Большой сыск Строгановы провели в 1700 г. по слободам Верхотурского уезда. В этом году они возвращали себе «крестьян и бобылей... с женами и детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым и с насеяным и со всяким заводом, опричь замужних дочерей, которые выданы замуж великого государя за крестьян» на основании строгановских переписных книг 1647 и 1679 гг. со справками по верхотурским переписным книгам 1621, 1624, 1626, 1627, 1659 и 1680 годов. По этому сыску, несомненно, не захватившему всех бежавших, Строгановы вывели из Сибири в свои вотчины 591 человека.

И само правительство феодально-крепостнического государства, ставя перед собою задачу заселения Сибири, не могло в то же время пойти на пересмотр общей политики дальнейшего закрепощения крестьянства. Удовлетворяя челобитные отдельных помещиков о сыске и возвращении бежавших в Сибирь частновладельческих крестьян, оно должно было столкнуться с аналогичным вопросом и по отношению к крестьянству черносошному. Последнее в XVII в. разделяло общую судьбу крестьян и испытывало, так же как и крестьяне частновладельческие, тяжесть дальнейшего закрепощения, рост феодально-крепостнического гнета. Попытки части населения Севера уйти от этого гнета за Урал, имея своим результатом образование крестьянского населения Сибири, в то же время подрывали политику самого правительства по дальнейшему закрепощению крестьянства. Поэтому московское правительство, помимо отдельных сысков по отдельным челобитьям помещиков, предприняло и ряд общих мероприятий.

Вторая половина XVII в. является временем проведения ряда указов по задержанию переселения в Сибирь и нажима в этом отношении на сибирскую администра-

[1] Челобитья Боборыкина, Строганова и др. Стлб. СП № 13.
[2] Стлб. ВУС № 29, л. 156.
[3] Стлб. ВУС № 214, л. 292.
[4] Стлб. ВУС № 214, лл. 282—283, 337—338.
[5] Там же.
[6] Стлб. СП № 115, лл. 149—156.

дию. Москва запрещает принимать в Сибири людей без «памятей» из русских городов. На этом основании верхотурский воевода предписывал приказчику Аятской слободы выслать гулящих людей Х. Патрикеева с товарищами и с детьми обратно за Урал, «потому что пришли они из русских городов без отпуску», и допросить ссатчика Ф. Арапова, «почему их принимает»[1]. Высылка обратно на Русь беглых крестьян подтверждена указом 1670 г.: «Всех поморских городов беглых крестьян сыскав выслать в русские городы по прежнему... и впредь никаких беглых людей и крестьян не принимать».

Безусловному сыску подлежали беглецы, жившие за митрополитом, монастырями и всяких чинов людьми. Что же касается лиц, севших на государеву пашню или же поверстанных в службу, то их велено было лишь переписать и росписи выслать в Сибирский приказ. На будущее же категорически указывалось: «Из русских городов... в сибирские городы беглых крестьян не пропускать... на пашню не селить и в службу и в посад... не приверстывать»[2].

Указ 1670 г. не остался на бумаге. В 1671 г. тобольский воевода И. Б. Репнин рассылал по слободам детей боярских для переписки беглых крестьян, а в 1672 г. соответствующие росписи поступали уже из слобод в уездные сибирские города[3]. В том же году на Верхотурье принимали первые семьи высылаемых.

Несмотря на боярский приговор 1670 г. царская грамота на Верхотурье 1683 г. вновь принуждена отметить то же самое явление для 1680—1682 гг.: «...мимо Верхотурья... из русских поморских городов беглых крестьян с женами и с детьми шло многое число и в нынешнем де во 191 г. идут многое ж число». В связи с этим 4 июня 1683 г. И. Б. Репнин, сидевший в этом году уже в Сибирском приказе, подтверждал распоряжение 1670 г. в более расширительной форме: «А которые беглые люди в Сибири ныне после переписи Льва Поскочина объявятца и тех высылать на прежние их места». Исключение делалось для гулящих и промышленных холостых людей. В 1688 г. по тем же самым мотивам правительство было вынуждено еще раз подтвердить свой прежний указ о непропуске в Сибирь из Поморья крестьян и о высылке обратно бежавших[4].

Вступив на путь борьбы с потоком «сходцев», московское правительство, однако, и здесь не достигло успеха. Явление это, расширяясь, продолжает существовать и в XVIII веке. «Сход» продолжался, обратная же высылка почти не осуществлялась. В 1763 г. по этому поводу сенат в своем представлении императрице не без иронии замечал: «И ежели ту высылку продолжить... как доныне она есть, что еще ни одна душа не выслана», никакой пользы не будет. Исходя из соображения, что «за таким отдалением все совершенно не возвратятся на прежние свои в России жилища», сенат предлагал беглецов записать в подушный оклад, а вотчинникам — зачесть их в рекруты. Сенатское представление после резолюции «быть по сему» получило силу закона.

★

Описанный выше процесс явился другой стороной отмеченного в начале настоящей главы явления. Образование централизованного феодального многонационального государства сопровождалось дальнейшим наступлением на крестьянство. Важнейшим моментом этого наступления было для XVII в. Уложение, отменившее урочные годы. Названное по другому поводу «проклятою книгою», оно для крестьян символизировало окончательное закрепощение. Феодально-крепостнический гнет, с одной стороны, приводил к открытым выступлениям эксплоатируемых масс, был причиной, по выражению московских людей, «бунташного» времени, а с другой — вызывал отлив населения на окраины. Одним из направлений этого отлива и была Сибирь. Уходившие от гнета крепостников угнетенные массы и создали ту волну переселения, которую в первой половине XVII в. московское правительство пыталось использовать и против которой оно безуспешно боролось со второй половины этого столетия. И как во время благожелательного попустительства, так и во время репрессивных указов эта волна «полнила» сибирские города и уезды.

В результате переселения южная часть уездов Тобольского разряда к концу XVII в. становится по характеру своего населения крестьянской. Крестьяне численно во много раз превосходят здесь другие категории русского населения (служилых и промышленных людей). К концу века русское крестьянство превосходило численно и местное коренное население более чем в три раза. На месте пустынных владений сибирских ханов с их редким промысловым населением возникли деревни, остроги, слободы и заколосились поля ржи, овса, пшеницы, ячменя и т. д. Уходившие от гнета крепостников и попадавшие в сибирских условиях под гнет феодально-крепостнического государства крестьяне создавали сибирское земледелие. Именно они осваивали новую территорию, определяли характер развития ее производительных сил. Изучение деятельности крестьянства в Сибири, изучение деятельности непосредственных производителей материальных благ позволяет пересмотреть наши представления о развитии Сибири, сложившиеся под влиянием исторической литературы, изучавшей преимущественно деятельность московской военной бюрократии или торговых и промышленных людей, сводившуюся лишь к бесчеловечной эксплоатации коренного промыслового населения.

---

[1] Стлб. ВУС № 49, л. 106.

[2] Стлб. СП № 878; АИ. Т. IV, № 220; Дополнение к АИ Т. VI, № 19.

[3] Стлб. ВУС № 40, л. 31.

[4] АИ. Т. V. № 159.

НЕМЕЦКИЙ ГУМАНИЗМ *

М. Смирин

Немецкий гуманизм выступил на историческую арену значительно позже итальянского. Период его влияния весьма непродолжителен. Если не считать ранних предшественников немецкого гуманизма, то этот период придется ограничить последними десятилетиями XV и первыми десятилетиями XVI века. Вполне естественно поэтому, что в литературе, посвященной истории культурного развития Германии, ставится вопрос о степени самостоятельности немецкого гуманизма по отношению к итальянскому. Следует ли считать немецкий гуманизм простым порождением итальянского, одним из его проявлений, или же следует признать за немецким гуманизмом самостоятельное историческое значение? [1]

Решение этого вопроса зависит в значительной степени от нашего понимания гуманизма вообще. В известной работе Буркгардта «Культура Возрождения в Италии» гуманизм рассматривается как новая эстетическая культура. Зародившись в чисто светской и аристократической среде, в стороне от теологической и схоластической традиции, гуманизм, по Буркгардту, дал миру новое, индивидуалистическое мировоззрение, которое выдвигало совершенно новый взгляд на государство и на общество. Историки, рассматривавшие немецкий гуманизм в свете этой аристократической и эстетико-индивидуалистической теории, характеризовали его лишь как незначительный эпизод итальянского гуманизма. Немецких гуманистов, группировавшихся вокруг университетов, они представляли себе в костюмах и с манерами аристократических придворных кругов Италии. Это направление имело своих сторонников даже в среде немецких историков-шовинистов, которые старались в то же время изобразить самый итальянский гуманизм как порождение германского духа.

Либеральные историки — Штраус и отчасти Людвиг Гейгер — заимствовали из воззрений Буркгардта лишь общий взгляд на возрождение как на ломку старого мировоззрения, как на разрыв с суеверием и со средневековыми авторитетами. Но и они считали немецкий гуманизм лишь придатком к итальянскому.

В конце XIX и в начале XX в. пробивает себе путь новый взгляд на Ренессанс, отличный от взгляда Буркгардта. Сторонники этого взгляда считают культуру Возрождения не новой, ломающей все средневековые традиции культурой, а, наоборот, органически связывают ее со средневековым развитием.

Вместе с тем иначе ставится и проблема немецкого гуманизма. Специфические особенности немецкого, или «нордического», гуманизма стали теперь видеть в его религиозно-философской сущности, в том, что он представляет собой продукт внутреннего развития немецкой средневековой культуры. С этой точки зрения, немецкий гуманизм возник и развивался самостоятельно, не как порождение итальянского гуманизма, а параллельно ему. Эта концепция нашла поддержку среди тех старопротестантских историков, которые хотели доказать, что начало новому мировоззрению дано было Реформацией. Особенно энергично настаивает на связи немецкого гуманизма с развитием немецкой средневековой теологии Гермелинк, который в ряде своих работ объединяет гуманизм с особым реформистским направлением поздней схоластики [2]. Согласно этой точке зрения, успехи, которые имел номинализм в университетских кругах в XV в., заставили реалистов искать путей к реставрации старой схоластики и к подкреплению ее новыми аргументами. Номиналисты отвергали метафизические доказательства бытия бога, указывали на ограниченность человеческого познания одними только чувственными восприятиями и выдвинули новую теологию, основанную не на логических доказатель-

---

* Вариант части главы «Германия накануне Реформации», написанной для XI тома Всемирной истории.

[1] См. Borinski K. Der Streit um die Renaissance. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1919. I Abh. u Ritter G. Die geschichtliche Bedeutung des deutschen Humanismus. — Historische Zeitschrift, Bd. 127.

[2] Hermelink. Die religiösen Bestrebungen des deutschen Humanismus. Tübingen, 1907; его же Handbuch der Kirchengeschichte für Studierende, 1912; см. также Ritter G. Via antiqua und via moderna auf den deutschen Universitäten des XV Jahrhunderts. Heidelberg, 1922.

ствах, а на признании абсолютного значения божественного произвола. Вывод, который сами номиналисты сделали из своего учения, оставался вполне в рамках средневекового, схоластического мышления и не представлял для него никакой особой опасности. Однако более последовательные выводы из основных положений номиналистов вытекали из признания одной только опытной науки и вели к отрицанию схоластического рационализма. Распространение оккамистских идей представляло собой кризис схоластики. Поэтому среди реалистов возникло в конце XV в. движение за возвращение к метафизическому учению Фомы Аквинского, т. е. к теологии, основанной на логических доказательствах, но при этом прибегали к усилению аргументации путем привлечения материала естествознания и истории. Это направление «нового томизма» называлось также «Via antiqua» (старый путь) в отличие от идей оккамистов, называвших свое направление «Via moderna» (новый путь).

Таким образом, во второй половине XV в. сама схоластика стала прибегать к опытным наукам—к естествознанию и истории—для укрепления своих позиций. С той же целью она отвергала авторов XIV в. и призывала обращаться к более ранним источникам теологии. По мнению Гермелинка, с этим реформистским и вместе с тем реставрационным направлением схоластики связано возникновение и развитие немецкого гуманизма. Он доказывает это и тем, что старшие немецкие гуманисты: Себастьян Брандт, автор «Корабля глупцов», Пауль Скрипторис, Рудольф Агрикола и другие — были активными участниками движения «Via antiqua». Эта точка зрения Толе, Гермелинка и всех тех католиков и протестантов, которые по тем или иным соображениям считают гуманизм одним из течений поздней схоластики, должна быть нами отвергнута. Она порочна в самой своей основе. Сторонники ее считают достаточным факт усилившегося интереса некоторых кругов схоластики к опытным наукам, чтобы установить в этом начало гуманистического движения. При этом они игнорируют вопрос о различии основных целей гуманизма и схоластики. Существенная черта гуманизма в том, что он отстаивает самостоятельный и независимый характер опытных наук по отношению к теологии. Всякое же схоластическое направление, какой бы интерес оно ни проявляло к положительным наукам, стремится подчинить их теологии. Это стремление, составляющее основное содержание «Via antiqua», прямо противоположно гуманизму. Энгельс, говоря о гуманистах, как итальянских, так и немецких, подчеркивал, что они порождены историческими сдвигами в общественных отношениях и что они начинают собой новую эру в научной мысли человечества [1].

В другом месте Энгельс указывает: «Вся эпоха Возрождения, начиная с половины XV века, и, в частности, вновь пробудившаяся с тех пор философия была плодом развития городов, т. е. буржуазии» [2].

Однако, отвергая указанный выше реакционный взгляд на гуманизм, мы все же должны признать за ним известные заслуги в преодолении односторонней, эстетико-индивидуалистической трактовки гуманизма Буркгардтом. Очевидно, пестрая, неаристократическая масса немецких гуманистов, состоявшая, как правильно утверждает Гергард Риттер, из университетских магистров, странствующих поэтов, проповедников и некоторой части патрициата немецких городов, стремилась к гуманизму не в поисках эстетико-индивидуалистического идеала, а прежде всего как к светскому, научному мировоззрению, дающему более глубокое понимание тех же теоретико-познавательных и социально-этических проблем, которые и раньше занимали их. Эти общественные слои, все более и более подвергавшиеся влиянию зарождавшихся новых, буржуазных идей и критического отношения к старым авторитетам, не могли принять ни методов, ни решений старой университетской традиции и обратились к аргументам итальянских гуманистов для разрешения тех проблем, которыми раньше занималась теология. В результате эти проблемы стали освещаться с новой, нетеологической точки зрения. Весьма характерным в этом отношении является один из наиболее интересных ранних представителей немецкого гуманизма — Николай Кузанский.

Родившийся в 1401 г. Николай Кузанский был сыном рыботорговца. Еще в детском возрасте он бежал из отчего дома. Его мировоззрение складывалось под перекрестным влиянием, с одной стороны, немецкого богословия и мистики нидерландских «братьев общей жизни», с другой стороны — итальянского гуманизма. С 15-летнего возраста он изучал в Гейдельберге богословие, а затем в Падуанском университете — право, математику и астрономию. Будучи активным церковно-политическим деятелем, вначале в рядах так называемого соборного движения, а затем на папской службе, он одновременно был тесно связан с наиболее видными итальянскими гуманистами, в том числе с Лоренцо Валлой. Основной его интерес оставался в области религиозно-философских проблем, но при их разрешении он старался прибегать не к аргументам схоластической теологии, а к аргументам, заимствованным из арсенала итальянского гуманизма.

Так случилось, что в трактовке религиозно-философских проблем он вступил на путь, который вел за рамки религиозного способа их разрешения вообще, выступая против попыток неотомистов восстановить возможность метафизического познания бога. Николай Кузанский выпустил в 1440 г. свою главную работу — «Apologia doctae ignorantiae» («Апология ученому незнанию»), в которой он, прибегая к аргументам неоплатоников, старался доказать чисто иррациональный характер религиозной истины и полную несостоятельность схоластической теологии. С этими доказательст-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. XIV, стр. 475—477.

[2] Там же, стр. 673.

вами иррациональности бога Николай Кузанский связывает вполне рационалистический подход к познанию доступных человеку явлений внешнего мира. Вместе с тем он указывает на то, что в математической закономерности, раскрываемой естественнонаучным мышлением, проявляется сущность бога, т. е. конечная истина.

Его мистика уже не призывает человека отвлечься от земного мира для непосредственного созерцания божества и слияния с ним. Наоборот, его мистика исходит из того, что бог присутствует и проявляется во всем земном мире и в его законах, которые доступны человеческому разуму. Другими словами, его мистика не требует от человека вознесения к иррациональному богу, а наоборот, сводит иррационального бога на рациональную землю и, таким образом, приходит к мистическому пантеизму, т. е. к мистике, существенно отличающейся от мистики неоплатоников.

Как правильно указывает Гергард Риттер, пример Николая Кузанского свидетельствует, насколько было бы неверно считать немецкий гуманизм простым придатком к итальянскому в его буркгардтовском эстетико-индивидуалистическом понимании. Но, с другой стороны, этот пример показывает, что было бы неправильно ограничить историческое значение немецкого гуманизма одной лишь областью религии, как это пытался доказать Риттер в указанной выше статье, посвященной этому вопросу. Этот буржуазный историк, желающий подчеркнуть особую историческую миссию Германии, видит ее в том, что Германия сохранила «на более продолжительное время» так называемые религиозные ценности.

Гораздо выше оценивали историческое значение германского культурного развития в этот период Маркс и Энгельс. Правда, они всегда отмечали отсталость Германии в политическом развитии и в революционном движении, но вместе с тем они подчеркивали, что до определенного времени политическая отсталость Германии восполнялась ее теоретическим развитием. «Р е в о л ю ц и о н н о е прошлое Германии,— писал Маркс,— теоретично». «Немцы р а з м ы ш л я л и в политике о том, что другие народы д е л а л и. Германия была их т е о р е т и ч е с к о й с о в е с т ь ю»[1].

Эта особенность Германии, сделавшейся позже родиной научного социализма, проявлялась уже в известной степени в XV—XVI веках. Историческое значение немецкого гуманизма не в том только, что он старался реформировать средневековую христианскую культуру при помощи античной и тем сохранить ее «на более продолжительное время»: основное его историческое значение в том, что в этом своем стремлении он значительно преобразовал элементы средневековой идеологии, в частности элементы средневековой мистики, таким образом, что сложившиеся на ее основе пантеизм и идеи универсального христианства сделались проводниками не только светского, научного мышления, но и новых социально-этических идей.

Правда, классовая ограниченность немецких гуманистов помешала им самим смело разработать свое учение и сделать из него более последовательные выводы. Только у идеологов народных низов в лагере левого крыла реформационного движения в Германии: у Томаса Мюнцера, Себастьяна Франка и др.— эти мистико-пантеистические и универсально-христианские взгляды и социально-этические идеи немецких гуманистов получили более последовательное и революционное развитие.

★

Эразм Роттердамский ни по своему происхождению, ни по своему местожительству не может считаться немецким гуманистом в собственном смысле слова. Родился он в 1467 г. (или 1469). в Роттердаме (Голландия). В Голландии же он получил свое первое школьное образование, вначале в местной роттердамской школе, а затем в одной из основанных нидерландскими «братьями общей жизни» школе в Девентере. Монастырский период его жизни (1486—1492) также протекал в Голландии. Первые годы своего выступления на широкую гуманистическую арену он провел во Франции — в Камбре и Париже,— а затем большей частью разъезжал по всем странам Западной Европы, считая себя гражданином вселенной. И все же имеются все основания считать Эразма наиболее характерным представителем немецкого гуманизма не только потому, что в Германии он получил наиболее широкое признание и славу, но главным образом потому, что он лучше других выразил характерные особенности немецкого гуманизма.

Известна своеобразная и тонкая сатира Эразма Роттердамского, его острая и вместе с тем умеренная по форме критика современных ему нравов. С другой стороны, известно его отношение к реформации: вначале, когда он, по некоторым сведениям, принимал даже участие в издании анонимных листовок против папской буллы, и впоследствии, когда он стал осуждать резкий тон реформации и выступать против Лютера по принципиальным вопросам. Собственно же мировоззрение Эразма и сущность его религиозно-философских взглядов мало известны.

Современный писатель Стефан Цвейг в книге «Триумф и трагизм Эразма Роттердамского»[2] заявляет, что вообще неправильно говорить о каком-либо определенном мировоззрении Эразма. Величие этого гуманиста, по мнению Стефана Цвейга, заключалось в его полной надпартийности, в том, что в период наиболее обостренной борьбы различных политических и религиозных группировок Эразм видел свою миссию и смысл своей жизни в гармоническом примирении всех враждебных течений в духе гуманизма. По Цвейгу, Эразм не мог выдвигать никакого иного морального принципа, кроме того, что все борющиеся ме-

[1] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. Т. I, стр. 392. 1938.

[2] Z w e i g St. «Triumph und Tragik des Erasmus von Rotterdam». Wien. 1935.

жду собой принципы небесных и земных сил, теологии и светской культуры должны быть слиты и объединены, что в самой этой идее гармонии противоречий заключался для Эразма высший принцип христианской морали. Нетрудно видеть, что, отказывая Эразму в каких бы то ни было положительных принципах, Стефан Цвейг характеризует не столько Эразма Роттердамского, сколько современных буржуазных интеллигентов.

Что касается обширной литературы об Эразме, то необходимо указать, что ни в лагере католиков, ни в лагере протестантов мы не найдем единодушной оценки гениального гуманиста. Старые католические немецкие историки, отвергающие Эразма [1], считают, что его критика церковных учреждений, весь образ его скептической и догматической мысли непримиримы с основами католического представления о благочестии. Католики же реформисты или «либералы», как Имбар де ля Тур и др. [2], берут сторону Эразма и считают его бесспорным католиком. Католицизм, утверждают они, космополитичен; идея универсальной религии, основанной на человеческой свободе и на прогрессе разума, не только не чужда католицизму, но, наоборот, составляет его подлинное содержание. Папство в начале XVI в., утверждают они, действовало вопреки этому идеалу, Эразм же стремился восстановить его мирными средствами. Этот идеал чистого католицизма содержится, по их мнению, в его критике нравов духовенства и церкви, а в еще большей степени в его переводе на латинский язык священного писания и произведений отцов церкви и в комментариях к этому переводу. Имбар де ля Тур анализирует сочинение Эразма «О свободе воли» и находит, что Эразм понимал свободу воли в католическом смысле, в духе учения Фомы Аквинского о склонности человека к добру. Это та свобода воли, пишет он, которая лежит в основе католического учения о «добрых делах».

Если, таким образом, среди католических историков нет единого мнения в оценке Эразма, то нет его и среди историков-протестантов. Среди последних преобладает тенденция поставить Лютера выше Эразма, а Эразма оттеснить назад, в лагерь католической церкви.

Иначе смотрят на этот вопрос такие протестанты, как Трельч и Вернле, которые видят в теологии Эразма новое понимание христианства, примыкающее к рационалистическим направлениям позднейшего времени. Молодой немецкий историк Мествердт, убитый в 1914 г. на войне, попытался в своей оставшейся незаконченной работе [3] разрешить вопрос о мировоззрении Эразма при помощи исторического анализа того пути, каким это мировоззрение развивалось.

Можно считать правильным утверждение Мествердта о том, что мировоззрение Эразма складывалось под влиянием, с одной стороны, мистического учения секты «братьев общей жизни» и Фомы Кемпийского, а с другой стороны, под влиянием итальянских гуманистов. Хронологически между этими двумя влияниями лежит период монастырской жизни Эразма.

Отличительной стороной мистики нидерландских «братьев» и Фомы Кемпийского было учение о том, что «единство с божеством» (составляющее суть всякого мистического учения) достигается человеком не путем полного аскетического отрицания мира, а путем этического возвышения над ним. Человек, доводящий себя до потери земных чувств, лишен и этического понимания, связанного с отказом от земных благ. Идеальным они считали поэтому такое внутреннее состояние человека, когда он вследствие сознания своей внутренней независимости, в результате познания себя как господина всех вещей, отказывается от личного интереса. В этом личном этическом состоянии, основанном на дуалистическом миропонимании, т. е. на противопоставлении божества земному миру, «братья общей жизни» видели разрешение религиозной проблемы. Это есть путь реформирования католической религии, перенесения центра тяжести в религиозных вопросах с внешней церковной обрядности на внутренний мир человека, на его внутреннее этическое состояние.

Другой фактор, под влиянием которого складывалось мировоззрение Эразма,— итальянский гуманизм. Из итальянских гуманистов наибольшее влияние на Эразма оказали гуманисты, разрабатывавшие религиозно-философские проблемы. Из них наиболее яркой фигурой был Лоренцо Валла. Он подошел к решению религиозной проблемы рационалистически. Религию он признавал как потребность морального бытия человека, как фактор его воспитания наряду с другими факторами морального воспитания, например с изящной литературой. Научное исследование религиозных вопросов путем филологической и исторической критики дает, по его мнению, возможность вскрыть суть религиозной истины — основы морального бытия человека. Такое учение о религии исключает какое бы то ни было определенное, догматическое представление о боге. Вместе с тем следует отметить, что вопросы религии рассматриваются здесь сугубо практически, как вопросы жизненного поведения человека. При этом могло казаться, что взгляд итальянских гуманистов на религию не находится в противоречии с католицизмом. Итальянские гуманисты в жизни могли оставаться благочестивыми католиками.

Противоречие, однако, было. Для католической церкви человеческая мораль исходит из внешнего источника. Гуманистическое же понимание моральных обязанностей и способностей человека основывается на признанном и теоретически доказанном праве собственного убеждения челове-

---

[1] Kerker. Erasmus und sein theologischer Standpunkt. Tübingen, 1859; Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. II.

[2] Imbart de la Tour P. Les origines de la réforme. Vol. III. Paris, 1914.

[3] Mestwerdt P. Die Anfänge des Erasmus. Leipzig, 1917.

ка, его индивидуального самосознания. Здесь перед нами уже не путь реформы старого, церковного представления о благочестии, а совершенно новый, рационалистический взгляд на мир и на моральное бытие человека. Церковь и папство рассматриваются Лоренцо Валлой с той же, рационалистической позиции. Меcтвердт правильно указывает, что взгляды Томаса Мора, который предусматривал в «Утопии» необходимость идеального духовенства на службе гуманистически организованного общества, во многом аналогичны взглядам Лоренцо Валлы. Общественный и государственный идеал Валлы также строится на основе этого универсального морального закона; в ряде вопросов он предвосхищает государственные идеи Томаса Мора и Макиавелли. Так, он признает преимущество наследственного князя и требует замены чисто насильственной государственной системы системой просвещенного в духе общего блага абсолютизма с аристократическим правлением.

Таковы два фактора, под влиянием которых, по Меcтвердту, складывалось собственное мировоззрение Эразма. Один из них, оставаясь на почве католического дуализма, требовал заменить отношение человека к богу через посредство церкви внутренним отношением — путем достижения человеком определенного внутреннего морального состояния. В другом факторе мы видим рационалистическое мировоззрение, рассматривающее религиозную проблему как проблему практическую. На какой из этих двух путей решения религиозной проблемы встал сам Эразм? Уже его произведение 1501 г. «Enchiridion militis christiani» показывает, как он старался держаться традиций старой церкви и как недоверчиво он относился к рационалистическим элементам учения итальянских гуманистов. Об этом говорят встречающиеся в его работах аскетические взгляды на природу всего земного и взгляды на наследственную греховность человеческого рода. Было бы, правда, неверно считать такие, встречающиеся у Эразма Роттердамского разрозненные мысли окончательным его мнением. Все же мы видим, что он стремился вначале найти этический смысл христианства на почве реформирования старой, церковной традиции. Однако в самом изложении его реформаторских взглядов сказалось влияние итальянского гуманизма. Реформу средневековой теологии он обосновывает при помощи гуманистических идей, мотивами рационалистической критики и таким широким, универсалистским пониманием философии христианства, которое делает возможным поиски ее также у язычников. Тексты из священного писания и из отцов церкви, которыми он при этом оперирует, получают у него гуманистическое толкование.

Аргументированная таким образом реформа теологии должна была выйти и действительно вышла за рамки церковной идеологии и дуалистического мировоззрения. Благодаря этому вопрос об этическом содержании христианства был им разрешен не так, как его разрешала мистика нидерландских «братьев». Он видел это содержание не в достижении определенного внутреннего состояния, возвышающего человека до одоления им материального мира и воссоединения с божеством, а в достижении человеком такого внутреннего состояния, которое дает ему возможность познать свое место в мире и тем самым определить свою роль в обществе. Проблема личной созерцательной этики нидерландских «братьев» превращалась у Эразма благодаря его гуманистической аргументации в проблему социальной этики.

Но, с другой стороны, его этическое понимание христианства глубоко отличалось от морально-практической трактовки христианства у Лоренцо Валлы. Для Эразма задача заключалась не в том, чтобы найти рационалистическое решение вопроса о практических нормах человеческого поведения или о так называемом государственном интересе. Для него социально-этическая проблема стояла не как практическая проблема, а как проблема внутреннего совершенства человека, которое может найти себе конкретное выражение только в его общественном бытии. Поэтому итальянский гуманизм в гораздо более яркой форме чем немецкий, в данном случае эразмовский, выражал идеологию зарождавшегося класса буржуазии. Зато эразмовский гуманизм содержал в себе зерно более широкого понимания человеческой справедливости, не ограниченного в такой степени узким кругозором буржуазного «государственного интереса».

Конечно, Эразм не был последователен в формулировке своего религиозного мировоззрения и тем более в развитии вытекающих из него социальных идей. Поэтому мы видим у него частые отступления в сторону дуализма и учения о наследственной греховности человеческого рода. Следует, однако, помнить, что суть эразмовского гуманизма заключается не в этих отступлениях.

Свои политические взгляды Эразм Роттердамский высказал во многих своих письмах и в ряде произведений, собранных главным образом в IV и V томах его сочинений. Названия этих томов [1] показывают, что Эразм относил свои высказывания по политическим вопросам к своему морально-религиозному учению.

Основной политический тезис Эразма сводится к тому, что христиане не нуждаются ни в каком политическом господстве. Все те места в послании апостола Павла, которые требуют от христиан беспрекословного подчинения официальной власти, Эразм относит к язычникам. Отношения же христиан между собой должны регулироваться не правом, а любовью. Однако это положение является только теоретической абстракцией и в конкретной действительности неосуществимо. В одном из своих писем он с грустью констатирует, что без принуждения и насилия современное ему общество

---

[1] «Quae faciunt ad morum institutionem» (IV) и «Quae ad pietatem instituunt» (V). Цитирую по книге: G e l d n e r F. Die Staatsauffassung und Fürstenlehre des Erasmus von Rotterdam. Berlin, 1930.

не может существовать. «Грязные работы,— пишет он,— должны быть кем-то сделаны. Внешний и внутренний порядок должен быть установлен, хотя бы и силой». Это противоречие лежит в основе взглядов Эразма на государство.

Теократическую теорию происхождения государства Эразм отвергает. К вопросу о происхождении государства он подходит с естественно-правовой точки зрения. Самая жизнь первобытного человека вынуждала его к общественной организации. Тот же естественно-правовой принцип, соответствующий основному положению христианской морали, требует, чтобы общественная организация была организацией равных и свободных. Она не может представлять собой наследственную монархию: она должна быть республиканской и демократической.

Эразм указывает, однако, что идея народного суверенитета и демократии в жизни неосуществима. Масса настроена революционно и склонна к беспорядкам. Демократия была бы возможна только в том случае, если бы настоящая гуманистическая, научная мысль, основанная на изучении первоисточников христианства, взяла бы верх над общим невежеством. Но в этом случае речь шла бы вообще не о правовой общественной организации, а об организации, основанной на любви. Оставаясь, таким образом, принципиальным сторонником идеальной общественной организации без насилия, но не веря в ее осуществление, он приходит к мысли о необходимости монархии в практической жизни. Соответствующим образом ставится вопрос и о форме этой монархии. Если монарх должен быть допущен вместо неосуществимого идеала свободной гуманистической организации общества, то из этого следует, что он должен воплощать в себе все гуманистические добродетели. Идеального христианского гуманистического князя Эразм ставит в центр государственной организации. Его образ дан в ряде произведений, в частности в «Панегирике» Филиппу Красивому (1504), в «Похвальном слове глупости» (1509) и в «Наставлении», написанном Эразмом в качестве руководства для воспитания будущего императора Карла (1515). Монарх должен быть спокойным, мягким, не иметь склонности к раздражительности. Основными чертами его характера должны быть мудрость, справедливость, умеренность и ревностное отношение к общему благу. Таким требованиям лучше всего будет удовлетворять выборный монарх. Если же приходится иметь дело с наследственной монархией, то задача выработки гуманистического характера у будущего монарха ложится на его воспитателей. Эразм дает этим воспитателям целый ряд педагогических советов и указывает прежде всего, каков должен быть сам воспитатель. Он подробно указывает, какие книги следует давать будущему монарху для чтения и как их следует ему разъяснять. Лучше всего давать ему комедии, притчи Соломона и Экклезиаста, затем сочинения Плутарха. Рыцарские сказания о героизме могут его сделать тираном. Из тех же соображений не следует восхвалять перед ним всех римских императоров.

В общем мы видим, что в монархии, которую Эразм вынужден допустить как необходимый институт, все зависит от личности монарха, от того, насколько его характер будет соответствовать гуманистическому идеалу. Само собой разумеется, что об ограничении власти монарха каким-либо представительным учреждением не может быть и речи. Как правильно указывает Ф. Гельднер в своей книге о политических взглядах Эразма, монархия Эразма есть не что иное, как абсолютная монархия божьей милостью, проникнутая патриархальным духом. Хотя Эразма и нельзя считать принципиальным сторонником монархического строя и абсолютизма, требования, которые он ставит королю, совершенно невыполнимы при конституционной ограниченности королевской власти. Основное же в политическом учении Эразма заключается в том, что он не ставит практически вопросов, связанных с конкретными формами осуществления на деле его общественного идеала. Он не верил в возможность устроить идеальный общественный порядок при помощи того или иного внешнего института. Основное заключалось для него в руководящей идее, в гуманистическом сознании. Поскольку общество в целом не может достигнуть такой высокой сознательности, необходим монарх, который будет править, руководствуясь гуманистической идеей. Но и в возможность существования монарха-гуманиста он не верил и считал, что идеальная организация общества на гуманистической основе останется неосуществимой мечтой. Преобразование общества силой он считал не только невозможным, но и вредным. Он считал лишь возможной и необходимой мирную и осторожную пропаганду гуманистических идей, которая оказывала бы постоянное влияние на действительную жизнь, устраняя наиболее вредные явления тирании. В этой пропагандистской работе Эразм оставляет видное место и духовенству, которому он старается внушить представление о его задачах по улучшению морального уровня князей. Вместе с тем Эразм отвергает теократическую мысль о том, что церковь является источником политических прерогатив. Наоборот, по его мнению, руководство политической властью должно находиться в светских руках, а роль духовенства не должна выходить за рамки моральной пропаганды.

Таким образом, государственная концепция Эразма существенно отличается от принципа средневекового государства. Государство в том виде, в каком оно вызывается необходимостью, представляет для него институт, основанный на законах естественного права. Христианскую же основу государства он рассматривал как недостижимый этический идеал общественной организации. Он недостижим потому, что только единицы способны понять настоящую этическую сущность христианства, но пропаганда его необходима и имеет важное значение для реформирования общества и повышения его морального уровня. Как видим, Эразм был далек от мысли не только

о революционном преобразовании общества, но и вообще о каких бы то ни было радикальных переменах в политических порядках. И все же необходимо признать, что в абстрактной форме его учение о государстве содержало утопический идеал этической организации общества, основанной не на государственном принуждении, а на любви.

То же мы наблюдаем и в его отношении к социально-политическому строю. Конкретные формы общественных отношений мало интересовали Эразма, так как он не допускал мысли о каких-либо резких переменах в общественном строе. Однако и здесь он имел в виду какой-то абстрактный общественный порядок, который никогда не станет реальностью, но идея которого постоянно должна служить средством поднятия нравственного уровня общества и смягчения общественного антагонизма. Мысли Эразма по этому вопросу разбросаны по разным сочинениям и письмам. Прежде всего следует указать, что идеальное общество мыслится им не изолированным, а как мировая «христианская республика», в которой царят вечный мир и согласие и существуют все благоприятные обстоятельства для развития наук. О его отношении к отдельным классам трудно судить, потому что он подвергает суровой критике все классы общества. Обычно обращают внимание на то, что Эразм больше всего нападает на простой народ, считая его невежественным и больше всех «подверженным глупости». Однако нетрудно заметить, что его неприязненное отношение к народу продиктовано опасениями, что народ меньше всего склонен считаться с его призывами к осторожности и умеренности. По существу же, он считал наиболее вредными паразитические элементы. Из его высказываний по этому поводу можно составить перечень бесполезных социальных прослоек. К ним в первую очередь он причисляет нищих, монахов, арендаторов, маклеров и ростовщиков. Затем он прибавляет к ним всех тех, кто занят охраной рек, озер и прочих мест от народного пользования. Бесполезной является, по его мнению, и прислуга, служащая для пышности. Ненависть Эразма к купцам общеизвестна. Дворянство Эразм не относит прямо к паразитическим классам, так как признает за ним известную руководящую роль, но характерно, что он требует от дворян внутреннего благородства и осуждает хвастовство знатностью происхождения. Высокомерие дворянства, по его мнению, ничем не оправдывается, так как сам по себе дворянин ничем не лучше крестьянина и сапожника. Хуже всех перечисленных бесполезных и паразитических групп Эразм считает солдат, называя войну самым крупным злом в мире.

Все эти мысли, содержащие критику социальных порядков и конструктивные элементы какой-то социальной утопии, не получили у Эразма ни общих конкретных очертаний, ни последовательного развития. Сугубая боязнь быстрых перемен всегда возвращала его к существующей традиции. Классовая ограниченность немецкого гуманизма сказалась в том, что наиболее видный его представитель оставался, как правильно охарактеризовал его Энгельс, благоразумным филистером, не желающим обжечь себе пальцев [1]. Поставленные Эразмом проблемы новой социальной этики могли получить революционно практическое разрешение только у идеологов народных низов.

Иоганна Рейхлина вместе с Эразмом Роттердамским гуманисты называли «двумя очами Германии». Находясь почти все время на службе в качестве юриста (у вюртембергских герцогов и в суде Швабского союза), Рейхлин чувствовал себя независимым в своих научных занятиях. Круг его научных интересов составляли главным образом филология и философия. Его филологическая ученость, его огромные знания в области классической литературы и его изящный греческий литературный стиль вызывали тогда во всем образованном мире Западной Европы всеобщее удивление. Прекрасный, отзывчивый характер и человечность, в широком смысле этого слова, создавали Рейхлину особую славу среди университетской гуманистической молодежи, несмотря на то что, по существу, он еще больше чем Эразм был кабинетным ученым и в такой же степени, как последний, старался избегать конфликтов с официальной католической церковью.

Так же как и Эразм, Рейхлин старался в своих занятиях религиозно-философскими проблемами показать общечеловеческое значение христианской морали. Он видел миссию христианской религии в том, что она вскрывает этическое содержание человеческой культуры, в том, что она устанавливает связь божественного с человеческим и, таким образом, подчеркивает положительное значение земной жизни человека и находит божественное в самом человеке. Понимаемое таким образом христианство проявлялось уже, по мнению Рейхлина, задолго до христианской эры в античной, главным образом греческой, культуре, а после христианской эры оно проявляется не только в лоне официальной христианской церкви. Под влиянием итальянских платоников, в частности Пико делла Мирандолы, Рейхлин обратил внимание на каббалу и нашел, что при ее правильном понимании можно открыть в ней суть христианской религии. Содержащееся в каббале мистическое понимание чисел и букв, а также каббалистическая трактовка «творения» мира есть, по его мнению, не что иное, как христианская идея о том, что бесконечное и божественное составляют содержание внешних форм ограниченного земного мира, воспринимаемых человеком. Для восстановления чистоты христианства Рейхлин считает необходимым обратиться к этим источникам, что он и делает в своих произведениях «О чудотворящем слове» («De verbo meritico») и «О каббалистическом искусстве» («De arte cabbalistica»).

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 477.

Таким образом, мировоззрение Рейхлина несвободно от дуализма. Признавая положительную роль человека и земного мира и усматривая сущность религии в этическом сознании людей, он все же исходит из наличия потустороннего источника человеческой этики и считает, что связь божества с человеком осуществляется через определенные внешние формы, имеющие символическое (или мистическое) значение. Мы видим поэтому, что Рейхлин в гораздо большей степени чем Эразм Роттердамский оставался принципиальным сторонником католической церкви и противником реформации.

Однако Рейхлин оказал влияние на широкие круги университетских гуманистов не этой консервативной стороной своего мировоззрения. Университетская гуманистическая молодежь усвоила прежде всего универсалистское понимание христианства как этическое содержание человеческой культуры у разных народов и в разные эпохи. Популярность среди гуманистов получила также идея о том, что изучение сущности христианства должно вестись по линии критического и лингвистического изучения первоисточников, а не по линии церковной, догматической традиции. Вопреки воле самого Рейхлина его учение сделалось орудием борьбы с официальной церковью. Однако больше всего славы снискал себе Рейхлин среди гуманистов не одной только Германии своим известным выступлением по так называемому делу о еврейских книгах, которое превратилось в «дело Рейхлина». Ход этого «дела», общее движение, которое было вокруг него поднято, и особенно литературная сатира, явившаяся его результатом, показывают, что еще до выступления Лютера почва для открытой борьбы с католической церковью была в достаточной степени подготовлена. С одной стороны, уже обнаружились растерянность и моральное разложение в реакционно-католическом лагере, с другой стороны, противники старой церкви заговорили смелым языком, оставили позади прежнюю осторожность и попытки приспособления, антикатолическая оппозиция делалась уже знаменем движения за политическое преобразование Германии.

★

Начало «дела Рейхлина» относится к 1509 г., ко времени венецианского похода Максимилиана. Из политической истории Германии известно, каким одиноким чувствовал себя император в это время и как много стараний прилагал он, чтобы найти опору в общественном мнении и финансовую поддержку в своей роли защитника всего христианского мира. Этим обстоятельством решили воспользоваться наиболее реакционные круги католической церкви — кельнские теологи. Связанному с этими кругами крещеному еврею, некоему Пфеферкорну, удалось получить у императора мандат на конфискацию и сожжение талмуда и всех других еврейских книг под тем предлогом, что в них содержатся нападки на Христа и на христианскую веру. Предъявив этот мандат совету города Франкфурта, Пфеферкорн начал в этом городе производить конфискацию еврейских книг. Однако император, опасаясь оживления антиклерикальной оппозиции, приостановил действие мандата и поручил майнцскому архиепископу и курфюрсту изучить этот вопрос, запросив мнение четырех университетов: Кельнского, Майнцского, Эрфуртского и Гейдельбергского — и персонально кельнского инквизитора и приора доминиканцев Якова Гохштратена, священника (крещеного еврея, бывшего раввина) Виктора фон Карбен и Иоганна Рейхлина.

Из всех экспертов один только Рейхлин высказался против огульного уничтожения всех еврейских книг. Он посоветовал подойти к решению вопроса обдуманно, перечислил разные категории еврейских книг и указал, что только немногие из них, которые содержат прямые нападки на Христа, должны быть уничтожены. Иного ответа Рейхлин не мог дать, поскольку он считал, что в части еврейских книг, особенно в каббале, вскрывается подлинная идея христианства. Хотя большинство запрошенных было иного мнения, император, по указанным выше соображениям, отложил решение вопроса и ждал очередного рейхстага. Известную роль, вероятно, сыграла и денежная сумма, полученная им от евреев.

Между тем взбесившийся Пфеферкорн считал, что один только Рейхлин виновен в задержке выполнения его плана, и опубликовал против Рейхлина клеветнический пасквиль «Ручное зеркало». В этом произведении он обвинял Рейхлина в том, что он подкуплен евреями, и вместе с тем пытался дискредитировать его познания в области еврейского языка. Рейхлин опубликовал в ответ «Глазное зеркало»[1], в котором он разоблачил низкие и корыстные цели Пфеферкорна во всем этом деле. Свою книгу Рейхлин закончил тем, что он в данном случае обращается к папе с разъяснением своего мнения и ожидает от папы и других компетентных людей исправлений. Против книги Рейхлина, несмотря на проявленную им скромность, подняли кампанию кельнские теологи — доминиканцы, осудившие ее как инспирированную евреями. Активными деятелями этой кампании были профессор теологии Арнольд фон Тунгерн, упомянутый выше Яков Гохштратен, бездарный поэт и невежественный преподаватель античной литературы Ортуин Грации, притворившийся другом Рейхлина Конрад Коллин и другие.

Рейхлин вначале проявил уступчивость и хотел сговориться с теологами. Когда же те потребовали от него безоговорочного изъятия всех экземпляров «Глазного зеркала», он пошел на разрыв. Чувствуя за собой опору в среде влиятельных друзей и покровителей, он выступил с энергичной «Защитой против кельнских клеветников», которую ему удалось передать императору. Для этой стадии конфликта характерно,

[1] См. Geiger L. Joh. Reuchlin, sein Leben und seine Werken. Leipzig, 1871; Weislinger J. Huttenus Delarvatus. Constanz u. Augsburg. 1730.

что император, преследовавший в конфликте с самого начала свои особые цели и лавировавший между обоими течениями, обнаружил полную растерянность: получив в июне 1513 г. «Защиту» Рейхлина, он удовлетворил его просьбу и издал указ, принуждавший обе стороны к молчанию. Но уже через месяц кельнские теологи добились у него приказа о предании огню «Глазного зеркала» и «Защиты» Рейхлина.

В исполнение этого приказа инквизитор Яков Гохштратен вызвал Рейхлина на суд в Майнц, где уже был сложен костер для сожжения рейхлиновских сочинений против доминиканцев. Дело Рейхлина спасли новые колебания императора, а также осторожная и нерешительная позиция нового папы — Льва X — в этом вопросе. Рейхлин, добившись отсрочки майнцского процесса на один месяц, послал апелляцию папе. Папская комиссия в апреле 1514 г. решила дело в пользу Рейхлина и предписала Гохштратену замолчать, уплатить штраф и в течение 30 дней помириться с Рейхлиным. Дело на этом не закончилось. Интриги могущественного ордена доминиканцев привели к новой постановке вопроса перед новой папской комиссией в Риме, которая, однако, в июле 1516 г. подтвердила решение первой комиссии.

Победа Рейхлина была, правда, затушевана папой Львом X, который опубликовал вместо решения по данному вопросу приказ об окончательном прекращении дела.

Основное, что привело к победе и триумфу Рейхлина, это начало назревавшего в Германии в то время антиримского движения. Лев X, занявший папский престол во время Латеранского собора и добивавшийся на нем укрепления своих позиций в борьбе с тенденциями национальной церкви, опасался, что моменты национального движения против папского Рима, обнаружившиеся в антиклерикальном движении, связанном с делом Рейхлина, получат дальнейшее развитие и смогут быть использованы немецкими князьями, стремившимися к секуляризации церковных богатств. Политика Максимилиана I, поддержавшего апелляцию Рейхлина перед папой, также вполне понятна: он старался использовать обнаружившиеся тенденции движения за национальное единство Германии в интересах имперской реформы, к которой стремился. Рейхлина поддержали в это время в Германии не только гуманистические круги: его апелляция папе была поддержана, кроме императора, некоторыми курфюрстами, светскими и духовными князьями и 53 городами Швабии. О том, какую опору чувствовал Рейхлин в то время в Германии, свидетельствует его письмо перед майнцским процессом 1513 г. к лейб-медику папы. Рейхлин просил папского врача похлопотать перед папой только о том, чтобы процесс состоялся не заграницей, а в самой Германии. «Только не в Кельне!» — прибавляет он.

Таким образом, несмотря на то что Рейхлин не был склонен к церковной реформации, несмотря на то что до конца своей жизни (1522) он старался быть благочестивым католиком, он должен был ходом своей борьбы с обскурантами оказать влияние на те элементы, которые начинали консолидироваться для борьбы с реакционно-католическим лагерем. Перед лицом объединившихся сил реакционных доминиканцев возникла партия рейхлинистов, довольно пестрая по своему составу, но с основным ядром, представлявшим собой сплоченную группу молодых гуманистов, взгляды и требования которых шли значительно дальше взглядов и требований самого Рейхлина.

★

Наиболее видное место среди рейхлинистов занял эрфуртский кружок молодых гуманистов. Эрфуртский университет считался крепостью схоластической теологии номиналистов, но вместе с тем он был среди тех немецких университетов, которые уже в конце XV в. подвергались наиболее сильному влиянию итальянского гуманизма.

Молодые доценты Эрфуртского университета Георг Эбербах, Петер Лудер, Публиций, Муциан Руф и др. уже тогда завоевали место для осторожной, но весьма упорной антисхоластической пропаганды. Эта группа молодых доцентов связана была с наиболее видными неоплатониками из Флорентийской академии — с Фичино и Пико делла Мирандолой,— стремившимися дать новую систему религии на основе пифагореизма и каббалистической мистики. Особенно влиятельной фигурой сделался Муциан Руф. Как и Эразм Роттердамский, Муциан получил свое первое образование в Девентере, в школе Александра Гегиуса. Уже там обнаружился его литературный талант в поэзии и прозе и склонность к греческой филологии. В 1486 г. 15-летним юношей он поступил в Эрфуртский университет, где скоро стал сам читать лекции с большим успехом. Период 1495—1502 гг. он провел в Италии, а в 1503 г. поселился в Готе в качестве каноника. Живя в Готе, Муциан установил тесную связь с эрфуртской университетской молодежью и скоро стал руководителем гуманистического кружка, который вел упорную борьбу со схоластикой. Деятельными членами кружка сделались молодые поэты Эобан Гесс, Петрус Эбербах (сын Георга), Крот Рубеан, Герман Буш, знаменитый Ульрих фон Гуттен и многие другие. Это были гуманисты-энтузиасты, которые с жадностью подхватывали сочинения старших гуманистов (Эразма, Вимфелинга) и трактовали их в гораздо более радикальном духе, чем того хотели сами авторы. Такой же радикальный характер носила и их борьба против эрфуртских университетских столпов схоластики. В этой борьбе муциановский кружок окреп и сделался весьма влиятельным.

В религиозно-философском мировоззрении Муциана характерна прежде всего его критика внешней стороны религиозного культа и религиозных представлений вообще. Он признает лишь чистую внутреннюю религиозность; в его представлении бог лишен каких бы то ни было внешних атрибутов и воплощает высшую мораль мира. Бог проявляется в законе взаимной любви людей между собой и дан в идее Христа. Поэто-

му Муциан считает, что истинная религия существует не только в форме христианства, что она проявлялась задолго до христианской эры и что источником религии нельзя поэтому считать священное писание. Изучение классической литературы укрепило его в убеждении, что к чудесам нового и ветхого завета следует подходить критически.

В своем религиозном свободомыслии Муциан несколько последовательнее Эразма и идет дальше Рейхлина, поскольку он отвергает в религии необходимость каких бы то ни было внешних символов и знаков, доступных чувственному восприятию, и требует лишь внутреннего совершенства. Однако у всех троих мы видим общую черту, характерную для немецкого гуманизма и отмеченную уже выше. Немецкий гуманизм зародился не в придворных сферах и не в такой аристократической среде, которая господствовала в итальянских городах. Его социальную базу питали более широкие и притом весьма пестрые элементы горожан и низшего рыцарства, т. е. тех социальных слоев, которые стояли в оппозиции к существующему порядку, но не чувствовали себя способными установить новый порядок. Общая черта немецкого гуманизма заключалась поэтому в том, что он рассматривал религию как этическое содержание человеческой жизни, подчиненное не внешней целесообразности, не идее внешнего порядка (как у Лоренцо Валлы), а идее внутреннего совершенства и справедливости.

И все же религиозно-этические взгляды эрфуртского кружка молодых гуманистов несколько отличались от взглядов их учителей, если не по существу, то по характеру их понимания: для молодых гуманистов этический идеал не носил такого абстрактного характера, как для Эразма и Рейхлина. Крот Рубеан, Гуттен и другие их товарищи видели его реализацию в идее германского национального единства, в объединении сил немцев против папского Рима.

Особенно ярко выступают эти черты у Гуттена, самого выдающегося члена эрфуртского кружка и самой яркой фигуры немецкого гуманизма вообще. Его ранние произведения отражают глубокую преданность гуманистическим идеалам и готовность самоотверженно бороться за них. В отличие от Эразма Гуттен презрительно относился к титулам, званиям и академическим степеням, за которыми скрывались высокомерие и невежество. Известно, что он отверг предложение отца добиться дипломированного образования и устроить себе хлебную карьеру и предпочел полную лишений жизнь странствующего поэта.

В прекрасном стихотворении «Nemo» («Никто») Гуттен высмеивает формальные титулы и степени, которыми наделяют невежд, и подчеркивает, что действительный обладатель высокого образования и гуманистической нравственности — это «никто», т. е. человек без официального положения. Но Гуттен связывает гуманистические идеалы процветания наук и развития человеческих талантов с немецким патриотизмом, с преодолением местной ограниченности и княжеского партикуляризма и с освобождением Германии от эксплоатации римской курии.

В опубликованной им в 1513 г., после приезда из Италии, «Турецкой речи» Гуттен выдвигает эти два момента как необходимые предпосылки для подготовки победы над турками и при этом подчеркивает необходимость одоления азиатской опасности, идущей из Италии. В это время он сам начал литературную борьбу против Рима в своих эпиграммах на папу Юлия II, в которых резко изобличает его безнравственный образ жизни и зло высмеивает индульгенции: он называет Юлия II разносчиком, продающим небо, хотя сам им не обладает. «Не бесстыдство ли, Юлий,— спрашивает он,— продавать то, в чем ты сам больше всех нуждаешься?» Из Италии Гуттен привез с собой сочинение Лоренцо Валлы «О константиновом даре» и издал его в Германии, иронически посвятив издание новому папе, Льву X, который вначале пробовал заигрывать с гуманизмом.

В отличие от других крупных немецких гуманистов, которые, выступая как кабинетные ученые, выражали настроения очень пестрой массы разнообразных средних слоев общественной оппозиции, Гуттен был всю свою жизнь связан с низшим, разоренным дворянством. В своем последнем письме, представляющем оправдание против обвинений Эразма, он сам указывает, что с детских лет он старался действовать как рыцарь. Это тот слой дворянства, который быстрыми шагами шел к своей гибели, по словам Энгельса, и который видел свое спасение в восстановлении старой империи. В обстановке политического распада этот слой дворянства сделался поэтому самым национальным сословием. Поэтому гуттеновский гуманизм был так глубоко проникнут патриотическим настроением и враждебностью к римской курии.

В то же время Гуттен воспевает силу германского императора и требует для него общей поддержки всей нации. Он призывал императора Максимилиана I, а затем Карла V организовать народ и, опираясь главным образом на рыцарство, выступить против папского Рима. Забегая несколько вперед, отметим, что до середины 1520 г. Гуттен надеялся на императорский поход против Рима. Публицистической подготовке к такому походу он посвятил свои диалоги 1519 и начала 1520 г. «Лихорадка I», «Лихорадка II» и «Вадискус или Римская троица» [1], в которых решительно разоблачал порочную, паразитическую жизнь Рима и губительное влияние римской эксплоатации на Германию и подчеркивал невозможность реформировать папство.

Разочаровавшись в своих надеждах на императора, он присоединился к реформации и связал свою судьбу с Лютером. Хотя нет никаких оснований утверждать, что присоединившийся к Лютеру из политических соображений Гуттен принял также всю его религиозную догматику, мы все же должны

---

[1] «Gespräche von Ulrich von Hutten». Uebersetzt von D. Strauss.

отметить его стремление приспособиться к лютеровской догматике и внести в свои религиозно-философские взгляды известные изменения в сторону признания авторитета *библии*.

Не только Гуттен, но и другой деятельный член эрфуртского кружка гуманистов — Крот Рубеан, — вначале преданный сторонник Лютера, отошли от него, когда убедились, что его реформация погрязла в догматических формальностях, оставив позади идею внутренней ценности человека, которую гуманисты ставили выше всего.

В обширной литературе, посвященной Гуттену, нет единого мнения о характере и значении его антипапской деятельности и общей политической линии. Среди протестантских историков очень сильна тенденция полностью развенчать Гуттена и тем самым подчеркнуть исключительные заслуги Лютера. Первое место среди этих историков-протестантов в послевоенной Германии принадлежит Калькову, книга которого «Ульрих фон Гуттен и реформация» (1921) вызвала многочисленные отклики. Кальков вообще отрицает, что у Гуттена были широкие планы борьбы с папством, связанные с определенной национально-политической программой. По его мнению, отношения Гуттена к Лютеру и к реформации определялись исключительно его личными, грубо говоря, шкурными интересами. Уже сама грубая тенденциозность этой концепции, бросающаяся в глаза каждому, беспристрастно изучавшему Гуттена, выдает ее автора. Маркс и Энгельс лучше кого бы то ни было показали классовую ограниченность Гуттена и объективную реакционность его политической программы. Но они не только причисляли Гуттена к лагерю реформации в качестве «дворянского представителя революции», не только называли этот лагерь общим именем «лютеранско-рыцарской оппозиции», но и подчеркивали, что у Гуттена национально-политические мотивы, хотя они представляли собой, по существу, беспочвенное донкихотство, были сильнее выражены чем у самого Лютера.

Что радикальное направление гуманистов еще до выступления Лютера встало на путь разрыва с римско-католической церковью, подчеркивая при этом свое этическое понимание вопросов религии, — это проявилось уже в отношении этих кругов к делу Рейхлина.

В одном из писем к своему другу Пиркгеймеру Гуттен пишет, что делу Рейхлина он предан со всем своим упорством. И не только Гуттен, но и другие деятели его кружка: Крот Рубеан, Эобан Гесс, Герман Буш и ряд других — объединились для солидарных действий против обскурантов и смотрели на дело Рейхлина как на кровное дело своей партии, как на национальное дело Германии.

Прекрасное стихотворение «Триумф Капниона», написанное Гуттеном и Бушем и послужившее темой для известной картины под таким же названием, проникнуто мыслью, что победа Рейхлина есть победа Германии, осознавшей, наконец, свои силы. Силы эти духовные. Это сила науки, одержавшей победу над невежеством и суеверием. Уже самое противопоставление гуманистической партии, представляющей национальные интересы Германии, партии невежества и обскурантизма, враждебной Германии, говорит о том, что под враждебной партией они понимали всю систему папского Рима, что для них речь шла не о реформе папства, но об освобождении Германии от его влияния. О таком же непримиримом отношении ко всей враждебной партии говорит и знаменитая сатира, относящаяся к последним годам рейхлиновского спора и известная под названием «Письма темных людей».

Авторы этой сатиры в точности неизвестны, однако в настоящее время можно считать твердо установленным, что сатира была составлена в кругу эрфуртских гуманистов и что главными ее авторами были Гуттен и Крот Рубеан. «Темные люди», или обскуранты, — это невежественные и безнравственные магистры и баккалавры, теологи и монахи, которые выступают в данной сатире в качестве корреспондентов упомянутого выше Ортуина Грация, покровителя Пфеферкорна и врага Рейхлина. Они ведут бесконечные схоластические споры о пустяках, предаются обжорству и разврату и высказывают смехотворные суждения по делу Рейхлина или же выдают свое полное невежество в высказываниях о поэзии или о классической литературе вообще.

Из первого письма видно, что господа «наши магистры» прекрасно разбираются в различных сортах пива, но ничего не понимают в формах латинской грамматики. В одном из писем «Приложения к 1-й части» какой-то «медик, почти что доктор», утверждает, что «Цезарь, который всегда был на войне и постоянно был занят всякого рода великими делами, не мог быть ученым и не мог научиться латыни».

Самый язык, которым написаны «Письма», представляет собой утрированную форму испорченного многочисленными варваризмами латинского языка средневековой схоластики. Этому грязному болоту теологов противопоставляется партия гуманистов, которые при помощи учения Эразма, Рейхлина и Муциана Руфа преобразуют религию и сделают ее общечеловеческой. К восстановленной таким путем «древней и истинной теологии» присоединятся и восточные христиане и гуситы. В одном из писем сочувствующий рейхлинистам доктор Рейц — «враг монахов» — резко выступает против индульгенций и утверждает, что, покупка сотни индульгенций не поможет тому, кто ведет плохую жизнь, и что, наоборот, искренно покаявшемуся и исправившемуся грешнику никакая иная помощь ненужна.

Д. Штраус в своей известной монографии о Гуттене[1] указывает, что в этом письме уже высказана сущность содержания лютеровских тезисов. Это не совсем точно. Отрицание индульгенций здесь высказано гораздо радикальнее чем у Лютера, кото-

[1] Штраус Д. «Ульрих фон Гуттен». СПБ. 1896. Перевод под ред. Э. Л. Радлова.

рый в своих тезисах энергично подчеркивал недостаточность одного лишь внутреннего покаяния и настаивал на необходимости церковной помощи. «Письма темных людей», таким образом, не оставляют сомнения в том, что радикальное крыло гуманистов еще до Лютера встало на путь разрыва с римской церковью. Правда, по вполне понятным причинам личность папы здесь затрагивается лишь в тонких намеках. Но в письмах Гуттена, относящихся к этому же времени, высказывается мнение, что папа подкуплен монахами, с которыми он составляет одну партию. «Мы защищаем партию,— писал он Пиркгеймеру в январе 1517 г.,— невинность которой так же известна всему свету, как известна всякому, имеющему разум, нечестивость святого Льва» (Льва X.— *М. С.*). В том же письме он говорит о папе, что «10 проклятий этого флорентинца... не ценятся больше никем, в ком есть хоть немного мужества».

Краткий обзор немецкого гуманизма накануне реформации, изложенный выше, показывает, что немецкий гуманизм нельзя считать простой разновидностью итальянского. Как и вся культура эпохи Возрождения, немецкий гуманизм был плодом городского, т. е. буржуазного, развития. В связи с этим особенности в развитии германских городов и немецкого бюргерства обусловили и своеобразие социальной базы немецкого гуманизма.

Как указал Энгельс в первой главе «Крестьянская война в Германии», классовая структура в раздробленной Германии в начале XVI в. отличалась особой сложностью, и «разные сословия империи,— князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и крестьяне,— образовывали чрезвычайно запутанную массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями»[1]. Немецкое бюргерство в гораздо меньшей степени чем городское сословие других стран Европы могло тогда выступать в роли национальной буржуазии с более или менее ясно очерченными классовыми интересами. Поэтому в области идеологии в Германии буржуазная струя выражена была слабее всего, и в разработке идей гуманизма в большей степени отразилось влияние других классов: с одной стороны, оппозиционного рыцарства, с другой стороны — народных низов.

Как указано было выше, слабость средних городских слоев антифеодальной оппозиции и отсутствие у них достаточной веры в собственные силы привели к тому, что немецкий гуманизм придавал особенно большое значение религиозно-философским проблемам. Но религиозно-философские проблемы сводились у виднейших представителей немецкого гуманизма к проблемам социально-этическим и политическим. Основной религиозно-философской проблемой сделалось для гуманистов этическое содержание человеческой жизни. Тем самым гуманисты обратились к средневековой мистике, но существенно при этом изменили ее характер, так как они не требовали ухода от мира и мирских дел для слияния с божеством, а, наоборот, стали рассматривать вопросы нравственного устройства земной жизни как главное или даже единственное содержание христианства. Само же христианство они стали понимать как явление универсальное, общечеловеческое. Если при этом старшее поколение немецких гуманистов выдвигало эти идеи чисто абстрактно, оставаясь кабинетными учеными, то радикальное крыло молодых гуманистов вступило на путь практической борьбы. Они раньше Лютера и радикальнее его ставили вопрос о борьбе с папским Римом с целью национального освобождения германского народа. Однако классовая ограниченность мешала и молодым гуманистам ставить вопрос шире и последовательнее, и поэтому они остались в лагере умеренной реформации, отступив от своих радикальных религиозно-философских взглядов. Только левое крыло реформации, шедшее под знаменем Мюнцера и выражавшее настроения народных низов, сделало из гуманистических идей и радикального понимания мистического пантеизма революционные выводы.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 126.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

Н. Калистратов

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила угнетенные народы нашей страны от национального гнета и помещичье-буржуазной эксплоатации. II всероссийский съезд советов провозгласил основы национальной политики советской власти, заявив, что советская власть «...обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»[1]. В последовательном порядке затем были изданы следующие акты об освобождении угнетенных народов России: 15(2) ноября 1917 г.— «Декларация прав народов России»; 25(12) января 1918 г.— «Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа»; 28(15) января 1918 г.— постановление «О федеральных учреждениях Российской республики»; и, наконец, 10 июля 1918 г. V всероссийский съезд советов принял первую Советскую Конституцию. В этих законодательных актах советской власти было провозглашено образование Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Способ и условия вхождения народностей в Российскую социалистическую республику были определены первой Советской Конституцией, 11-я статья которой гласила: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую социалистическую федеративную советскую республику»[2].

В постановлении VII всероссийского съезда советов «О советском строительстве» ВЦИК было поручено «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»[3]. Во исполнение этого решения в феврале 1920 г. при ВЦИК была образована комиссия федеративного устройства РСФСР. В задачу этой комиссии входило определение объема прав отдельных автономных объединений, установление границ каждой автономной единицы, детальная разработка вопросов, связанных со взаимоотношением центральных и местных органов власти.

Одновременно в Наркомнаце под руководством товарища Сталина началась грандиозная работа по подготовке материалов для проведения административного устройства РСФСР по национальному признаку. 29 марта 1920 года этот вопрос обсуждался в Совете национальностей при Наркомнаце, причем было решено «организовать комиссию для собирания и разработки материалов для проведения административного деления РСФСР по национальному принципу»[4]. 6 апреля 1920 г. вопрос об административной комиссии обсуждался на совместном заседании коллегии и Совета национальностей Наркомнаца, на котором было постановлено «обязать отделы: Мусульман(ский), Чуваш(ский), Вотск(ий), Мари(йский) и др. доставить в эту комиссию имеющиеся у них материалы по административному делению»[5].

В связи с этим постановлением в районах Марийского края стал обсуждаться вопрос о выделении Марийского края в самостоятельную административную единицу с вхождением ее в РСФСР. Впервые этот вопрос был поднят в марийской коммунистической секции Казанского губкома РКП(б), а затем был поставлен на I всемарийской конференции большевиков, состоявшейся, на основании решения ЦК РКП(б) от 5 января 1920 г., в Казани в июле 1920 года[6]. На конференции было принято решение всемерно приветствовать мероприятия ленинско-сталинской партии и советского правительства по провозгла-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 11. 1937.

[2] «История Советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства. 1917—1936», стр. 69. Составил С. Студеникин. М. 1936.

[3] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 152. М. 1939.

[4] Центральный государственный архив Октябрьской революции Главного архивного управления НКВД СССР, ф. 1318, д. 11, л. 8 (в дальнейшем — ЦГАОР).

[5] Там же, л. 10.

[6] Там же, д. 313, л. 48.

нию советской автономии марийского народа. В то же время конференция утвердила проект «Образования Марийской автономной области»[1]. В приветственной телеграмме ЦК РКП(б) I всемарийская конференция большевиков заявила, что марийские большевики «в лице ЦК РКП(б) горячо приветствуют истинных вождей русской и всемирной революции. Коммунисты мари уверены, что только коммунистическая партия в состоянии вывести трудящиеся массы мари через (советское) самоопределение на путь советского коммунистического строительства»[2].

19 октября 1920 г. проект об образовании Марийской автономной области обсуждался в СНК РСФСР (совместно с проектами образования Вотской и Калмыцкой областей). В результате обсуждения этих проектов СНК вынес следующее постановление: «Проекты постановления об автономных Вотской, Марийской и Калмыцкой областях передать в комиссию Народных комиссаров или особоуполномоченных членов коллегий по делам Национальностей, Внутренних дел, ВСНХ, Военных дел, Земледелия и Продовольствия, поручив комиссии запросить по прямому проводу председателей губисполкомов (об) этом новом распределении губерний. Все остальные наркоматы обязаны в 4-х дневный срок дать в эту комиссию свой письменный отзыв»[3].

23 октября 1920 г. Наркомнац созвал порученное ему совещание из представителей Военного комиссариата, Наркомвнудела, Наркомзема, Наркомпрода, ВСНХ и представителей от национальностей: марийской, вотской и калмыцкой[4]. На этом совещании были рассмотрены проекты об образовании Марийской и Вотской автономных областей. Совещание постановило: «Признать в принципе необходимым образование Вотской и Марийской областей»[5].

Проект образования Марийской автономной области был направлен для рассмотрения и узаконения во ВЦИК и СНК. 4 ноября ВЦИК и СНК за подписями Ленина и Калинина издали известный декрет «Об образовании Автономной области марийского народа».

Привожу его полностью:

«Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют:

1. Образовать Автономную область Марийского народа.

2. Установление границ и выработку положения об Автономной Области поручить Комиссии в составе представителей Народного Комиссариата по делам Национальностей, Народного Комиссариата Внутренних Дел и Народного Комиссариата Земледелия с участием представителей заинтересованной национальности и заинтересованных Губернских Исполнительных Комитетов.

3. Обязать Комиссию закончить свою работу в кратчайший срок.

4. Созыв Комиссии поручить Народному Комиссариату по делам Национальностей.

Подписали: Председатель ВЦИК

М. Калинин.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)»[6].

5 ноября ВЦИК и СНК телеграфировали в Краснококшайск об образовании Марийской автономной области[7]. 6 ноября правительственная телеграмма была получена Краснококшайским уисполкомом, а вскоре о ней узнал весь марийский народ.

7 ноября в Краснококшайске происходило торжественное заседание, посвященное 3-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На торжественном заседании присутствовало много представителей из волостей и сельсоветов. В это время в Краснококшайске происходили две уездные беспартийные конференции. Все делегаты этих конференций присутствовали на октябрьском торжественном заседании. Здесь и была впервые зачитана телеграмма советского правительства о провозглашении советской автономии марийского народа.

С чувством великой радости приветствовали участники торжественного заседания провозглашение советским правительством советской автономии марийского народа. Чтение правительственной телеграммы об образовании Марийской автономной области слилось с пением «Интернационала» на марийском языке. Тут же была принята следующая резолюция: «Заседание Краснококшайского уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, комитет краснококшайской организации РКП(б), уездные беспартийные конференции взрослых и молодежи, заслушав телеграмму ВЦИК и Совнаркома об утверждении Автономной Марийской области трудового народа, приветствует означенное решение, дающее возможность поднять политический и культурный уровень отсталых марийских масс и привести их равноправными членами в великую коммунистическую семью всех народов мира.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует Российская Коммунистическая партия (большевиков)!»[8].

---

[1] «Тезисы, доклады и резолюции I Всероссийской конференции коммунистов мари», стр. 16—18. Казань 1921.

[2] ЦГАОР, ф. 3941, д. 1, л. 167.

[3] ЦГАОР, ф. 1318, д. 313, л. 15.

[4] Там же, д. 11, л. 57 об.

[5] Там же.

[6] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства». 1920. № 87.

[7] Архивное отделение НКВД Марийской АССР. Архив Октябрьской революции. Ревком, д. 42, л. 1 (в дальнейшем— АОР).

[8] Там же. Краснококшайский УИК, 1921, д. 29, л. 105 об.

По предложению участников торжественного заседания были посланы приветственные телеграммы Совнаркому и ВЦИК.

Образование Марийской автономной области марийский народ встретил с ликующей радостью. В адрес марийского представительства при Наркомнаце и в адрес других марийских советских и партийных организаций стало поступать множество заявлений о возвращении в пределы Марийской автономной области. Вот некоторые из них. «Получив данные о том, что образовалась Марийская автономная область,—было написано в заявлении от 23 ноября 1920 г. в адрес марийского представительства при Наркомнаце,—я (по) национальности мари, желая дать помощь для поднятия хозяйства народа мари в области сельского хозяйства по садоводству и пчеловодству, прошу Отдел мари возбудить ходатайство о переводе меня в Марийскую автономную область и о назначении на работу в пределах волостей Помарской и Помьяльской»[1]. В заявлении в адрес марийской комсекции Казанского губкома РКП(б) было написано: «Прошу комсекцию мари об откомандировании меня в г. Краснококшайск для работы по своей специальности кузнеца. Сообщаю, что в настоящее время работаю в г. Казани у Мафузова на фабрике. Происхожу из нации мари. Окончил русское сельское училище»[2]. Заявление в адрес ревкома Маробласти: «Прошу вашего ходатайства о переводе меня в Марийскую автономную область для работы по ликвидации безграмотности. В этой области я уже работал на своей родине среди марийского населения Арбанской волости. Получил подготовку на специальных курсах для ликвидаторов»[3].

С того времени марийский народ прошел бурный путь развития. Сталинская Конституция превратила автономную область в Марийскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Марийский народ в общем содружестве со всеми народами нашей великой социалистической родины с воодушевлением ведет борьбу за построение коммунистического общества.

[1] АОР. Ревком, д. 6, л. 417.

[2] Там же, л. 415.

[3] Там же,, л. 423.

О ЗАМЫСЛЕ КУТУЗОВА В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

Б. Кац

Долгое время имя Кутузова как полководца Отечественной войны оставалось в тени, за ним не признавалось никакого военного таланта, многие современники и историки обвиняли Кутузова в ряде ошибок.

Вероятно, и сейчас Кутузов многим представляется таким, как изобразил его Л. Н. Толстой в романе «Война и мир»: дряхлым стариком, с полузакрытыми глазами, кивком головы отвечающим на обращенные к нему вопросы. Таким же бездеятельным созерцателем, а не волевым полководцем обрисовал Кутузова в Бородинском сражении и Клаузевиц в своем труде «1812 год».

В фундаментальных работах Михайловского-Данилевского, Бутурлина, Богдановича о войне 1812 года очень детально описано Бородинское сражение, разобраны все его отдельные этапы, разобран замысел Наполеона; но мы напрасно будем искать там изложения оперативного замысла Кутузова: историки не сочли нужным уделить этому важнейшему моменту сколько-нибудь места. Историк Богданович прямо заявил: «Наш главнокомандующий не мог иметь непосредственного влияния на ход сражения, тем более что преклонность лет заставляла его постоянно оставаться на месте и ограничиваться распоряжениями, которые по отдалению его от пунктов решительной неприятельной атаки не всегда были своевременны. Это обстоятельство... оказало невыгодное влияние на ход сражения»[4].

Причины подобной несправедливости в отношении Кутузова кроются прежде всего в личной неприязни Александра I к Кутузову.

Вполне понятно, что историки Михайловский-Данилевский и Богданович, писавшие свои труды по высочайшему повелению, не могли не отразить взглядов своих «повелителей». Подобной точке зрения способствовала и та система, которая утвердилась в русской армии с воцарением Павла I и прочно укрепилась на очень долгое время при Александре I. Из русской армии изгоняли все суворовское и суворовских генералов. Павел I энергично насаждал свои «гатчинские порядки», подражая во всем прусскому образцу. В русской армии появилось громадное количество офицеров, выходцев из других армий, главным образом из прусской. Александр I явился горячим

[4] Богданович «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам». Т. II, стр. 177. 1859.

восприемником гатчинской школы, во главе которой стоял Аракчеев.

Кутузов, виднейший ученик Суворова, не мог не вызвать к себе враждебного отношения со стороны некоторых чинов своего штаба, которые оказались несостоятельными в войне против Наполеона и которых не признавала русская армия. Это относится в первую очередь к Беннигсену, выходцу из прусской армии, состоявшему начальником штаба при русской армии и мечтавшему занять пост главнокомандующего. «Во время кампании 1812 г. он развернул свою деятельность по преимуществу в главной квартире императора Александра, где интриговал против Барклая-де-Толли с целью занять его место»[1]. Эти интриги продолжались и против Кутузова. Деятельным в них помощником Беннигсена оказался представитель английского правительства в штабе русской армии генерал Роберт Вильсон.

Эти господа, пользовавшиеся у Александра I большой доверенностью, и явились первыми судьями действий Кутузова. Их многочисленные воспоминания и записки послужили источником для некоторых историков. Их точка зрения являлась господствующей в русской военно-исторической науке, и голоса немногих современников из числа участников войны, правильно оценивших Кутузова, остались неуслышанными.

Материалы, фальсифицировавшие историю войны 1812 года (Бернгарди), послужили поводом Ф. Энгельсу, в небольшой статье «Бородино», написанной для Новой американской энциклопедии в 1858 г., неправильно указать: «План Наполеона был построен на ошибках Кутузова»[2].

Более поздние работы, появившиеся в русской военной истории, принадлежавшие крупным военным теоретикам (Леер, Драгомиров) и профессорам академии генерального штаба (Витмер, Колюбакин), и особенно работы Ниве и Геруа освещают истинную обстановку Бородинского сражения и роль Кутузова. Для нас теперь очевидны ошибки и заблуждения тех историков и современников, которые пытались не только умалить роль Кутузова, но и неправильно осветить личность русского полководца. В работах Колюбакина («Бородинская операция» и «Бородинское сражение») и Геруа («Бородино по новым данным») впервые сделаны очень серьезные попытки анализа плана Кутузова, что во многом и удалось авторам.

Наша, советская военно-историческая литература крайне ограниченно осветила Бородинское сражение, пересказав давно уже известные истины, которые были новы только потому, что успели забыться, а в сборнике «Изгнание Наполеона из Москвы» высказана мысль, отражающая устаревшую и опровергнутую точку зрения «ошибок» Кутузова:

«Русские войска оказались недостаточно подготовленными к этой исторической битве: укрепления не были сооружены до конца, а самое главное — они, как и части русской армии, были расположены на основе неправильно рассчитанного направления движения противника»[3].

Нельзя обойти молчанием и статью «Великий русский полководец М. И. Кутузов», напечатанную в газете «Московский комсомолец» № 144 от 20 июня 1940 года. Автор статьи директор Бородинского музея тов. С. И. Кожухов неудачно пытался «раскрыть» замысел Кутузова в Бородинском сражении, но вместо действительного раскрытия замысла Кутузова тов. Кожухов приукрасил историю и личность Кутузова, в чем он совершенно не нуждается.

Понимание особенностей стратегии и тактики начала XIX в., с исчерпывающей полнотой вскрытых Энгельсом, дает возможность понять и замыслы Кутузова в Бородинском сражении.

Особенностью стратегии начала XIX в. являлось стремление к обходу фланга противника с целью выйти на его сообщения, захватить их, отрезать противнику путь отступления. Этот маневр имел целью вынудить армию противника к сражению. «Обход флангов сделался теперь обычной стратегической операцией; более сильная армия целиком вклинивалась между слабейшей армией и ее коммуникациями, так что одно поражение могло уничтожить всю армию и решить судьбу кампании»[4]. Тактической особенностью являлась атака флангов противника с целью ослабления его центра, чтобы в дальнейшем своим центром прорвать ослабленный и расстроенный центр противника. «Атака на флангах, либо на обоих одновременно либо последовательно, сначала на одном, а затем на другом, причем центр держится отодвинутым назад. Это был любимый способ боя Наполеона—заставить неприятеля ослабить свой центр с целью усилить крылья; сам он держал собственный центр отодвинутым, усиливая его огромными резервами кавалерии, и в конце концов устремлялся на ослабленный центр противника и оканчивал дело уничтожающим ударом»[5]. Следовательно, маневрирование на поле боя сводилось к атаке на фланг противника, чтобы в выгодный момент атакой центра прорвать боевой порядок противника и введением в бой резервов закончить окончательный разгром армии врага. «Излюбленным тактическим маневром был прорыв свежими войсками центра противника, как только положение дел обнаруживало, что он ввел в бой свои последние резервы. Резервы... превратились в главное средство для решения боя»[6].

Ничто так не вскрывает замысла полководца, как боевой порядок армии: он как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 577.

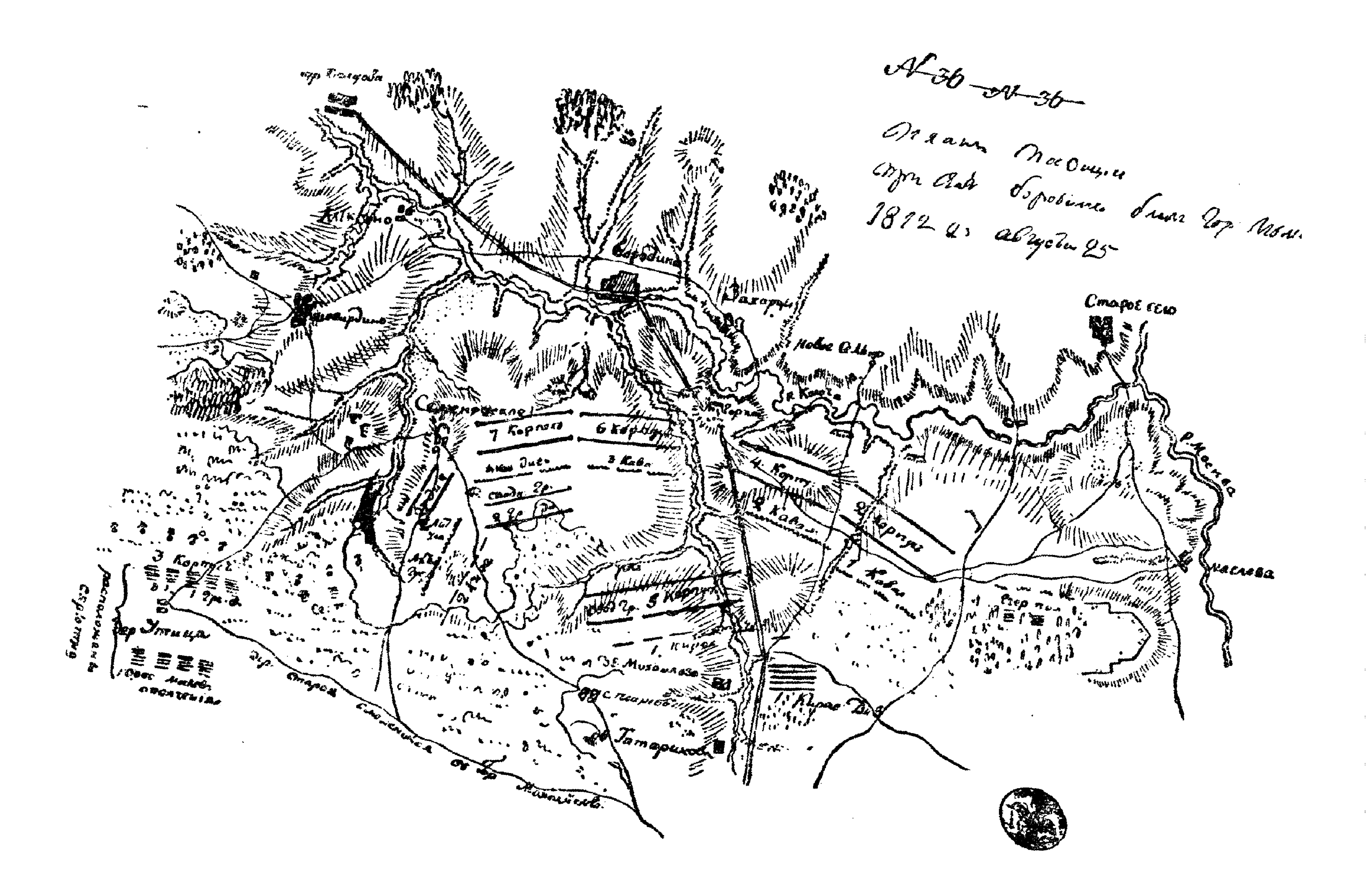
[2] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 397. Воениздат. 1937.

[3] «Изгнание Наполеона из Москвы». Введение, стр. XI. Сборник. 1938.

[4] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 174.

[5] Там же, стр. 369.

[6] Там же, стр. 174—175.

№ 36
1812
Бородина
Захарь
Старое село
Ново е Село
р. Москва
7 Корпус
6 Корпус
3 Кава
4 Корпус
2 Корпус
5 Корпус
2 Кава
1 Кава
3 Корпус
Татарикова
Утица
Старая Смоленская
расположенъ
Семеновское
Псарево
Шевардино
Колоча

в зеркале показывает, как полководец решает поставленную перед собою задачу и какие частные задачи он ставит перед своими исполнителями.

Боевой порядок русской армии перед Бородинским сражением показан на плане Бородинского сражения, подписанном русским полководцем. Это основной документ, позволяющий разобрать замысел Кутузова. Из плана видно, что главная масса русских войск, вся 1-я армия под командованием Барклая-де-Толли, была расположена на правом крыле и в центре, прикрываясь почти недоступным для атаки противника крутым, более чем 20 метров высотою, правым берегом реки Колочи. Правый фланг оканчивался близ Москвы-реки, у деревни Маслово мощными земляными укреплениями, обращенными в сторону Москвы-реки. Общий резерв стоял позади армии Барклая. Из всех предварительных распоряжений Кутузова видно, что наибольшее значение он придавал своему правому флангу. В направлении главного удара наполеоновской армии, который особенно четко определился после боя на Шевардинском редуте, на пространстве от батареи Раевского до Утицкого леса исключительно (Багратионовы флеши), Кутузов располагает немногочисленную 2-ю армию под командованием прославленного генерала Багратиона, составлявшую левое крыло. Скрытно в районе старой смоленской дороги располагается 3-й корпус Тучкова и московское ополчение, вооруженное деревянными пиками и топорами (левый фланг).

4 сентября 1812 г. Кутузов донес Александру I: «Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе; но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся»[1].

Из донесения видны те условия, при которых Кутузов будет сражаться: это будет в том случае, если противник не предпримет стратегического обхода флангов русской позиции. Кутузов стремился принудить Наполеона к фронтальному сражению. И русский полководец добился своей цели, навязав свою волю Наполеону.

Это донесение Кутузова и план Бородинского сражения дают возможность ответить на три основных вопроса: 1) почему Кутузов уделял исключительное внимание правому флангу и поставил там большую часть своих сил; 2) почему Кутузов, понимая, что Наполеон будет наносить главный удар на рубеже от батареи Раевского до Утицкого леса исключительно (этот участок составлял тактический центр русской позиции), поставил там численно слабую армию Багратиона; 3) почему был поставлен 3-й корпус в районе старой смоленской дороги.

Кутузову было известно, что главные силы французской армии наступают по новой смоленской дороге (по которой отошла русская армия) и что севернее главных сил Наполеона двигается итальянский корпус под командованием Богарне. Во всех арьергардных боях, имевших, безусловно, и разведывательную цель, французы обходили правый фланг русских. Уже при подходе к бородинской позиции главные силы Наполеона были нацелены против правого фланга и центра русской армии. Кратчайшее направление на Москву от бородинской позиции шло не по ближайшему участку новой смоленской дороги, который вел на юговосток, а от правого фланга русской армии на восток: глубокий стратегический обход в этом направлении создавал угрозу отрезать русскую армию от Москвы.

Этот обход мог быть совершен Наполеоном во время самого боя или по окончании его путем параллельного преследования, кратчайшие пути для осуществления которого вели именно в этом направлении. Поэтому становится понятным важное стратегическое значение правого фланга и то исключительное внимание, которое Кутузов уделил ему.

Какое основание утверждать, что Кутузов предполагал обход своего правого фланга? По данным, которые имелись в штабе Кутузова, численность французской армии перед Бородинским сражением определялась в 185 тыс. бойцов и более 1000 орудий[2]. В действительности у Наполеона было 130 тыс. бойцов и 587 орудий. Следовательно, Кутузов, предполагая решающий перевес в силах у своего противника (у русских было 120 тыс. бойцов и 640 орудий), ожидал от Наполеона смелого маневра в обход правого фланга русских позиций.

Обеспечить за русской армией кратчайшее направление на Москву, быть готовым к отражению обхода правого фланга русской позиции — такова одна сторона замысла Кутузова, вследствие чего большая часть сил располагалась на правом фланге.

Подобное решение Кутузова многим генералам русской армии, а особенно начальнику штаба Беннигсену, было непонятно. Не понимали этого решения Кутузова и историки, считавшие его ошибочным: «Вместо того чтобы, ограничиваясь наблюдением Колочи и расположив войска между Горками и Утицами, поставить сильные резервы за левым крылом, мы растянули армию на две лишние версты вправо от Горок»[3]. «Гораздо лучше было бы, если правое крыло заканчивалось у Колочи в районе Горок, а остальное пространство до

---

[1] Неелов «Опыт описания Бородинского сражения», стр. 85—86. 1839.

[2] Там же, стр. 101—110.

[3] Богданович «История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам». Т. II, стр. 142.

Москва-реки только наблюдалось бы или занималась демонстративно»[1].

«Я имел случай видеть поле Бородинской битвы, на котором имел время довольно долго пробыть для нужных мне наблюдений. Я уверился, что все пространство по течению Колочи, между деревней Старое и Бородиным, почти недоступно. Московское ополчение, которое не устояло бы, может быть, в положении менее выгодном, могло защищать сию часть правого берега Колочи весьма легко»[2].

Историки недоумевают: почему Кутузов на рубеже, недоступном для атаки французских частей, располагает большинство своих сил в стороне от поля боя? Автор статьи «Великий русский полководец М. И. Кутузов»[3] тов. Кожухов пытается так объяснить сложный стратегический прием Кутузова: «Было создано такое положение, при котором Наполеон не мог пойти на атаку правого фланга, занятого большей частью русской армии». Это свое объяснение тов. Кожухов пытается навязать и Кутузову.

Каждому офицеру русской армии бросалась в глаза неприступность отвесного, до 20 метров высотою, правого берега Колочи и невозможность атаки в этом направлении. Но Кутузов ожидал не атаки против своего правого фланга, а комбинированных действий со стороны противника: атаки с фронта с одновременным обходом своего правого фланга.

В направлении главного удара частей Наполеона от батареи Раевского до Багратионовых флешей (левое крыло) Кутузов поставил немногочисленную, но отборную армию Багратиона, состоявшую из 2 пехотных корпусов, 1 кавалерийского и кирасирской дивизии.

В непосредственной близости от участка, на котором стояла армия Багратиона и где, собственно, и должна была решаться участь сражения, стояли корпуса 1-й армии Барклая, они в нужную минуту могли обеспечить поддержку частям Багратиона.

Следовательно, армия Барклая (бо́льшая часть сил), по замыслу Кутузова, должна была выполнять роль главного резерва, готового отразить обход правого фланга и быть готовой поддержать центр и левое крыло армии во время боя. В этом вторая сторона замысла Кутузова.

В донесении Александру I от 4 сентября 1812 г. Кутузов подчеркнул: «Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства». Слабость этого участка позиции обусловливалась наличием старой смоленской дороги, проходившей в непосредственной близости к левому крылу армии Багратиона. По этой дороге Наполеон имел возможность охвата русской позиции. Это место нуждалось в усилении, которое, по замыслу Кутузова, заключалось не только в сооружении укреплений, но главным образом в соответствующей группировке войск; в этом заключалось основное искусство, как его понимал русский полководец. «При занятии позиции при Бородине князь Кутузов призвал капитана инженерного, находившегося при главной квартире, по фамилии, если не ошибаюсь, Фелькер, и приказал ему рассмотреть местоположение позади левого фланга с тем, что нельзя ли поставить там часть войска скрытно от неприятеля. «Когда неприятель,— сказал Кутузов капитану,— употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл»[4].

Для осуществления этой части замысла Кутузова в районе старой смоленской дороги был скрытно расположен 3-й корпус Тучкова. Задача корпуса Тучкова заключалась в активном парировании охвата противником левого крыла армии Багратиона коротким ударом во фланг и тыл наступавшим французам. Это достигалось не только скрытным расположением корпуса, но и соответствующим его построением: этот корпус, по замыслу Кутузова, должен быть построен перпендикулярно 8-му корпусу, занимавшему флеши.

Благодаря такому построению корпус Тучкова простым фронтальным движением выходил во фланг французским частям, наступавшим на флеши. Следовательно, прикрытие старой смоленской дороги, внезапный удар по флангу противника в решительный момент боя, когда противник, истощившись, использует свои резервы,— в этом третья сторона замысла Кутузова.

Кутузов, понимая громаднейшую роль резерва, сам стремился сохранить резерв для решительного момента и заставить противника израсходовать свой резерв как можно раньше. «При сем случае, не излишним почитаю представить г. г. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее; ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»[5].

Кутузов предвидел возможность преследования противника после отражения его атак и дал соответствующие указания в своей диспозиции: «...при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его, для чего и буду ожидать беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом»[6].

Замысел Кутузова не мог осуществиться в полной мере, так как Беннигсен, не зная назначения корпуса Тучкова, приказал его вывести из скрытого места и расположил открыто у старой смоленской дороги, не доложив об этом Кутузову.

[1] Клаузевиц «1812 год», стр. 98.

[2] Окунев Н. «Разбор главнейших военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года».

[3] «Московский комсомолец» № 144 от 20 июня 1940 года.

[4] Харкевич В. «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Материалы военно-ученого архива главного штаба. Вып. 1-й. 1900 г., стр. 14—15.

[5] Неелов «Опыт описания Бородинского сражения», стр. 114.

[6] Там же.

Необходимо остановиться на ошибке, которую допускает тов. Кожухов, автор статьи «Великий русский полководец М. И. Кутузов» [1], подчеркивая, что «сражение при Бородине он (Кутузов.—*Б. К.*) сделал во многом похожим на Куликовскую битву». Вольно или невольно автор скатывается на точку зрения ученых, которые утверждают неизменность способов ведения войны и боя («вечные и неизменные принципы»); утверждение тов. Кожухова антинаучно, ибо Бородинское сражение никак не могло походить и не походило на Куликовскую битву. «Способы ведения войны, формы войны,—говорит товарищ Сталин,—не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от условий развития, прежде всего, в зависимости от развития производства. При Чингис-хане война велась иначе, чем при Наполеоне III, в XX веке ведется иначе, чем в XIX веке» [2].

«Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г. г. главнокомандующих армиями, и потому предоставляю им делать соображения действий на поражения неприятеля»,— так писал Кутузов в своей диспозиции. Но это не значит, что, предоставляя широкую инициативу командующим армиями, он самоустранялся от руководства сражением. Кутузов внимательно следил за ходом сражения, и все главнейшие распоряжения в наиболее критические минуты боя исходили от него.

Узнав, что армии Багратиона угрожает опасность, Кутузов приказал перебросить с правого фланга на левый 2-й корпус Багговута. Убедившись, что главные силы Наполеона сгруппированы против центра и левого крыла и правому флангу не грозит опасность обхода, Кутузов принимает решение перебросить части армии Барклая к угрожаемым участкам поля боя. Таким образом часть сил правого крыла Кутузов использовал в качестве резерва и искусно маневрировал им. Видя, что армия Багратиона несмотря на героическое сопротивление находится в крайне тяжелом положении, под непрерывными ударами французских частей, Кутузов особенным чувством опытного полководца, которое вырабатывается многолетним боевым опытом, правильно уловил кризис боя. И в момент, когда французским маршалам казалось, что достаточно еще одного усилия и левое крыло русских будет опрокинуто, когда от Шевардинского редута пошла в бой дивизия молодой императорской гвардии, а итальянская гвардия устремилась на батарею Раевского,— Кутузов смелым решением восстановил положение и лишил победы Наполеона. Для отвлечения удара от армии Багратиона Кутузов приказал конному корпусу Уварова и казакам Платова атаковать левый фланг французской армии: «...перейти речку Колочу и атаковать неприятельский левый фланг с тем, чтобы хотя несколько оттянуть его силы, которые столь сильно стремились атаковать вторую нашу армию» [3].

Аналогично освещает свою задачу и казачий атаман генерал Платов.

Все эти мероприятия Кутузова не являлись переходом русской армии в наступление, как об этом повествует в своей статье тов. Кожухов.

Если просмотреть все доклады командиров корпусов, составленные после Бородинского сражения, ни в одном из них мы не увидим даже намека на то, что кто-либо из них получал приказ о переходе в наступление. Наоборот, везде четко сказано, что получено приказание следовать на поддержку:

«Августа 26-го числа, когда неприятель повел атаку на наш левый фланг, я, по приказанию вашего высокопревосходительства, пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление оного» [4].

А вот что доносил Кутузову Барклай о Бородинском сражении: «Князь Багратион требовал подкрепление и остальная часть резерва 1-й армии, т. е. гвардейская пехотная дивизия на то обращена была. Вслед за оною посланы были туда же весь 2-й пехотный корпус и три кирасирских полка 1-й кирасирской дивизии. К полудню все укрепления левого фланга были взяты неприятелем, который всеми силами угрожал левому нашему флангу и тылу 7-го и 6-го корпусов. В сем положении решился я поставить 4-й корпус, который придвинут был с правого фланга, ближе к центру» [5].

Даже в тот момент, когда Наполеон, обеспокоенный нападением русской конницы на его левый фланг, прекратил свои атаки, ограничившись артиллерийской канонадой, русская армия не могла воспользоваться этой передышкой для перехода в наступление: она использовала ее для перегруппировки своих сил, продолжая готовиться к активной обороне. В результате боя французская армия овладела русскими укреплениями, не достигнув решительного результата; разгромить русскую армию она была не в состоянии. Своего последнего резерва — испытанной гвардии — Наполеон не решился бросить в бой.

У Энгельса находим объяснение, почему Наполеон не рискнул «ядром и хребтом своей армии»: «Если атакующая сторона до сих пор имела успех, то теперь она может отважиться на то, чтобы бросить свои резервы на центр или фланг обороняющейся стороны; если же атака до сих пор была отражена и не может быть поддержана свежими силами, то обороняющаяся сторона может двинуть вперед свои резервы и мощный атакой превратить отражение противника в его разгром» [6].

---

[1] См. «Московский комсомолец» № 144 от 20 июня 1940 года.

[2] «Правда» № 56 за 14 марта 1923 года.

[3] Богданович «История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам». Т. II, стр. 560.

[4] Там же, стр. 584.

[5] Там же, стр. 553, 554.

[6] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 376.

В конце сражения, когда Наполеон смотрел на русскую армию с захваченной батареи Раевского и решал вопрос, бросить ли гвардию в бой, он видел, как русская армия на опушке леса готовилась к продолжению сражения. И в тот момент Наполеону не было ясно, истощила ли русская армия свои последние резервы или Кутузов держит их для решающего удара.

Но Кутузов не имел уже резервов, которые могли бы «превратить отражение противника в его разгром». Сражение было прекращено. Наполеон отошел на исходные позиции, Кутузов, сохраняя армию, отказался от нового сражения и повел ее к Москве.

Бородинское сражение нужно рассматривать в связи с предшествующими и дальнейшими событиями всей войны 1812 года. Оно явилось следствием ряда причин, которые сделали его необходимым, в результате сражения изменились обстановка и соотношение сил, коренным образом повлиявшие на исход войны.

Каковы были стратегические цели, которые ставил себе Наполеон под Бородиным? Эти цели были вполне определенные: разгромить русскую армию и вынудить Россию заключить мир на выгодных ему условиях. Этого Наполеон не добился.

Из диспозиции видно, что цель Кутузова заключалась в отражении неприятельских сил. Русский полководец достиг своей цели: он не допустил разгрома своей армии, заставил противника первым отказаться от продолжения сражения, искусным управлением расстроил расчеты и планы своего противника. Французский генерал Пеле, участник Бородинского сражения, пишет: «Кутузов... в продолжение дня обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств главнокомандующего. Его стойкость уравновесила и отчасти расстроила высокие соображения императора. Император мог бы погибнуть, если бы сделал хотя одну ошибку»[1].

За 12 часов кровопролитного сражения армии Наполеона удалось только вытеснить русских с их первоначальных позиций. В конце сражения русская армия была все еще грозной силой. В дальнейшем инициатива была уже в руках Кутузова, который предполагал перейти в наступление. Русская армия не бежала с поля боя: она ушла, предводительствуемая своим полководцем, для новой борьбы с целью полного разгрома противника.

В донесении Александру I после сражения Кутузов писал: «Когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но в с я ц е л ь б у д у ч и у с т р е м л е н а н а и с т р е б л е н и е ф р а н ц у з с к о й а р м и и..., я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском и, собрав расстроенные баталией войска... увижу я, что могу предпринять против неприятеля»[2].

Кутузов прекрасно понимал, что победоносное сражение еще не решает участь войны, он был талантливым стратегом, а задача стратегии — выиграть войну. Кутузов лучше всех понимал, что выиграть войну можно было при условии сохранения и усиления своей армии, использования народной энергии, которая вылилась в мощную партизанскую борьбу. Конечную цель своих действий Кутузов видел в уничтожении армии противника. Для этого Кутузов не побоялся пожертвовать Москвой, сдавши ее без боя. «Самим уступлением Москвы приготовили мы гибель неприятелю»,— сказал он на военном совете в Филях.

Итак, Бородинское сражение — это не искупительная жертва за сдачу Москвы (Леер), это не только моральная победа русского народа (Тарле), это—победа русской армии над лучшей армией Европы. Силы для этой борьбы, для величайших жертв русская армия черпала в поддержке всего русского народа, который вел справедливую войну за свою национальную независимость.

[1] «Бородинское сражение», стр. 91. Изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1872.

[2] Н и в е П. «Отечественная война». Т. II, стр. 314. 1911.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

БАЗИЛЕВИЧ, К. В. проф., БАХРУШИН, С. В. проф., ПАНКРАТОВА, А. М., проф., ФОХТ, А. В., доц. «История СССР». Части I, II и III. Учебник для VIII, IX и X классов средней школы. Под ред. проф. А. М. Панкратовой. Учпедгиз. М. 1940. 300 000 экз. (Институт истории Академии наук СССР).

Выход в свет учебников по истории СССР для VIII, IX и X классов средней школы представляет значительное событие на нашем историческом фронте.

До настоящего времени средняя школа располагала лишь «Кратким курсом истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова, вышедшим в 1937 году. Последний ознакомил школьника с марксистским пониманием истории СССР и положил начало созданию учебной литературы по истории СССР. Но, рассчитанный на младшие классы средней школы, он содержит лишь минимальную сумму исторических сведений.

Настоящим изданием заполнен важный пробел в учебной исторической литературе. Можно сказать, что теперь выполнено решение партии и правительства: средняя школа получила учебник по истории нашей родины с древнейших времен и до наших дней. Авторский коллектив и редактор дали в объеме требований школы хорошо продуманный, подлинно марксистский, высококачественный учебник по истории СССР. В основу своей работы они положили руководящие указания партии и правительства по вопросам преподавания истории: постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. и от января 1936 г., замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова, «Постановление жюри Правительственной комиссии» по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР.

В постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. говорится, что курс истории должен «обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»[1].

Все изложение учебника органически пронизано марксистским анализом, освещено многочисленными высказываниями классиков марксизма-ленинизма, удачно введенными в текст, и непосредственно опирается на конкретный исторический материал.

Авторы дают необходимый запас знаний по всем основным вопросам гражданской истории. Ряд ярких моментов истории СССР: Куликовская битва, народные восстания XVII в., деятельность Петра I, Отечественная война 1812 г., рабочее движение XIX в. и др.— очерчен увлекательно и хорошо запечатлевается в памяти.

Удачно выделено в учебнике героическое прошлое нашей страны, моменты национального подъема в годы борьбы с вражеской агрессией. Такова история борьбы с татарской и немецко-рыцарской агрессией в XIII — XV вв., с польско-шведской интервенцией в начале XVII в., борьба украинского народа против польского гнета, грузинского народа — за свою независимость, войны со шведами при Петре I, Отечественная война 1812 года.

Героика революционной борьбы составляет вторую большую тему в освещении учебника истории СССР как в истории русского народа, так и в истории других народов СССР. Хорошо показана история народных крестьянских движений XVII в.; в XVIII в., восстания под руководством Булавина и Пугачева, а также и восстания башкир, колиивщина на Украине; в XIX в.— восстание декабристов, народные движения в Средней Азии, крестьянское движение 60-х гг., рабочее движение 70-х и 80-х гг. и др.

Авторы сумели соблюсти правильную историческую перспективу в раскрытии конкретного, реального содержания рассматриваемых событий.

В соответствии с указаниями жюри (п. 12, «г») авторы в истории крестьянских движений XVII и XVIII вв. не забывают показать и то, «что крестьяне вне руководства рабочего класса были способны лишь на стихийные и неорганизованные движения».

Говоря о героизме русского солдата, учебник в то же время показывает, как несмотря на этот героизм Россию часто били «за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»[2]. Впрочем, в главе XI второй части учебника это положение могло бы быть сформулировано еще резче и отчетливее.

[1] «К изучению истории». Сборник, стр. 18. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

[2] Там же, стр. 33.

го, а реального усиления тверского и московского князей и поэтому старались их взаимно ослабить. Вопрос о великом княжении Владимирском имеет свою историю; но теоретическая сторона вопроса и ее историографические корни в школьном учебнике не могли быть даны, поэтому и общая конструкция повисла в воздухе.

В ходе конкретного повествования эта тема также не нашла себе места. Глава IX (ч. I) содержит характеристику феодального землевладения в XIV—XV вв. и положения крестьянства за тот же период, наконец, историю Новгорода и Пскова, включая XV век. Захватывая и XV в., содержание главы фактически выходит за хронологические рамки существования великого княжения Владимирского. Последнему посвящены лишь два небольших абзаца на стр. 95. Нам казалось бы более правильным объединить главы IX и X под общим заголовком «Начало политического объединения Северовосточной Руси и возвышение Москвы». К тому же и самое возвышение Москвы едва ли следует рассматривать как самостоятельную тему и отделять от основного процесса начинающегося политического объединения.

Разбирая другой большой вопрос — определение хронологических рамок периода «Разложения крепостничества и зарождения капитализма» в России,— авторы учебника непосредственно связали начало нового периода с началом французской революции. В учебнике для высшей школы этот период относится к началу XIX века. Этот вопрос, на наш взгляд, требует еще дальнейшей разработки.

Во второй части учебника, в главе IX, содержится характеристика не только внешней политики Николая I, но также характеристика и общественных движений 30—40-х гг. и состояния культуры в эти годы. Между тем глава эта носит заголовок «Царизм — жандарм Европы». Нельзя под такой заголовок подводить общественные движения, проникнутые радикальными и даже революционно-демократическими устремлениями, направленными против царизма. Кроме того неправильно характеристику царизма, как жандарма Европы, относить только к царствованию Николая I: ее следует распространить на всю политику царизма, начиная от Венского конгресса.

В части I учебника вызывают сомнения отдельные определения. Так, на стр. 38 авторы объясняют договор 945 г. с греками стремлением греков избежать повторения набегов русов, между тем изменение договора 911 г. связано с поражением русов. Едва ли стоило сохранять старую терминологию — «Ярослав Мудрый» (стр. 42). На стр. 48 положение смердов слишком непосредственно отождествляется с положением холопов. Упрощена и характеристика Любечского съезда: торжество вотчинного начала было результатом внутренних изменений и источником дальнейших феодальных войн, между тем в учебнике постановление съезда толкуется как средство «для прекращения феодальных усобиц» (стр. 50).

Политика Андрея Боголюбского (стр. 61), а затем и Всеволода Большое Гнездо представляется уже как «попытка объединить в одно государство разрозненные русские княжества». Между тем на стр. 94 показывается процесс последовательного феодального раздробления Северовосточной Руси при сыновьях и внуках Всеволода. Последнее вполне понятно: ведь XII и XIII вв. — период растущего феодального дробления (в периодизации учебника это — даже начало дробления). В Северовосточной Руси этот процесс только несколько запоздал против Руси приднепровской; в общем же политика Всеволода во Владимире не столь сильно отличается от политики Ярослава в Киеве. Едва ли основательно искать уже в конце XII в. корни процесса феодального объединения, наступающего лишь со второй половины XIV века.

Частные замечания вызывает характеристика деятельности Ивана III. Не стоило поведение Ивана III в 1480 г. объяснять всецело его трусостью. Утверждение, что «при Иване III была организована сильная армия» (стр. 122), звучит слишком преувеличенно и модернизированно.

На стр. 145 (ч. I) при характеристике развития рыночных отношений в XVI в. говорится о предпосылках образования «всероссийского рынка», хотя о самом всероссийском рынке говорится лишь на стр. 172, с ссылкой на Ленина. Ленинское положение о всероссийском рынке воспроизведено недостаточно точно. Ленин говорит об экономическом объединении, которое «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1]. Таким образом, Ленин говорит о постепенно развивающемся процессе, авторы же говорят о законченном процессе: «В XVII в. произошло... слияние мелких рынков в один «всероссийский рынок» (ч. II, стр. 172).

Из частных вопросов необходимо отметить рассказ о смерти царевича Дмитрия в Угличе (стр. 152). История смерти Дмитрия пока еще является для историков темным местом, в учебнике же утверждается невиновность Бориса Годунова,— не следовало бы делать это в такой категорической форме.

Во II части приходится отметить прежде всего определение меркантилизма (стр. 25). Мы указали уже выше, что характеристика этой системы напечатана петитом. По содержанию она дана неполно, односторонне. Определение сущности меркантилизма сведено к вопросу о накоплении денег, а об идее развития национальной промышленности говорится вскользь, недостаточно четко.

На стр. 26 правильно подчеркнута ликвидация холопства, но совершенно забыто появление категории «дворовых людей», характеризующей крепостничество XVIII века.

---

[1] Ленин. Соч. Т. I, стр. 73. 1937.

Неудачная обмолвка получилась при определении просвещенного абсолютизма (стр. 50). Автор говорит, что просветители возлагали надежды на монарха и провозгласили «союз философов и королей». «Такая система, которая никогда не осуществилась в жизни и не могла осуществиться,— заключает автор,— получила название «просвещенного абсолютизма». Выходит, что просвещенный абсолютизм никогда не существовал. Надо сказать, что в следующем абзаце, характеризуя политику Екатерины II, автор прекрасно определил действительную сущность просвещенного абсолютизма.

На стр. 51 (ч. II) говорится, что Россия, Австрия и Пруссия были одинаково заинтересованы в захватах территории Польши. Думается, следовало бы объяснить прежде всего национальный характер притязаний России (вопрос об украинских и белорусских землях), а также и то, что инициаторами разделов Польши были Пруссия и Австрия.

На стр. 78 вызывает недоумение характеристика Новикова. Новиков изображен как масон. Лишь потом автор вспоминает о его сатирических журналах, но оставляет без указания, когда они издавались. Неудачна и самая трактовка масонства, чуть ли не отождествленного с вольтерианством. Так упрощать вопросы не следует.

В характеристике первой половины XIX в. останавливает на себе внимание изложение вопросов экономики. Она рассматривается трижды: в начале XIX в. (стр. 89—90), в связи с движением декабристов (стр. 121—123), в начале царствования Николая I (стр. 134—139),— к этому добавляется еще экономика национальных областей (стр. 112—113). Экономическую характеристику лучше было бы сконцентрировать. В частности едва ли правильно вводить в главу о декабристах особую характеристику экономики в качестве специального экономического обоснования движения. Движение декабристов представляло более сложное явление, связанное со всем развитием русского общества первой четверти XIX в., и авторы вынуждены были частично оговорить это на стр. 124 и 125.

Неудачно изложен указ о вольных хлебопашцах (стр. 90). В учебнике говорится, что «указом могли воспользоваться однако немногие». Авторы, видимо, имели в виду крестьян, но по ходу изложения неясно, идет ли речь о крестьянах или о помещиках. Самую характеристику указа и его значения следовало бы дать несколько полней и конкретней. При этом все изложение внутренней политики Александра I свелось к сухому перечислению, а административные реформы оказались оторванными от их инициатора Сперанского и от исторической обстановки, созданной Тильзитом.

Характеристика общественного движения 30—40-х гг. в целом дана полно и хорошо. Но нельзя согласиться с получившейся в учебнике идеализацией славянофилов (стр. 170).

Программа славянофильства характеризуется в учебнике лишь требованием отмены крепостного права и введения народного представительства да еще их верой в самобытный путь развития России с идеализацией сельской общины. При этом забыто, что отмена крепостного права сочеталась в программе славянофилов с сохранением патриархальных помещичьих прав на землю и крестьян, забыты и реакционные исторические взгляды славянофилов с их идеализацией русского прошлого и монархизм славянофилов. Из учебника не понять принципиальной разницы славянофильской программы и программы западников, более того, славянофилы до крайности сближены с Герценом.

Историческая наука первой половины XIX века представлена в учебнике лишь Карамзиным и Погодиным (стр. 172). Между тем развитие исторической науки этого периода нельзя характеризовать без Соловьева и Грановского. Они, а не Погодин характеризуют историческую науку 40—50-х годов.

На стр. 228 говорится: «Таким образом в 60-х—70-х гг. начинаются стихийные выступления рабочих в разных концах России». Это положение относится только к 70-м годам; в самом тексте нет ни одного факта, относящегося к 60-м годам.

Отмечу, наконец, неудачное определение прогрессивности капитализма на стр. 231. О прогрессивности капитализма говорится в «Кратком курсе», в плане противопоставления капитализма феодальному строю, и авторы учебника сказали об этом на стр. 75, ч. II. Видеть же прогрессивность капитализма в создании пролетариата — не более, как парадокс, создание пролетариата— могильщика буржуазного общества — выражает внутреннюю порочность и внутреннее противоречие капиталистической системы, а не ее прогрессивность.

Мы не останавливаемся на мелких промахах, частично даже стилистического порядка, которые легко могут быть устранены.

Остановимся еще только на генеалогических таблицах, приложенных к тексту. В таблицах ко II части несколько путает указание в нисходящей линии царских жен, правивших (Екатерина I) и никогда не правивших, как Мария Милославская, Наталия Нарышкина, Евдокия Лопухина. В результате по генеалогической таблице можно принять, скажем, Елизавету за внучку Петра I и т. д. Эту систему изображения следовало бы пересмотреть. Излишне вносить в таблицу сына Николая I — Константина — или сына Александра II — Сергея: они не царствовали, а самый состав царской фамилии ими не исчерпывается; получается впечатление известной случайности.

Заслуживает одобрения внешний вид учебников. Они оформлены так, что по ним легко и хорошо работать; написаны прекрасным литературным языком, обильно снабжены картами, часть которых выполнена в красках, и дают школьнику наглядное представление об изучаемых фактах. Текст снабжен также многочисленными, хорошо исполненными иллюстрациями, причем обращает на себя внимание тщательность

их выбора, отказ от дешовых эффектов, строгая историчность в самом отборе иллюстративного материала.

Можно поздравить и авторов, и наших школьников, и педагогов с выходом в свет марксистского учебника.

Н. Рубинштейн

Третья часть учебника посвящена истории СССР в XX в., истории первой и второй буржуазно-демократических революций в России, свержению самодержавия, ликвидации власти буржуазии и победе Великой Октябрьской социалистической революции, борьбе за укрепление диктатуры пролетариата, за победу социализма в СССР. Таким образом, изложение гражданской истории доведено в буквальном смысле слова до наших дней.

Следует отметить, что в последнем разделе — «СССР — страна социализма»,— говоря о борьбе СССР за мир в условиях второй империалистической войны, авторы осветили и такие события, как воссоединение Западной Украины с УССР и Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, война СССР с белофиннами, мирное разрешение советско-румынского конфликта, вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР в качестве союзных социалистических советских республик.

Учебник начинается разделом «Первая буржуазно-демократическая революция», в котором излагаются события начиная с кануна революции, с перехода России к империализму и доводятся до начала империалистической войны. Россия в мировой империалистической войне и февральская революция составляют следующий раздел — «Вторая буржуазно-демократическая революция». Вслед за тем идет тема «Великая Октябрьская социалистическая революция», изложению которой авторы отводят несколько глав. Не останавливаясь на перечне дальнейших разделов, скажем, что эта рубрикация очень удачна, так как она объединяет материал многих глав одной общей идеей, фиксирует внимание и ученика и учителя на проблеме, выяснению которой служит материал нескольких глав. В учебнике хорошо выяснена глубокая, принципиальная разница между буржуазными революциями в России и Октябрьской социалистической революцией.

Работе над созданием учебника в большой степени помогло «Постановление жюри Правительственной комиссии» в связи с итогами конкурса на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР. В этом документе, опубликованном свыше 3 лет назад, были подведены итоги выполнения историками указаний И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова и решений Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании истории; наряду с достижением на историческом фронте в решении жюри указывалось на ряд «общих недостатков, кои должны быть устранены как в дальнейшей работе по изучению истории СССР, так и в преподавании истории в школе».

Наибольшее количество этих недостатков замечено было как раз по новейшей истории СССР. В решении жюри отмечалась необходимость проследить влияние экономической и политической отсталости России на весь ход истории страны, в частности на ход империалистической войны, показать на конкретном историческом материале зависимую роль как русского царизма, так и русского капитализма от западноевропейского капитала; дать правильную характеристику классовой природы русского самодержавия, когда развитие русского государственного строя шло в сторону превращения его в буржуазную монархию; показать Великую Октябрьскую социалистическую революцию как освободительницу России от полуколониального положения; полнее показать международный характер социалистической революции в России и ту общественную перестройку, которая произошла в стране в 1917—1920 гг., и т. д.

Указания жюри были восприняты историческим фронтом как боевая программа и в исследовательской работе и особенно при написании учебников. Затем во время работы над учебником вышла «История ВКП(б)» — сталинский «Краткий курс», в котором даны не только методологические указания, но и решение важнейших проблем истории СССР.

Можно с удовольствием отметить, что указания «Краткого курса» и решения жюри получили в рецензируемом учебнике практическое, действенное преломление. Посмотрим для примера, как разрешен в учебнике вопрос об экономической отсталости России и ее зависимости от западноевропейского империализма. Первая глава учебника — «Канун революции»—начинается с изложения перехода русского капитализма в империализм, с выяснения особенностей русского империализма. Правильно отмечается финансовая зависимость русских банков от иностранных, ввоз иностранного капитала в Россию, начавшийся процесс подчинения крупных предприятий России иностранным капиталистам, рост внешней задолженности царизма. Вывод учебника— о зависимости русского капитализма и царизма от западноевропейского империализма — мотивирован, обоснован, легко запоминается. В учебнике правильно указывается, что наряду с империализмом в царской России было очень много крепостнических пережитков, что существовали военно-феодальные методы эксплоатации, что именно русский царизм Ленин и Сталин называли «военно-феодальным империализмом» (см. стр. 4).

Освещение вопроса об империализме в России в связи с предпосылками русской революции 1905—1907 гг. дает правильную установку к изучению революции 1905 г., как первой революции эпохи империализма. Еще более обстоятельно, с большим количеством фактического материала, проблема русского империализма рассматривается в главе IV, посвященной революционному подъему 1912—1914 годов. Росту монополистического капитализма в России отведен специальный параграф (стр. 91—94), в котором подведены итоги капиталистического

развития России за первое десятилетие XX в., когда «происходило окончательное превращение капитализма в монополистический капитализм». Этот вывод подтверждается (стр. 92) материалом о росте концентрации промышленности, банков, рабочего класса, о развитии синдикатов, о зависимости промышленности от банков, о росте магнатов финансового капитала в текстильной промышленности и т. д.

Приведя ряд данных об усилении зависимости системы монополистического капитализма России от иностранного капитала, авторы убедительно и ярко показывают отсталость русской промышленности. Наряду с удачно подобранными цитатами из сочинений В. И. Ленина учебник обобщает большой историко-экономический материал (стр. 94—96).

«Столыпин и министр финансов Коковцев,— говорится в учебнике,— широко практиковали займы у парижских банкиров и гостеприимно раскрыли двери иностранному капиталу. При помощи французского и английского золота они надеялись отстоять помещичье землевладение и царскую власть в стране, в которой быстро развивался капитализм. Для уплаты процентов по займам царизм ежегодно выколачивал из населения сотни миллионов рублей (196 млн. в 1913 г.). Довоенный государственный долг достиг 8800 млн. рублей. Главным кредитором царской России до войны была Франция.

В царской России не было вовсе ряда ведущих отраслей промышленности» (стр. 95). Дальше перечисляется, каких именно.

При освещении хода военных операций во время мировой войны и развития революционного движения авторы удачно показывают связь всех сторон гражданской истории страны с промышленной и экономической отсталостью (стр. 112, 117 и т. д.).

Таким образом, одно из важнейших указаний жюри получило в учебнике достаточно полное и правильное освещение. Что касается классовой природы царизма в период столыпинщины, то она дана также с учетом ленинских положений и указаний жюри (стр. 71—72). Царское правительство сделало второй шаг в сторону буржуазной монархии, укрепив блок помещиков с контрреволюционной буржуазией (выражением этого блока и была III государственная дума).

При изложении аграрной реформы рассмотрено положение сельского хозяйства, разрушение общины и насаждение хуторского хозяйства и переселение крестьян. По всем этим вопросам дана правильная трактовка и приведен фактический материал (стр. 73—78).

Язык учебника простой, ясный, убедительный, местами даже образный. Авторам удалось дать освещение именно гражданской истории, которая включает и вопросы экономики и вопросы культуры. Естественно, авторы уделяют большое внимание революционному движению, развитию и деятельности большевистской партии, ее виднейших представителей. Но одновременно авторы не упустили и рассмотрение такого важного вопроса, как вопрос о развитии производительных сил, дали личные характеристики, отметили важнейшие факты военной истории и т. д. В главе, посвященной империалистической войне, читатель найдет описание важнейших военных операций на фронте, отношения к войне различных классов и создания буржуазных организаций (Земгор, военно-промышленные комитеты и т. д.).

Очень интересен раздел учебника, посвященный Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 135—207). Ярко и живо изложены восстания в Петрограде и Москве. В учебнике показано также и развитие национально-освободительного движения народов России, показана органическая связь событий, на фактическом материале прослеживается обусловленность борьбы народных масс, вскрывается классовый характер национальной политики Временного правительства.

Такой метод освещения истории народов типичен для учебника, и его следует целиком одобрить. Авторы не допускают дробления исторического процесса, искусственного выделения и обособления исторических явлений в жизни отдельных народов, а рассматривают их в связи с крупнейшими историческими событиями всей страны, в связи с изложением общеисторического процесса. В главе «Триумфальное шествие советской власти» рассказывается об укреплении советской власти на местах, об освобождении угнетенных народов и борьбе за советскую власть на Украине, в Белоруссии, на Кавказе, в Прибалтике и т. д.

Гражданская война показана как общенародная война народов СССР под руководством партии Ленина — Сталина против иностранной интервенции и белогвардейщины, показаны герои гражданской войны, хозяйственное и советское строительство. Особая глава посвящена гражданской войне на окраинах. Весь раздел занимает почти 60 страниц (стр. 209—268).

Более сжато и даже бегло изложено социалистическое строительство после перехода на мирную работу. В этих главах (например в XIV и XV) вопрос индустриализации окраин, ликвидация экономической отсталости у народов СССР изложены слишком бегло и недостаточно. Весь этот раздел (1921—1929 гг.) занимает в учебнике меньше места чем каждый из двух предыдущих разделов. То же самое и относительно года великого перелома. Следовало бы хотя кратко указать на особенности борьбы за коллективизацию по отдельным крупнейшим районам страны и особенно в национальных республиках.

Итогам первой пятилетки в национальных республиках в учебнике отведено всего лишь несколько строк, которые не дают конкретного представления ни о количественных, ни о качественных изменениях в этих республиках (см. стр. 322). Тем же

недостатком страдает и глава о второй пятилетке.

Социалистическое строительство в области промышленности и сельского хозяйства сведено лишь к короткому изложению итогов второй пятилетки по отдельным отраслям промышленности (стр. 326—328). Совсем не показано, как изменилось лицо национальных республик в результате второй пятилетки, какая огромная работа была проведена там, как выглядят промышленность и сельское хозяйство, какая специализация в хозяйственной жизни сложилась или наметилась. Эти вопросы даже не рассмотрены. Вопросам культуры при советской власти уделено также слишком мало внимания. В этом, на наш взгляд, один из существенных недостатков учебника, который следует устранить в новом его издании. В учебнике достаточно подробно учитывались данные об историческом развитии народов в предыдущие периоды их истории, тем больше это следует сделать в период победы социализма, когда хозяйственные, культурные и политические связи между русским народом и братскими народами неизмеримо окрепли.

Учебник хорошо отредактирован, но все же в нем встречаются некоторые фактические неточности, поэтому в дальнейшем следует обратить тщательное внимание на «мелочи», на выверку фактического материала и уточнение ряда формулировок. Например на 3-й странице III части учебника нужно уточнить действительно ли к концу XIX века в промышленности и банках России было вложено свыше 1 млрд. руб. иностранных капиталов. Различные исследователи определяют эту сумму для 1900 г. от 765 млн. до 911 млн. рублей. Грановский в работе «Монополистический капитализм» определяет в 762 млн. руб., включая и 56,5 млн. руб. иностранных капиталов в банках; Эвентов в своей работе «Иностранные капиталы в русской промышленности» — в 628 млн. руб. (только в промышленности). Явным преувеличением страдает формулировка, будто к началу XX в. «почти все русские банки» были подчинены европейским банкам.

На стр. 24 в учебнике сказано, будто Япония по симоносекскому миру захватила Ляодун и Корею и лишь в результате вмешательства России, Германии и Франции отказалась от захвата Кореи. Эту формулировку следует уточнить, так как по симоносекскому миру Китай должен был признать независимость Кореи, а Япония отказалась лишь от захвата Ляодуна; на стр. 26 говорится, будто японские эсминцы пробрались в военную гавань Порт-Артура, между тем пробираться в эту гавань не было необходимости, так как суда стояли не в гавани, а на внешнем рейде, и без прикрытия; там же говорится, будто адмирал Макаров — сын матроса. Макаров родился в 1848 г., когда его отец служил прапорщиком в морской исправительной роте в Николаеве. Едва ли следует объяснять разгром русского флота под Цусимой (стр. 38) изменой и трусостью командования. «Измену» нельзя приписать Рожественскому. Не совсем точно сказано о Мясоедове, будто он работал до империалистической войны в военном министерстве (стр. 113). Он работал в жандармерии и в военное ведомство был принят Сухомлиновым только во время войны. Сухомлинов рассматривается в учебнике как шпион: «...в шпионаже был уличен военный министр». Между тем нельзя сказать, чтобы шпионаж Сухомлинова был доказан и обоснован. Все это, конечно, мелочи, но лучше подобные шероховатости устранить из учебника. Следует пожелать, чтобы в учебнике были даны по крайней мере две карты: карта Российской империи и карта СССР со всеми союзными республиками. В учебнике много картограмм и диаграмм, но нет ни карты СССР, ни карты бывшей царской империи.

В целом же следует сказать, что учебник является хорошим и ценным пособием для нашей средней школы. Учебник, несомненно, поможет поднять преподавание истории в школе, сыграет большую положительную роль в воспитании советского патриотизма среди молодежи, подымет интерес к произведениям классиков марксизма-ленинизма и исторической литературе. Учебник может служить полезным пособием при изучении истории ВКП(б) и найдет широкий круг читателей среди советской интеллигенции, рабочих и колхозников.

А. Сидоров

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

БРЮСОВ А. История древней Карелии. «Труды Государственного Исторического музея». Вып. IX. М. 1940. 320 стр. 28 р. 50 к.

На основании довольно обильных археологических материалов, которые автор собирал в течение ряда лет, в книге описывается процесс заселения Карелии и развития на ее территории неолитических культур вплоть до появления бронзы.

Книга распадается на два раздела, резко различающиеся по характеру. Первый раздел состоит из введения и шести глав. Написанный весьма литературно, он дает картину заселения и ранней истории Карелии в общедоступной форме.

Автор доказывает, что заселение Карелии началось в половине третьего тысячелетия до начала нашей эры и шло главным образом с юга. Сходство неолитических предметов окских стоянок с предметами карельского неолита столь велико, что может быть понято только исходя из гипотезы заселения Карелии с юга, из Средней России. Племена, двинувшиеся в период наиболее мягкого климата на север, заселили не только Карелию, но в дальнейшем поступательном движении и Финляндию.

Первые насельники севера были вначале рыболовами, а потом уже охотниками. Ранние стоянки Карелии, как правило, располагаются по берегам рек и особенно часто озер, в местах, удобных для рыбной ловли. Во втором тысячелетии до нашей эры отмечается рост населения, сопровождающийся освоением новых пространств, вплоть до Беломорского побережья. Одновременно с процессом освоения севера шло активное приспособление первобытных рыболовов и охотников к новым для них условиям жизни и выработка комплекса вещей, именуемого автором «карельским комплексом».

Глава IV, трактующая петроглифы Карелии, лучшая в книге. Если публикация этих замечательных памятников стоит далеко позади издания В. И. Равдоникаса, то в интерпретации А. Я. Брюсов делает некоторый шаг вперед. Ему удается связать анимистические верования в «духов-хозяев» и древние мифологические представления, отголоски которых сохранились в «Эдде» и «Калевале», с изображениями Ладожского озера и таким путем приблизиться к верному пониманию петроглифов.

В последних главах автор прослеживает появление металлургии на территории Карелии и доказывает, что гипотеза временного обезлюдения севера, выдвинутая некоторыми скандинавскими учеными, неосновательна.

Достоинством первого раздела рецензируемой работы можно считать не только новизну темы, литературное изложение, но и довольно обильное использование этнографических данных, к сожалению, обычно игнорируемых в археологических работах. Необходимо отметить, однако, что автор не всегда критически подходит к используемому материалу, выдавая подчас за этнографические факты явный вымысел. Например на стр. 59 приводятся следующие цитаты, заимствованные в одном из изданий Академии наук: «Загнанного и измученного зверя (лося) настигает охотник, имеющий с собой нож, укрепленный на палке; охотник катится сверху и втыкает нож в спину зверя и катится дальше; лось старается копытом вынуть нож и разрезает себе шею, а охотник стороною снова взбирается на лыжах, чтобы сверху скатиться к зверю» [1].

Откуда бы ни был заимствован этот рассказ, ему не место в научном историческом труде. Неприятное впечатление оставляет манера автора мимоходом, одной фразой, разрешать сложные проблемы, лежащие вне поля его исследований (таков, например, вопрос о тотемизме, стр. 83). Весьма неубедительна попытка доказать наличие скотоводства (оленеводства) в древней Карелии в эпоху бронзы. Никаких находок, подтверждающих мнение А. Я. Брюсова, нет, и потому он прибегает к следующему рассуждению: возникновение металлургии повсеместно предполагает развитое скотоводство; Карелия знала бронзолитейное дело уже к началу первого тысячелетия; следовательно, там должно было существовать скотоводство. Подобные силлогизмы неприменимы в научном труде. Заимствование бронзолитейного дела могло быть сделано и, безусловно, делалось народами, не знавшими скотоводства, и поэтому нельзя по наличию бронзы заключать о наличии скотоводства. Впрочем, А. Я. Брюсов пытается подтвердить свое умозаключение еще одним аргументом. На обломках керамики из стоянки Томицы заметны отпечатки ткани из плот-

---

[1] Дается ссылка на «Бухтарминские старообрядцы». Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР. Вып. 17-й, серия Казахстанская. Ленинград. 1930, стр. 148.

ных нитей (стр. 133). Ссылаясь на экспертизу, автор утверждает, что нити эти были шерстяными, а следовательно, обитатели древней Карелии знали оленеводство (стр. 133—134). Однако в примечании сам А. Я. Брюсов опровергает эту экспертизу, говоря, что «ткань эта была льняною» (стр. 166). Вообще следует отметить, что последние две главы значительно слабее предшествующих и могли быть без ущерба для работы значительно сокращены или вовсе опущены.

Бóльшее научное значение чем рассмотренные главы имеет второй раздел труда, содержащий фактические материалы по древней истории Карелии. Он состоит из обширнейшей (369 названий), подробно аннотированной библиографии археологии Карелии, подробнейшего, с аннотациями и рисунками, списка археологических памятников севера европейской части СССР, описания раскопанных автором, впервые публикуемых стоянок Карелии и шести археологических карт севера. Все эти материалы чрезвычайно важны для исследователей истории севера, и опубликование их можно только приветствовать.

В общем книгу А. Я. Брюсова, несмотря на весьма серьезные недочеты и некоторую растянутость, следует отметить как положительное явление.

А. Золотарев

СПАНДАРЯН С. (Тимофей). Статьи, письма, документы. Государственное издательство политической литературы. Ереван. 1940. 410 стр. 6 руб. (Истпарт при ЦК КП(б)А).

11 (24) сентября 1916 г. в далекой сибирской каторге умер непримиримый большевик, ленинец, верный ученик Ленина и Сталина,—Сурен Спандарян (Тимофей). Пламенный революционер, страстный борец за пролетарскую революцию, ненавидевший оппортунистов и всю свою жизнь разоблачавший их, он умер еще молодым, 34 лет.

Сурен Спандарович Спандарян родился 3 (15) декабря 1882 г. в Тифлисе, в семье редактора консервативной армянской газеты «Нор дар» («Новый век»).

Еще в юные годы, на школьной скамье, Сурен принимал участие в ученических марксистских кружках и в 1902 г. вступил в тифлисскую организацию РСДРП, возглавляемую тогда товарищем Сталиным.

С осени 1902 г., будучи студентом Московского университета, С. Спандарян участвовал в краснопресненской социал-демократической организации и вел большую революционную работу. Во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве революционер Спандарян отложил книги и с оружием в руках дрался на баррикадах Пресни. Революционная деятельность Сурена не осталась не замеченной властями: весной 1906 г. под предлогом невзноса платы за ученье Сурен был исключен из университета. Его образование осталось неоконченным.

Вернувшись в Закавказье, Сурен с головой ушел в партийную работу в различных районах Закавказья, в том числе в Баку, где в 1907 г. работал товарищ Сталин.

Особое внимание уделял Сурен борьбе против заклятых врагов армянского народа — армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн», а также против меньшевиков. «Больше чем самодержавие я ненавижу меньшевиков»,— говорил Спандарян в одной из своих речей. В 1907 г. в другой речи, обращаясь к меньшевикам, он сказал: «Мы ждем от вас, меньшевиков, еще большего предательства, вы способны на большие подлости, потому что вы перестали думать об интересах рабочих, потому что вы не верите в революцию и в ее победу. Но революция жива, и она отбросит со своего пути всех гнусных оппортунистов, пытающихся приостановить ее шествие» (стр. 380).

В 1906 г. Сурен писал о дашнаках: «Эта партия, являющаяся механическим агрегатом, какой-то невероятной смесью буржуев и рабочих, крестьян и крепостных, помещиков, эксплоататоров и эксплоатируемых,— эта гермафродитная партия чисто национального шовинизма и quasi социализма всячески мешает организации рабочих союзов и устраивает самые дикие обструкции при содействии своих жалких и обманутых «зинворов» (дружинников)» (стр. 25). Пророчески предсказывал Спандарян: «Но тщетны усилия А. Р. Дашнакцутюн. День победы демократизма будет последним днем «Дашнакцутюн» (стр. 26).

Осенью 1906 г. Спандарян руководил крупной забастовкой рабочих французской концессии в Алаверды. С 1907 г. по указанию Кавказского большевистского областного комитета Сурен работал в Баку.

Спандарян вместе со своим другом Степаном Шаумяном организовал издание армянской газеты «Орер» («Дни»), а также принимал самое активное участие во всех бакинских большевистских изданиях. В коротких темпераментных статьях Спандарян обращает внимание рабочего класса на все важнейшие проблемы внутренней и внешней политики царизма, ставя их в непосредственную связь с интересами пролетариата. Еще в 1906 г. в ряде статей в «Кайце» он разоблачает подлинный антинародный характер Государственной думы («Волна революции подымается», «Из тактических вопросов», «Вокруг думы», «О конституционных иллюзиях» и т. д.).

Спандарян рассматривал думский вопрос в тесной связи с международным положением и доказывал, что царизм вел свою политику в согласии с европейской реакцией и с помощью ее. «Пролетариат непосредственно заинтересован во внешней по-

литике государства,— писал он,— и его мощный голос, его сильная рука должны воздействовать также на ту или иную тактику в международных вопросах. Безразличие в этих вопросах — преступление, измена интересам народа, страны» (стр. 45).

Не меньшее внимание уделял Спандарян аграрному вопросу и взаимоотношениям с крестьянством. Общеизвестна та огромная и плодотворная работа, которую провели закавказские большевики в деревне. Она получила высокую оценку Ленина. Немалая заслуга и тут принадлежит Спандаряну. В статьях, посвященных крестьянскому вопросу и аграрной политике самодержавия, Спандарян пропагандировал ленинско-сталинские принципиальные положения аграрной политики большевиков. В статье «Наша роль в деревне» Спандарян писал: «Наши «национальные партии», которые разделили армянское крестьянство между собою, которые «организовали» и «просветили» наши села плетью, оружием и экзекуциями,— все время притупляли сознание пролетарских элементов деревни и превратили армянское крестьянство в «мирнейшую», безропотную массу... Товарищи социал-демократы должны освободить сельский пролетариат от влияния этих партий, должны объяснить буржуазную сущность идеи «трудового крестьянства», «армян-христиан» и других чисто-националистических идеалов... Вместе с тем мы никогда не должны забывать и роли крестьянства, как сословия, в отношении к этой революции, притом как сословия угнетенного и эксплоатируемого, и потому наш долг революционизировать деревню в целом» (стр. 74—75).

В 1907 г. Спандарян писал и в газете «Бакинский пролетарий» и в армянской газете «Орер» под различными псевдонимами («Т.», «С. Сп—ян»). Особо следует отметить его выступление против врагов рабочего класса — эсеров и анархистов. Он писал: «За последнее время в рабочих массах имеет успех проповедь грубой силы, бомбы, кинжала, так называемая проповедь действием... Такая проповедь, проповедь такого действия—не что иное, как стрижка мелкобуржуазной идеологии и она очень и очень далека от подлинного пролетарского социализма» (стр. 90—91).

Большая и кипучая работа Сурена не могла пройти бесследно для глаз охранки. Охранка отметила Спандаряна как революционера, крайне опасного для самодержавия, и «видного деятеля РСДРП». За ним долго охотились шпики, и в 1907 г., в мае, он был арестован; но узнать его охранке не удалось, и через 20 дней он был выпущен.

Столыпинская реакция свирепствовала... Лучшие большевики были арестованы и посажены в тюрьму. Осенью 1910 г. Спандарян был выслан за пределы Бакинской губернии. Он переехал в Тифлис, где вел борьбу против ликвидаторов и всех течений, разлагающих пролетариат. Спандарян выступал и в легальной печати под псевдонимом «С. Ольгин», «Изгой».

По инициативе Спандаряна в 1910 г. стала выходить легальная газета «Листок-копейка».

Одновременно ведя огромную работу по укреплению нелегальной партийной организации, Сурен боролся за партийность и высокую принципиальность в любом, самом мелком вопросе. В статье «О партийности и беспартийности» он писал: «Общественный деятель без определенного социально-политического лица—это, по выражению немцев,—пустая кишка, которую чем угодно можно набить; это флюгер, поворачивающийся по направлению ветра; это **ничтожество, на которое все и вся может** влиять, наконец, это — **отвратительнейший оппортунист**, вся политика которого сводится к приспособлению к моменту» (стр. 244. Разрядка моя.—*Ц. А.*)

Все вопросы современности: театр, искусство, литература, школьное дело, вопросы воспитания — находили свое место в публицистической деятельности Спандаряна. И в освещении всех этих вопросов Спандарян оставался тем же боевым революционным, партийным, большевистским публицистом. Это был подлинный ученик Ленина и Сталина. Именно поэтому так ненавидели его враги большевизма.

Меньшевики утверждали, что «если поскоблить ум Тимофея, то там можно найти только мысли Ленина». Рабочие Баку, Тифлиса именно за это ценили Сурена и доверяли ему.

В 1912 г. на Пражской партийной конференции, где Сурен был представителем от бакинских большевиков, он был избран в Русское бюро ЦК, сформированное под руководством товарища Сталина. Через провокатора Малиновского деятельность Спандаряна как члена русского ЦК стала известна полиции, и Спандарян был арестован, осужден на пожизненную ссылку в Сибирь и выслан по этапу в Енисейскую губернию. Больного пороком сердца большевика, измученного тяжелой нелегальной работой, царская охранка постаралась окончательно добить.

Письма Сурена с дороги к жене и близким нельзя читать без волнения. Несмотря на ужасные условия в пути он сохранял бодрое настроение и всячески ободрял жену, оставшуюся с маленькими детьми на руках. Из красноярской тюрьмы он писал: «...Здесь всякие гнусы и гниды безнаказанно меня едят; все тело исцарапано и окровавлено. Настроение бодрое, веселое, хорошее. Да здравствует жизнь! И мы еще повстанем, нечего унывать. Бывает похуже. А по сравнению с другим — мои неприятности сущие пустяки» (стр. 303).

В условиях тяжкой туруханской ссылки в с. Монастырском Спандарян не переставал работать над собой, настоятельно требуя присылки нужных ему книг. Он писал жене: «Еще раз прошу книги по истории, экономике, философии и т. д. и т. п.

Газеты и журналы. Иначе погибнешь в этой ночи» (стр. 306—307).

Во время начавшейся империалистической войны Сурен остался на ленинских позициях. Вместе с товарищем Сталиным, который жил в 175 верстах от Монастырского, в селе Курейка, Спандарян поддерживал ленинские тезисы о войне. Письма товарищей Сталина и Спандаряна к Ленину дышали ненавистью к предателям из II интернационала.

В конце июля на заседании ссыльных членов Русского бюро ЦК РСДРП и членов большевистской фракции IV думы, посвященном судебному процессу над членами большевистской фракции, Сурен выступил с резкой речью против оказавшегося впоследствии врагом народа Л. Б. Каменева, назвав его речь «речью либерального адвоката» (стр. 393).

Сурен был глубоко уверен в приближении революции, и, тяжело больной, при смерти, он просил В. Швейцер, товарища по ссылке, «написать Сталину, что революция в России уже созрела, что царская армия разлагается, что «революция стоит у порога 17 года...» Уже в вагоне в бреду он повторял: «Становитесь под знамя Ленина!» (стр. 395).

11 (24) сентября 1916 г. в красноярской городской больнице от развившегося тяжелого порока сердца умер Сурен Спандарян. Похороны его состоялись под надзором полиции на красноярском кладбище для ссыльных (см. стр. 395).

Сборник «С. Спандарян. Статьи, письма, документы» представляет большой интерес и весьма полезен при изучении истории большевистских организаций Закавказья, созданных товарищем. Сталиным, а также при изучении истории нашей страны и, в частности, Кавказа в 1905—1912 годах.

Госполитиздат сделал хорошее и полезное дело. Книгу эту мы горячо рекомендуем каждому историку и читателю, изучающему историю ВКП(б) и историю нашей родины.

Но весьма печально, что столь ценная книга издана неряшливо и небрежно. Она изобилует огромным количеством опечаток (хотя в конце книги отмечены только 2 опечатки). Опечатки местами искажают текст и заставляют читателя недоумевать и сомневаться в элементарной грамотности работников издательства, выпускавших книгу (технический редактор — С. Хачатрян, корректор — А. Долуханян, контрольный корректор — Л. Абовян).

В сборнике, между прочим, ошибочно приписывается Спандаряну авторство листовки ЦК РСДРП «За партию». Эта листовка, как установлено Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), написана товарищем Сталиным.

Жаль также, что в сборнике не приведены речи Спандаряна, произнесенные им в 1907 г. против меньшевиков, выдержки из которых приведены в «Основных вехах жизни» (см. приложение к сборнику), а также письма Спандаряна к Ленину, о которых упоминается в «Основных вехах».

Ц. Аронович

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

КЕРЖЕНЦЕВ П. История Парижской коммуны 1871 года. Соцэкгиз. 1940. 550 стр.

Парижская коммуна 1871 г. принадлежит к числу таких исторических тем, которые всегда привлекали и будут привлекать к себе пристальное внимание историков-марксистов. Это понятно, как понятно и то, что буржуазные историки сознательно игнорировали и игнорируют эту тему. Не удивительно, что центр изучения Коммуны находится в СССР, осуществившем те великие идеалы, за которые сражались и умирали парижские революционные рабочие в 1871 году. За 23 года, истекшие со времени Великой Октябрьской социалистической революции, в деле изучения и популяризации истории Парижской коммуны в нашей стране сделано во много раз больше чем за все 70 лет, прошедших со времени Коммуны, в буржуазных странах, в том числе и во Франции.

Книга покойного П. М. Керженцева, видного литератора-большевика [1],— новый вклад в обширную советскую литературу по истории Коммуны. Выход в свет этой книги надо признать весьма своевременным: давно назрела потребность в таком труде, обобщающем результаты многолетней исследовательской работы советских историков (проф. О. Л. Вайнштейна, С. Б. Кана, А. И. Молока и некоторых других), занимавшихся изучением тех или иных сторон или проблем истории Коммуны. Однако значение работы П. М. Керженцева состоит не только в этом: его книга, с одной стороны, как бы подводит итог исследовательским работам в этой области, а с другой стороны, во многих своих частях и сама представляет серьезный исследовательский труд. В предисловии к книге автор заявляет, что задачей его явилось «дать общий очерк истории Парижской коммуны в ее основных этапах и элементах», и добавляет, что он «более подробно останавливается на менее освещенных (или вовсе не освещенных) вопросах или сторонах Коммуны и более сжато характеризует те проблемы, о которых уже имеются новые советские работы (например, о германской интервенции, о Французском банке, об искусстве, о школе и пр.)» (стр. 4).

---

[1] Его перу принадлежит кроме того ряд содержательных книг о Ленине и ленинизме, книга по истории Ирландии и несколько других печатных работ.

Следует признать, что автору в общем удалось осуществить свой творческий замысел благодаря тому, что он привлек к разрешению поставленной задачи обширный документальный материал и подошел к нему с марксистско-ленинских позиций. В основу книги П. М. Керженцева положена не только общая и специальная литература по истории Коммуны, но и многочисленные первоисточники: документы правительства Национальной обороны («Actes du gouvernement de la défense nationale», I—VII), до сих пор мало привлекавшиеся историками, документы следственной комиссии Национального собрания («Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», I—III) протоколы Коммуны (т. I), французские газеты за 1870—1871 гг., а также некоторые газеты других стран, важнейшие мемуары участников Коммуны и ее врагов, донесения русских дипломатов того времени (изданные Центрархивом в 1933 г.), переписка Маркса и Энгельса, письма ряда деятелей I Интернационала (изданные ИМЭЛ в 1933 г.), отчеты о судебных процессах членов парижского бюро Интернационала в 1869—1870 гг. и мн. др. Часть из приведенных автором документальных материалов впервые им пущена в научный оборот.

Привлечение столь значительного количества первоисточников дало П. М. Керженцеву возможность нарисовать конкретную и местами весьма детальную картину подготовки, возникновения, деятельности, борьбы и падения Парижской коммуны.

К числу наиболее удавшихся частей книги, несомненно, принадлежат главы II—V, в которых подробно описывается классовая борьба и революционное движение внутри осажденного немецкими войсками Парижа (сентябрь 1870 г.— январь 1871 г.). Этот период, составляющий как бы предисторию революции 18 марта 1871 г., до сих пор сравнительно мало привлекал внимание исследователей (исключение составляют С. Б. Кан и О. Л. Вайнштейн, давшие ряд интересных статей по этим вопросам). Эти главы книги П. М. Керженцева построены главным образом на тщательном изучении газеты Бланки «Patrie en danger» (комплект ее имеется в библиотеке ИМЭЛ) и некоторых других органов революционной прессы того времени. Перед читателем встает яркая картина жизни и деятельности «красных клубов» и других революционных организаций Парижа осени—зимы 1870—1871 гг., неустанно разоблачавших предательскую тактику правительства 4 сентября и настойчиво пропагандировавших идею Коммуны, идею передачи власти революционному народу.

До сих пор историки изображали деятельность парижских клубов этого периода почти исключительно по материалам грубо тенденциозной книги известного буржуазного публициста и экономиста Молинари («Les clubs rouges pendant le siège de Paris». Paris. 1871. Есть русский перевод). П. М. Керженцев поступает иначе: он широко использует органы революционной печати, подробно освещавшие на своих столбцах деятельность этих организаций. На большом конкретном материале автор показывает патриотическое поведение трудящихся французской столицы в тяжелые месяцы осады, бомбардировки, холода и голода. «Мысль об изготовлении пушек для национальной гвардии и вообще для обороны Парижа,— указывает П. М. Керженцев,— зародилась на одном рабочем собрании в Бельвиле. Инициатором явился рабочий, который тут же и сделал первый взнос, выделенный из его скудного заработка. На собрании был произведен массовый сбор на отливку пушек. В комиссию по этому вопросу было включено несколько будущих членов Коммуны—Алликс, Ранвье, Везинье и др.» (стр. 89).

Подобные факты, впервые приводимые П. М. Керженцевым, представляют выдающийся интерес: ведь вооружение (точнее, самовооружение) рабочего населения Парижа в период его осады немецкими войсками явилось одной из важнейших предпосылок победоносной революции 18 марта 1871 года. «Пушки,— подчеркивает П. М. Керженцев,— рассматривались народом не только как военное средство в борьбе против пруссаков, но и как средство революционной борьбы».

Анализируя деятельность парижских революционных клубов этого периода, Керженцев отмечает не только республиканско-демократический, но во многих случаях и социалистический характер агитации, которая в них велась, и приходит к следующему новому и вполне правильному выводу: «Таким образом, народные массы Парижа уже в сентябре и октябре развернули целую программу требований, которые в значительной мере подготовили будущие декреты и решения Коммуны» (стр. 100).

По-новому характеризует автор и ряд вопросов из истории самой Коммуны. В главе VII он удачно группирует все доступные нам документы, рисующие роль Центрального комитета национальной гвардии в событиях 18 марта (стр. 203—204). В главе IX большой интерес представляет § 3, в котором выясняется роль рабочего класса как ведущей силы Коммуны и отмечается, что это обстоятельство признавалось общественным мнением Парижа уже в первый период ее существования. Еще больший интерес представляет глава XII, где говорится о программе Коммуны и о том, как различные органы революционной печати понимали задачи революции 1871 года.

Касается П. М. Керженцев и такого интересного для советского читателя вопроса, как отношение интеллигенции к Коммуне, и приводит имена знаменитого географа Элизе Реклю, великого художника Курбе, талантливого композитора Даниэля Сальвадора, известного впоследствии поэта Поля Верлена и ряда других видных представителей интеллигенции, честно и самоотверженно служивших делу Коммуны. Однако большая часть интеллигенции, как правильно отмечает автор, не смогла преодолеть своих буржуазных предрассудков и отнеслась к Коммуне резко враждебно:

именно такова была позиция Флобера, Гонкура, Бизе и многих других выдающихся представителей литературы и искусства. В революции 18 марта они увидели не начало новой эры в истории человечества, а бунт «черни», способной лишь на разрушение материальных и культурных ценностей (стр. 375—376). Между тем несмотря на кратковременность своего существования Коммуна все же успела показать, как высоко ценит пролетариат науку и культуру. О политике Коммуны в области культуры и просвещения существуют специальные труды (А. С. Гущина — о художниках, Ю. И. Данилина—о театре, А. И. Молока—о школьной политике Коммуны); П. М. Керженцев широко использовал их в своей книге.

В особую главу выделил автор факты и документы, характеризующие высокую политическую активность трудящихся масс Парижа в героические дни Коммуны. Глава эта (XIV) состоит из следующих пяти разделов:—общественные организации;—женщины в Коммуне;—клубы в дни Коммуны;—деятельность клубов;—Париж и Версаль. Из этих разделов самые интересные посвящены деятельности клубов. Автору удалось в этом вопросе дать более детальную картину чем та, которая была нам известна до сих пор.

Довольно много нового либо по-новому освещенного материала имеется и в некоторых других главах книги Керженцева. Отметим, например, главу XIII, один из разделов которой описывает шпионско-диверсионную деятельность агентов версальской контрреволюции в Париже (стр. 395—402). Здесь приводится ряд фактов, до сих пор остававшихся неизвестными не только широким массам читателей, но и специалистам (например о связях версальских шпионов с иностранными дипломатическими миссиями). Отрывочный характер этих материалов объясняется скудостью источников, которыми располагал автор.

Много внимания уделил П. М. Керженцев вопросам государственного строительства Коммуны — ее мероприятиям по разрушению полицейско-бюрократической машины старого, буржуазного государства и созданию нового аппарата власти, представлявшего собою исторически первую форму диктатуры пролетариата. Эти вопросы рассматриваются в главе XVI — «Коммуна — государство нового типа». Об этом важнейшем деле Коммуны говорится и в главе XIX — «Значение Парижской Коммуны».

В главах, касающихся социально-экономических мероприятий Коммуны, обращает на себя внимание попытка по-новому осветить ее политику в области заработной платы. «До сих пор,— замечает автор,— считалось, что сущность мероприятий Коммуны сводилась, с одной стороны, к установлению максимального оклада жалованья (не выше 500 франков в месяц), а с другой,— к введению минимума заработной платы. Надо добавить еще новый характерный признак — резкое подтягивание заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих (без всякой уравниловки)» (стр. 5). Этот вывод надо признать вполне обоснованным.

Большой заслугой Керженцева является систематическое использование им работ классиков марксизма-ленинизма. В частности следует отметить, что он использует не только окончательный текст гениальной работы Маркса о Коммуне — «Гражданская война во Франции»,— но и первоначальные наброски этого труда и подготовительные к нему материалы, которые были опубликованы несколько лет тому назад Институтом Маркса—Энгельса—Ленина [1].

Ценность книги Керженцева повышается еще и благодаря тому, что автор дает критический разбор ошибочных, антиленинских суждений о Коммуне М. Н. Покровского, отрицавшего руководящую роль пролетариата в событиях 1871 г. и утверждавшего, что эта роль принадлежала «парижскому мещанству» (стр. 474). Опровергает он и другие искажения сущности Коммуны, встречающиеся в некоторых прежних работах советских историков. Разоблачает и сознательно фальсификаторские утверждения о том, что «Коммуна не нашла нужной политической формы» господства пролетариата и что она «была диктатурой рабочих над крестьянством». «Этим враждебным марксизму-ленинизму высказываниям,— справедливо замечает П. М. Керженцев,— не был дан достаточный отпор» (стр. 475).

Правильно поступает автор, выделяя в особый раздел (гл. XIX, § 2) вопрос о причинах поражения Коммуны и подвергая его всестороннему рассмотрению. Основную причину поражения первой рабочей революции т. Керженцев, в полном соответствии с высказываниями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, видит в недостаточной зрелости французского пролетариата 1871 г., в его экономической и идеологической неподготовленности, в отсутствии у него самостоятельной политической партии, вооруженной революционным учением Маркса. Отмечает автор и такие факторы, как неблагоприятное внутреннее положение Франции (оккупация значительной части страны немецкими войсками и их содействие версальцам), отрезанность Парижа от провинции (в результате версальской и германской блокады) и отсутствие поддержки со стороны крестьянства, наконец, политические и военные ошибки Коммуны (тактика пассивной обороны, недооценка необходимости единства руководства и железной дисциплины в военном ведомстве, отказ от конфискации богатств Французского банка и других «крепостей» капитала, неуместное великодушие к врагам народа).

Правильно поступил автор, выделив в особый раздел (гл. XIX, § 1) такую тему, как «Маркс и Коммуна». Здесь на ряде

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII). М. 1934.

конкретных примеров показана тесная, можно сказать, интимная связь великого учителя и вождя международного пролетариата с героическими коммунарами Парижа. Эта связь была бы обрисована гораздо полнее и ярче, если бы автор использовал неопубликованные до сего времени протоколы Генерального Совета Интернационала в дни Коммуны (они хранятся в архиве ИМЭЛ).

Большую пользу принесет читателю приложенная к книге подробная библиография источников и литературы по истории Коммуны; с интересом будет прочтен и краткий очерк историографии Коммуны.

В рецензируемой книге имеется и ряд недостатков. Из них некоторые следует признать довольно существенными. Главный недостаток книги заключается в неравноценности ее отдельных частей: наряду с интересными, хорошо документированными и хорошо написанными главами (их подавляющее большинство) встречаются главы или части глав, которые носят поверхностный, схематический характер. Это относится прежде всего к § 1 I главы. В нем дана характеристика империи Наполеона III в такой беглой форме, что даже не упоминается о государственном перевороте 2 декабря 1851 г., и у неискушенного читателя может создаться представление, будто переход от Второй республики ко Второй империи совершился мирным путем. Истории Франции в этот период автор, в сущности, не дает: его интересуют почти исключительно только рабочее движение и социалистическая пропаганда. Это, конечно, неправильный метод: для понимания особенностей рабочего движения того времени необходим всесторонний анализ как экономического, так и политического развития Франции в эти годы. Совершенно неудовлетворительно изложены причины франко-прусской войны 1870—1871 годов. Этому важному вопросу отведено всего полторы страницы, в которых ничего не сказано ни о борьбе Наполеона III за левый берег Рейна, ни о споре из-за гогенцоллернской кандидатуры (на испанский престол), ни о подделке Бисмарком «эмской депеши». Вопросам внешней политики вообще не повезло в этой книге.

Очень слабо освещены история революционного движения в провинции и деятельность провинциальных коммун (в Лионе, Марселе, Тулузе, Сен-Этьене и некоторых других городах). Этот интересный вопрос истории революции 1871 г. до сих пор мало изучен, главным образом вследствие скудости источников, доступных советским исследователям (в наших библиотеках почти совершенно нет французских провинциальных газет того времени). Недостаточно глубоко освещен и такой важный вопрос, как борьба течений в Коммуне — между ее бланкистско-якобинским «большинством» и прудонистским «меньшинством». Автор ничего не сказал о том, как относились к этой борьбе буржуазные круги парижского населения (из буржуазных газет, еще выходивших тогда в Париже, видно, что они радовались этой борьбе, сочувствовали прудонистской оппозиции и делали ставку на раскол Коммуны).

Слишком бегло касается автор и некоторых сторон социально-экономической политики Коммуны, как например ее мероприятий в области жилищного и продовольственного вопросов, ее отношения к Французскому банку. Мало внимания уделил автор судебным реформам Коммуны и деятельности созданных ею судебных учреждений. Военная организация Коммуны и ход военных действий между Версалем и Парижем обрисованы достаточно полно, но мало приведено конкретных эпизодов, рисующих геройскую стойкость коммунаров в боях под стенами Парижа.

Вне поля зрения автора остался интересный вопрос, об откликах на Парижскую коммуну, исходивших от различных кругов современной ей русской общественности. Между тем в наших библиотеках и архивах имеется обширный материал по этому вопросу, который начал привлекать внимание советских историков лишь с недавнего времени. Но часть относящегося сюда материала стала известна уже довольно давно (еще в 1931 г. проф. С. Н. Валк опубликовал в журнале «Литературное наследство» текст листовок в защиту Коммуны, выпускавшихся в дни ее существования петербургским студентом Гончаровым). Интересен рассказ Глеба Успенского о его пребывании в Париже в период «судебной» расправы торжествующей версальской солдатчины над коммунарами. Большое впечатление французские события 1871 г. произвели и на либерально-буржуазные круги тогдашней России. Все это совершенно обойдено в книге П. М. Керженцева.

Обошел он полным молчанием и вопрос об откликах германской буржуазной и юнкерской печати на события Коммуны (некоторый материал по этому вопросу имеется в книге А. И. Молока «Германская интервенция против Парижской коммуны», 1939). Зато большой заслугой автора является то, что он остановился на ярких статьях известного английского историка-позитивиста проф. Бизли, написанных под несомненным влиянием Маркса, а также статьях английского радикала Гаррисона и американского радикала Линтона; все трое заявляли о своем сочувствии делу Коммуны и характеризовали ее как «восстание рабочего класса» (стр. 524—527). До сих пор в исторической литературе об этих статьях никогда не упоминалось.

Приходится пожалеть о том, что П. М. Керженцев мало коснулся той широкой волны международной солидарности пролетариата, которую вызвала к жизни Коммуна. Особенно горячо выступали в защиту Коммуны рабочие Германии, где происходили многочисленные собрания по этому поводу (этому вопросу посвящена работа В. С. Алексеева-Попова, вышедшая в 1939 г.). Материал, приведенный по этому вопросу в книге П. М. Керженцева, крайне скуден.

В книге имеется и некоторое количество неудачных формулировок, неточностей и

ошибок. Можно ли, например, удовлетвориться таким объяснением причин зверской жестокости, проявленной офицерами версальской армии при подавлении Коммуны, которое дает автор, указывая на то, что они «были новички в Париже, не имели там ни связей, ни родственников, ни знакомых», в результате чего и остались глухи к воззваниям Коммуны (стр. 481). Нельзя, как это делает автор, утверждать, что в 1871 г. во Франции «крупная промышленность была только в зародыше» (стр. 518). По словам автора, Бакунин из опыта Парижской коммуны извлек «старые прудонистские идеи» (стр. 527); спрашивается: почему именно прудонистские и можно ли ставить знак полного равенства между мирным анархизмом Прудона и бунтарским анархизмом Бакунина? Никак нельзя согласиться с утверждением автора, что «в дни молодости Бланки находился под влиянием бабувизма» (стр. 73). Это совершенно неверно; неверно датированы и годы жизни Бланки, который родился в 1805 г. (а не в 1811 г.) и умер в 1881 г. (а не в 1882 г.). На стр. 193 говорится о каких-то губернаторах, хотя тогдашняя Франция такой должности не знала. На стр. 433 говорится о члене Коммуны Авуане-сыне, который никогда не был членом Коммуны. На стр. 159 допущено сразу несколько фактических неточностей: граф Шамбор именуется то графом Шамбором (правильно), то графом Шамборским (неправильно); в перечне бывших членов «правительства Национальной обороны», вошедших в состав правительства Тьера, пропущен Эрнест Пикар; в феврале 1871 г. маркиз де Габриак был назначен послом в Петербург, а не в Берлин, как утверждает автор. Член Коммуны радикал Гупиль вышел в отставку 11 апреля, а не «до первых дней апреля», как пишет автор (стр. 243).

Имеются отдельные пробелы и неточности и в библиографическом приложении к книге. Например не вполне удачна классификация мемуаров о Коммуне по группам (стр. 546); лживая книга бульварного публициста А. д'Альмераса, кстати, совсем не заслуживавшая упоминания, ошибочно отнесена к мемуарной литературе (стр. 547); не отмечен народнический характер книги П. Лаврова о Коммуне (стр. 538).

В целом книга П. М. Керженцева написана довольно хорошим литературным языком. Однако в ряде мест стиль оставляет желать много лучшего. Вряд ли, например, в научной книге уместны такие выражения, как «сколотивший себе капиталец» (стр. 158—это говорится о Тьере), или «лизоблюдничавшие перед Тьером» (стр. 436—это говорится о ряде писателей). Очень тяжело звучат такие фразы, как например: «всех давящая полицейско-бюрократическая машина, опутывавшая всю страну» (стр. 13); «Фавр язвил, что рабочие, одевшись в мундиры национальной гвардии, жили-де за чужой счет, без всякого дела и «имели детское и нездоровое удовлетворение в военных упражнениях» (стр. 87); «он являлся одним из главных сторонников того, чтобы никоим образом не трогать банка» (стр. 246); «распоясавшийся «историк» не изволил понять» (стр. 255); «участвовала в Коммуне по организации женских комитетов» (стр. 423).

Мы отметили основные недостатки книги П. М. Керженцева. Их не так мало, но все же они отнюдь не лишают этот труд его научного значения как одной из лучших общих работ по истории Парижской коммуны. Советский читатель с большой пользой прочтет эту книгу, интересную и поучительную не только для специалистов. Особенно поучительна эта тема в настоящее время.

А. Молок

ЮЗЕФОВИЧ И. Основание Коммунистического Интернационала. Изд-во АН СССР. 1940. 275 стр. 7 р. 50 к.

Нет нужды доказывать, насколько назрела необходимость хотя бы в краткой истории основания Коминтерна.

Книга И. Юзефовича является первой попыткой дать исторически последовательное изложение истории основания Коммунистического Интернационала.

Автор начинает свой очерк с изложения основных социальных корней оппортунизма в условиях империализма, содействовавших оппортунистическому перерождению II Интернационала еще в довоенный период.

Следующий раздел содержит изложение единственно последовательной и непримиримой борьбы партии большевиков под руководством Ленина и Сталина против оппортунистов, в том числе и против центризма, прикрывавшего оппортунизм и пытавшегося превратить революционный марксизм в мертвую догму. Автор на конкретных примерах показывает, что партия Ленина — Сталина рассматривала разоблачение оппортунизма как залог успешной борьбы за партию нового типа.

Затем дается краткое изложение борьбы Ленина и большевиков за сплочение левых во II интернационале, за партию нового типа; показывается непоследовательность левых, непонимание ими сущности империализма, социальных корней оппортунизма, природы центризма и т. д.

Автор далее подробно останавливается на причинах краха II интернационала и показывает стратегию и тактику большевиков накануне и во время первой мировой империалистической войны.

В следующих разделах дается характеристика трех течений в международном рабочем движении в годы империалистической войны, говорится о борьбе Ленина за сплочение интернационалистских сил, организационное объединение их в Циммервальдской левой, излагается отношение Ленина к решениям Циммервальдской и Кинтальской конференций. Отмечая все возрастающую роль Циммервальдской левой, усиле-

ние влияния большевизма на интернационалистские течения и оппозиционные группы, автор подчеркивает огромное влияние Октябрьской социалистической революции на подъем и последующее развитие международного революционного движения.

Автор рассказывает о том, как проводилась подготовка к созыву I конгресса Коммунистического Интернационала, анализирует его решения и последующее влияние Коминтерна на революционное движение в капиталистических, колониальных и зависимых странах.

Свою работу тов. Юзефович заканчивает обзором решений II конгресса.

В основу работы автором положены статьи и доклады Ленина и Сталина, стенографический отчет I конгресса, протоколы II конгресса, журнал «Коммунистический Интернационал» и др. и частично новые материалы.

В книге наблюдается некоторая непропорциональность разделов. В частности, вопросу предистории Коммунистического Интернационала автор уделил сравнительно много места и, будучи, видимо, связан определенным размером книги, слишком кратко осветил такие важные вопросы, как борьба Ленина с ошибками левых, подъем международного рабочего движения в 1917 году.

Излагая, например, борьбу Ленина за сплочение интернационалистских элементов, особенно в период Циммервальда, автор сумел показать предательскую политику центристов, прикрывавших своей «левой» фразой открытых социал-шовинистов, а на деле требовавших «отказа от классовой борьбы во время войны, чтобы не мешать своему империалистическому правительству вести войну» [1].

Но зато слишком кратко и в общих словах освещен такой важный вопрос, как борьба Ленина с меньшевистскими и полуменьшевистскими ошибками левых социал-демократов, особенно нейтральных стран, в частности борьба против лозунга о разоружении, получившего там поддержку среди левых и некоторой части рабочей молодежи.

Пропаганда левыми лозунга разоружения со всей ясностью показывала непонимание ими ленинской теории пролетарской революции, форм классовой борьбы, путей завоевания и удержания пролетариатом политической власти. Хотя левые вкладывали в лозунг разоружения иное содержание, чем Каутский, Ленин все же усматривал в этом явные элементы мелкобуржуазного пацифизма, весьма опасного в условиях империалистической войны и назревания революционного кризиса. Критикуя со всей решительностью эти ошибки левых, Ленин настойчиво разъяснял, что отказ от вооруженной борьбы равносилен отказу от революции вообще.

На этом конкретном вопросе следовало показать, что только беспощадная критика Лениным ошибок левых, в частности их лозунга разоружения, помогла левым Скандинавии, Голландии и других стран постепенно, по-большевистски воспринять лозунг вооружения пролетариата, а это и был один из важнейших вопросов ленинской теории пролетарской революции.

Говоря о росте революционного движения в капиталистических странах Запада (стр. 122—123), автор ограничивается лишь общими указаниями на подъем стачечного движения, носившего частично политический характер, не показывая при этом, под какими лозунгами это движение нарастало, какие требования в том или ином случае выдвигались рабочими и какие категории рабочих оказались застрельщиками этого движения.

На стр. 125, например, сказано: «Под непосредственным влиянием русской революции начались волнения в армиях. Так, во Франции еще в мае 1917 г. взбунтовался ряд полков, в Германии в августе 1917 г. произошло восстание на крейсере «Принц регент Луидпольд». Случаи волнений имели место и в английской армии». Для широкого читателя, особенно для молодежи, такая характеристика говорит очень мало. Здесь следовало бы кратко сказать о характере этих волнений и восстаний, их причинах и одновременно показать подлое предательство «социалистов», в частности германских «независимцев», принимавших все меры к тому, чтобы не допустить никаких политических выступлений в армии и во флоте. Одновременно следовало показать решимость матросов действовать через голову руководителей партии «независимых» социал-демократов», а также неуменье левых использовать эти моменты в целях разоблачения социал-демократических вождей и придания движению более организованного характера.

Более развернутую характеристику следовало дать движению во французской армии и в тылу, связанному с наступлением генерала Нивелля. Как известно, эти события крайне встревожили военное командование, правительство и «социалистов». Не случайно Пуанкаре назвал 1917 год «годом смуты». О восстании в русском «экспедиционном корпусе» не сказано ни слова, между тем оно оказало немалое влияние на французских рабочих.

Ничего конкретного не сказано об отражении в солдатских письмах недовольства в армиях воюющих стран. Следовало бы убедительнее показать влияние пропаганды и агитации, проводимых Лениным и большевиками через Циммервальдскую левую и близкие к ней течения и группы; влияние февральской и особенно Великой Октябрьской революций на процесс полевения передовых слоев рабочего класса и постепенное разочарование их в социал-демократическом руководстве. Кроме того надо было ярче подчеркнуть и слабую сторону нараставшего революционного движе-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 159.

ния: отсутствие подлинно революционных пролетарских партий на Западе, слабость и непоследовательность левых групп и течений, неумение их возглавить движение и т. д. Все, что об этом сказано в рецензируемой книге, не дает полной и ясной исторической картины.

Указанные выше недочеты в одинаковой мере относятся к анализу революционных движений и в других странах.

Полнее изложено революционное движение второй половины 1918 г. и 1919 г., но и здесь имеются недоговоренности: «С необычайным подъемом прошли в 1919 и 1920 гг. первомайские празднества. На первомайских митингах в Гайд-парке участвовало свыше 100 тыс. рабочих; в промышленном городе Ковентри была успешно проведена всеобщая забастовка; в Ланкашире в шествиях и митингах участвовало свыше 40 тыс. рабочих» (стр. 189). У читателя невольно возникает вопрос: в каком же году происходили эти события?

Говоря о возникновении в США двух коммунистических партий, автор совершенно обошел молчанием вопрос о разногласиях между коммунистической партией и коммунистической рабочей партией (стр. 202). Необходимо было шире и глубже осветить эти разногласия, вскрыть их причины и объяснить терпимое отношение Коммунистического Интернационала к факту наличия двух коммунистических партий в США на определенном отрезке времени. Случаи подобной недоговоренности в книге не единичны.

Вопрос о создании коммунистической партии в Англии тоже изложен недостаточно ясно: не показаны с надлежащей четкостью разногласия между основными коммунистическими организациями и не вскрыты их социальные причины.

Автор правильно говорит (см. стр. 257), что путь организации коммунистической партии Франции был «очень сложен и труден». Вслед за этим необходимо было показать все трудности, которые пришлось преодолеть компартии в период своего формирования. Между тем тов. Юзефович осветил лишь борьбу с правыми и центристами внутри социалистической партии, но этим не исчерпываются все трудности. Французской компартии приходилось и приходится бороться с анархо-синдикалистскими пережитками, преодоление которых является не менее сложным делом. О Турском учредительном съезде, решения которого имели огромное значение, сказано буквально на восьми строчках. Между тем самый факт раскола социалистической партии и образования компартии показал, какие слои за кем пошли. В частности ярким показателем было то, что большинство социалистических депутатов парламента оказалось в лагере оппортунистов, а низовые рабочие — на стороне компартии.

Крайне слабо показана роль таких деятелей, как Анри Барбюс и др., в борьбе за присоединение к Коминтерну. Здесь следовало бы глубже показать все те разногласия, которые имелись между различными коммунистическими организациями, а также и то, как эти разногласия преодолевались в каждой стране. Автор не вполне учел замечания оппонентов по этому поводу, сделанные ему при защите данной работы как диссертации на степень кандидата исторических наук.

Стиль книги местами заставляет желать много лучшего. В качестве примера можно привести следующие строки: «Коммунистическое движение было слишком слабо и распылено, чтобы умело использовать решения II конгресса Коминтерна для внесения серьезного размежевания внутри независимой рабочей партии и быстро продвинуться вперед» (стр. 260).

Наряду с этим некоторые разделы книги перегружены цитатами, составляющими 60—70% постраничного текста (стр. 48, 82, 93, 107).

Досадным обстоятельством является очень высокая цена книги. При втором издании цену следует снизить и обеспечить этим массовое распространение ее.

М. Осипов

PEFFER N. Prerequisites to peace in the Far-East.
ПЕФФЕР Н. Предпосылки мира на Дальнем Востоке.

В рецензируемой книге известный американский специалист по вопросам Дальнего Востока Н. Пеффер рассматривает перспективы японо-китайской войны и пытается определить перспективы мира на Тихом океане.

Автор считает, что, несмотря на то что японо-китайская война длится уже свыше трех лет, в настоящее время едва ли можно с уверенностью сказать, когда и каким образом эта война закончится.

Невзирая на военные успехи японцев, автор считает маловероятным, чтобы Японии удалось осуществить свои планы завоевания целого континента силой оружия. Огромные пространства, неисчерпаемые человеческие ресурсы и рост национального самосознания китайского народа исключают возможность длительного господства японцев в этой огромной стране. Даже полная военная победа Японии и заключение формального мира могли бы означать лишь короткий перерыв, за которым последовала бы новая война, а может быть, и ряд войн китайского народа за свою независимость. Ссылаясь на исторический опыт последнего столетия, автор считает, что никакая, даже самая полная победа любой державы не может принести народам сколько-нибудь длительного мира. После решительной победы на поле битвы обычно наступает перемирие, мир, потом период некоторого затишья и затем вновь бешеная подготовка к войне,

завершающаяся очередным вооруженным столкновением.

С другой стороны, Пеффер отмечает более высокий уровень экономического развития Японии, ее превосходство на море и лучшую техническую оснащенность японской армии, что, по его мнению, делает крайне затруднительной победу Китая в ближайшее время. Таким образом, автор, видимо, полагает, что этап равновесия сил в Китае может продолжаться очень долго.

Сложность тихоокеанской проблемы усугубляется тем, что ход событий на Дальнем Востоке неразрывно связан с войной в Европе. На протяжении последних ста лет международные отношения на Тихом океане находились в прямой либо косвенной зависимости от ситуации в Европе. Между тем, пишет Пеффер, Европа конца 1940 г. представляет собой нечто совершенно отличное от послевоенной Европы 1918 года. Сейчас, по существу, перекраивается карта мира и рушится вся система международных отношений, сложившаяся свыше ста лет назад, в период наполеоновских войн и венского конгресса. Точно так же и на Дальнем Востоке борьба Японии и США за передел мира давно переросла рамки ревизии вашингтонских соглашений 1922 года. Что касается японо-китайской войны, то и здесь, по мнению автора, дело идет к крушению вековой системы международных отношений на Дальнем Востоке, сложившейся в период опиумных войн в 1842 году. Времена, когда Китай был объектом борьбы великих держав, навсегда ушли в область прошлого. Независимо от длительности и исхода японо-китайской войны судьба иностранных концессий, арендных территорий, экстерриториальности, торговых и прочих привилегий в Китае уже предрешена. Каждый день приносит новые доказательства медленного, но верного отступления западных держав из Восточной Азии.

Переходя к анализу причин нынешней японо-китайской войны, Пеффер считает эту войну совершенно закономерным и неизбежным результатом всего предшествующего исторического процесса. Экономическое и политическое закабаление Китая иностранными державами неоднократно вызывало отпор со стороны китайского народа. Тайпинское и боксерское восстания, революция 1911 г. и национально-освободительное движение 1924—1927 гг.— все они в той или иной мере были направлены против иностранных колонизаторов. И если летом 1937 г. Китаю пришлось отстаивать свою независимость в борьбе именно с Японией, это произошло лишь потому, что за последнюю четверть века экспансия Японии создала смертельную угрозу для национальной независимости Китая.

Закончив победоносно нынешнюю войну и выйдя из нее закаленным и уверенным в своих силах, четырехсотмиллионный китайский народ осознает свою мощь и значение победы над сильным и опасным врагом. Смешно думать, пишет автор, что, победив вооруженную до зубов Японию, китайцы подчинятся воле западных держав, расположенных за многие тысячи километров и истощенных войной, которую они ведут сейчас друг с другом. Миф о «всемогуществе» белого колонизатора окончательно развеян за годы первой и второй мировых империалистических войн и колониальных революций.

Подняв знамя национально-освободительной войны, Китай тем самым перевернул новую страницу в истории колониальных и зависимых стран, в истории всего человечества. «Дальний Восток никогда уже не будет тем, чем он был до 1937 г., точно так же, как и остальной мир не станет тем, чем он был до начала нынешней войны. Войны в Европе и Азии дополняют друг друга в разрушении старых и созидании новых отношений. Но если бы даже и не было европейской войны, все равно война на Дальнем Востоке наложила бы глубочайший отпечаток на исторические судьбы Запада.

Закончилась одна историческая эпоха, и начинается другая. Дни европейских колониальных империй на Дальнем Востоке сочтены. Навсегда должны быть оставлены надежды на то, что Дальний Восток останется объектом монопольной эксплоатации со стороны западноевропейских держав».

С другой стороны, Пеффер считает абсолютно неприемлемым и нежелательным установление японского контроля над Китаем. Опыт Кореи и Маньчжурии, а также действия японцев в оккупированных районах Китая совершенно ясно свидетельствуют о стремлении Японии распространить политику «закрытых дверей» на всю Восточную Азию и превратить Китай в сырьевой придаток к японской экономике. Автор, правда, сомневается, что Японии удастся экономически освоить захваченные территории Китая. Четырехлетняя война и огромные расходы на вооружение сильно расшатали всю экономическую структуру Японии. А между тем Япония вынуждена будет держать в Китае весьма длительное время большую армию для «пацификации» завоеванных областей. Ей придется создавать огромный, дорогостоящий административный аппарат для управления колоссальной страной с многомиллионным населением. Япония не имеет ни капиталов, ни машин, ни сырья для строительства железных дорог, рудников, заводов, без чего экономическая эксплоатация вновь завоеванных территорий едва ли может быть эффективной.

Поэтому первой и обязательной предпосылкой установления длительного мира на Дальнем Востоке автор считает удаление японских войск из Китая, включая и Маньчжурию. Эта цель может быть достигнута либо путем военного поражения Японии, либо в результате ее экономического истощения, либо благодаря вмешательству третьих держав.

Вместе с тем эвакуация японских войск из Китая должна сопровождаться попутной ликвидацией специальных привилегий европейских держав в Китае, так как в противном случае между заинтересованными государствами вновь возникает старое соперничество за влияние в Китае.

Третьей предпосылкой длительного мира на Дальнем Востоке является создание сильного и независимого Китая, способного защитить свою страну от посягательств иностранных держав. Пеффер предостерегает против междоусобных раздоров в Китае, которые являются самой серьезной опасностью для независимости страны. В этом случае «Китай окажется перед лицом раскола более острого и кровопролитного, чем тот, который раздирал страну на протяжении двух последних десятилетий. Междоусобная борьба тем более ужасна, что каждая сторона будет иметь поддержку извне».

Автор не скупится на краски, рисуя заманчивые перспективы экономического развития Китая и стран Дальнего Востока вообще, однако через все его рассуждения красной нитью проходит одна и та же мысль — о будущей руководящей роли США в экономическом, политическом и культурном развитии стран Тихоокеанского бассейна. Призывая Японию, Англию и другие европейские державы отказаться от специальных привилегий и сфер влияния на Тихом океане, ратуя за «свободную игру экономических сил» и за широкие экономические преобразования на базе американских капиталов и техники, автор тем самым извлекает из арсенала американской дипломатии старый, общеизвестный принцип «политики открытых дверей и равных возможностей», провозглашенный Хэем еще в 1899 году.

Больше того: Пеффер в полном соответствии с принципами дальневосточной политики Теодора Рузвельта отводит Японии роль полицейского, обязанного бороться с малейшими попытками западноевропейских государств расширить зону их влияния на Дальнем Востоке. При этом автор специально оговаривается, что «Россия также должна быть отнесена к числу западноевропейских держав».

Планы, изложенные в книге Пеффера, вероятно, являются не личными домыслами автора. За последнее время в Америке вышло большое количество книг виднейших буржуазных писателей и публицистов, где под сурдинку «конструктивистских» рассуждений о судьбах мира и войны проводится мысль об установлении мировой гегемонии США после окончания нынешней войны.

К. Ющак

ПОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

«Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени М. Н. Покровского». Том V. Серия исторического факультета, выпуск 1-й. 1940. 182 стр.

Сборник открывается небольшой заметкой К. В. Кудряшева «Место, нарицаемое Ерель, его же Русь зовет Угол» (стр. 5—7), в которой автор на основании летописных и картографических данных определяет местоположение упоминаемого в летописи Угла-Ерель, находившегося, очевидно, в том пункте, где реки Орель и Днепр, сливаясь, образуют довольно острый угол.

Предметом исследования Б. М. Кочакова (стр. 9—22) является Новгородская судная грамота, этот любопытный памятник законодательства вольной городской вечевой общины, возникший, повидимому, в связи с восстанием 1446 г., а в 1471 г. переписанный на имя Ивана III. В противоположность своим предшественникам Б. М. Кочаков перенес центр тяжести исследования из области отвлеченных процессуальных форм древнерусского права на чисто историческую почву. Путем анализа текста автор вскрывает классовую сущность рассматриваемого памятника и показывает, что издание его имело целью укрепление и консолидацию боярского и житьего суда, представленного деятельностью посадника, тысяцкого и коллегии докладчиков. Олигархический характер коллегии докладчиков явствует из слов грамоты: «...а у докладу быть из конца по боярину да по житьему». Так называемые «черные», или «молодшие», люди были совершенно устранены от участия в судебном разбирательстве. Новгородская грамота показывает, что за демократическими формами политического строя республики скрывалась боярская олигархия и угнетенное положение низов. Укрепляя суд, защищая его независимость, запрещая всякие самосуды и самоуправства, Новгородская грамота не только регулировала отношения в среде господствующих классов общества, но и была направлена против низших слоев населения: она, например, закрывала для «черных» людей всякую возможность организованного воздействия на суд путем привлечения к судопроизводству общественного элемента. Ограничиваются в своей деятельности и низовые, непосредственно связанные с народной массой суды сотских и рядовичей и всенародный вечевой суд. Эти наблюдения Б. М. Кочакова относительно классовой направленности изучаемого им памятника нельзя не признать ценными. По ряду других вопросов автор также приходит к новым и интересным выводам. Так, он правильно считает, что Новгородская судная грамота содержала в себе изложение процессуальных форм, а не материального права, как до сих пор думали. В датировке документа автор расходится с историками русского права М. М. Михайловым, В. Н. Латкиным, И. Д. Беляевым и др., доказывая, что первоначальное содержание и редакция грамоты связаны были с судебными волнениями 1446 г. и впоследствии подверглись существенной переработке.

А. А. Шапиро в статье «Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время» (стр. 23—53) ставит своей задачей выяснить, какой характер носили крестьянские передвижения в петровское время, каковы были судьбы беглых и отходников, какие черты характеризовали их труд по найму и каково было влияние крепостни-

ческих устоев тогдашней России на крестьянские отходы. Согласно наблюдениям автора, число побегов и отходов крестьян с разрешения помещика в XVII—XVIII вв. несмотря на законодательные меры правительства значительно увеличивается. Поскольку крестьянские передвижения в это время происходили в условиях формирования всероссийского национального рынка, развития экономических связей между отдельными районами, роста городов, мануфактур, верфей и т. д., они, с одной стороны, находили себе покровительство государственной власти, с другой — наталкивались на препятствия, выдвигаемые крепостниками и правительством, защищавшим интересы помещиков. Поэтому преследования беглых в петровскую эпоху не только не сокращаются, но, наоборот, становятся более жестокими и организованными.

В статье «Полтавский бой в освещении современников-иностранцев» (стр. 55—63) А. В. Предтеченский на основании малоизученных исторических памятников отмечает впечатление, произведенное известием о полтавской победе русских на общественное мнение Западной Европы. Если в большинстве случаев в зарубежной печати того времени наблюдается скептическое отношение к известию о победе русских, то в тех немногих европейских государствах, которые не придерживались шведской ориентации, весть о разгроме шведской армии была встречена с нескрываемою радостью (Польша, Саксония, Бавария, балканские славяне). В конце статьи рассматриваются два описания Полтавского боя, составленные участниками его—шведами — и напечатанные в заграничных изданиях в 1709 и 1723 годах.

Два письма Саллюстия к Юлию Цезарю составляют предмет исследования С. Л. Утченко «Политические послания Саллюстия к Цезарю» (стр. 65—87). Анализ этих посланий дает возможность ознакомиться с политическими взглядами Саллюстия в определенный период их развития и выяснить вопрос о классовом существе его политической идеологии. По мнению С. Л. Утченко, Саллюстий был идеологом средних слоев римского общества — промежуточной группы между плутократической верхушкой и деклассированными низами. Политические идеалы Саллюстия и Цезаря были диаметрально противоположны: если Саллюстий мечтал о возрождении Рима-полиса, о восстановлении авторитета сената, то Цезарь, наоборот, стремился к созданию Римской империи. Работа С. Л. Утченко представляет большой интерес, поскольку весь известный материал подвергнут здесь критическому пересмотру и выдвинута новая точка зрения на эволюцию политических идеалов Саллюстия. Можно только добавить, что уже голландский филолог XVI века Ян Доуса высказывался за принадлежность писем Саллюстию, и к этому мнению склоняется, кроме упоминаемых автором исследователей, известный историк римской литературы Мартин Шанц [1], тогда как В. И. Модестов [2] считал письма эти подложными. Новейшая исследовательница посланий Саллюстия, Аннамария Гольборн [3], ученица Э. Нордена, работа которой ускользнула от внимания С. Л. Утченко, приводит неоспоримые филологические доказательства подлинности писем.

Далее следует работа Б. Я. Рамма «Каролингское возрождение и проблемы школьной образованности в раннем средневековье» (стр. 89—116). Автор сосредоточивает основное внимание на вопросах школы и школьного образования как главного стержня в истории умственного развития раннего средневековья. Требование, чтобы в монастырские школы принимались не только дети сервильного происхождения, но также сыновья свободных, объясняется, по мнению автора, тем, что Карлу нужны были, помимо духовенства, кадры для светской деятельности по управлению государством; для этой роли могли считаться подходящими лица из среды господствующего класса.

А. С. Бартенев посвятил свое исследование «истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века» (стр. 117—128). А. С. Бартенев датирует это восстание 997-м годом. Анализ текста хроники Гильома (Вильгельма) Жюмьежского, французского историка XI в., дает возможность выяснить некоторые подробности восстания: исходя из указаний Энгельса, автор рассматривает крестьянские сходы и общее земское собрание как остатки марковой организации. Автор устанавливает программу восставших крестьян, клонившуюся к сохранению старых, общинных прав пользования лесами, водами и другими угодьями, прав, которые начали узурпироваться землевладельцами-феодалами.

В статье «Восстание Уайатта в 1554 г.» (стр. 129—158) М. А. Коган касается малоизученного эпизода из истории Англии эпохи Марии Тюдор, а именно восстания Уайатта в Кентском графстве в 1554 году. Автор рисует ход восстания, освещает вопрос о социальном составе его участников и о месте восстания в ряде социальных движений в Англии XV—XVI веков. Вождями восстания были представители джентри (провинциального дворянства буржуазного происхождения и с буржуазными тенденциями); вокруг них объединились многие йомены (свободные мелкие землевладельцы) и некоторые слои городского населения. Крестьянство также участвовало в восстании Уайатта, так как последнее было направлено против господствовавшего правительственного режима.

Сборник заканчивается статьей Г. В. Ефимова «Революция 1911—1913 гг. в Китае и Сунь Ят-сен» (стр. 159—182), в которой на основании данных иностранной и русской литературы изображается ход революцион-

[1] «Geschichte der römischen Literatur», I, S. 183. 1907.

[2] «Лекции по истории римской литературы» I, стр. 393. Киев. 1873.

[3] A. Holborn e gente Bethman «De Sallustii epistulis ad Caesarem de republica». Berolini. 1926.

ного движения 1911—1913 гг. в Китае, заслуги Сунь Ят-сена в деле подготовки и организации восстания, роль масс, политическая программа движения и т. д. Автор использует высказывания Ленина о китайской революции 1911 г. и Сунь Ят-сене. Самую революцию Г. В. Ефимов определяет как буржуазно-демократическую. Точка зрения автора, на мой взгляд, несомненно, ближе к истине чем позиция, занятая в этом вопросе составителями «Новой истории колониальных и зависимых стран» (Т. I. Институт истории Академии наук СССР. М. 1940), отрицающими народный характер революции 1911 г. в Китае. Как известно, В. И. Ленин подчеркивал именно демократическую сущность учения Сунь Ят-сена.

Сборник производит вполне благоприятное впечатление. Перед нами ряд интересно задуманных и удачно выполненных исторических этюдов. Большинство статей посвящено национально-освободительным движениям в различные исторические эпохи. К недостаткам сборника можно отнести перегруженность некоторых статей цитатами, особенно латинскими, порою недостаточно четкие формулировки и отсутствие заостренной критики концепций буржуазных историков.

С внешней стороны издание не оставляет желать лучшего.

Е. Кагаров

«Ученые записки Молотовского государственного педагогического института». Выпуск 6-й. Гор. Молотов. 1940. 144 стр.

Шестой выпуск «Ученых записок» содержит в себе три студенческие работы, из которых две трактуют о языке и стиле Пушкина, а третья, аспиранта В. Лебедева, посвящена проблеме заговора Катилины.

Работа В. В. Лебедева «Заговор Катилины» (стр. 109—144) в первой своей части рисует ход социального движения, связанного с именем Катилины, а во второй — делает попытку установить на основании анализа источников, каковы были движущие силы заговора и его программа. Автор приходит к выводу, что в событиях 60-х годов революционными силами были разорившиеся крестьяне, ремесленники городов и ветераны Суллы; люмпенпролетарии в рядах армии Катилины отсутствовали. Некоторые слои рабовладельческой верхушки, не имея, по существу, ничего общего с революцией, принимали участие в движении. Они возглавили революционное движение масс в надежде при помощи демагогических лозунгов захватить власть. Так переплетались в движении Катилины революционные и узурпаторские силы. Участие Цезаря и Красса в заговоре автор считает бесспорным [1].

Политическая программа Катилины сводилась, по мнению В. В. Лебедева, к захвату власти, установлению диктатуры и практике проскрипций. Критика имущественного неравенства в речи Катилины на первом совещании заговорщиков была только ширмой, как и лозунг уничтожения долгов. Считать Катилину революционером мы не имеем никаких оснований.

Выводы В. В. Лебедева в основном близки к взглядам проф. Ю. А. Иванова, высказанным им в статье «Заговор Катилины и его социальная база («Вестник древней истории» № 1 за 1940 г., стр. 69—81), и к мнению И. Г. Бравермана в его работе «Программа заговора Каталины» (см. сборник статей студентов истфака Московского педагогического института имени Либкнехта. Вып. 2-й, стр. 93—106. М. 1939). Последний также полагает, что провозглашенные Катилиной лозунги: ликвидация долгов, раздел земли, раздача должностей, конфискация имущества богачей — были лишь демагогической ширмой, за которою скрывались жажда власти, стремление к диктатуре. Катилина пытался опереться на италийское крестьянство и на городской плебс.

Проблема социальной базы заговора Катилины является чрезвычайно сложной и трудной. Как известно, Александр Блок говорил о Катилине как о римском революционере, проф. Л. Блох («Сословная и социальная история Римской республики», стр. 102 и сл. СПБ. 1904) называл заговор Катилины «пролетарским», а главаря его — «революционером... который все делал ради служения высокой идее, стоявшей для него выше личной корысти». Напротив, проф. И. В. Нетушил («Обзор римской истории», стр. 189. Харьков. 1912) с бóльшим основанием характеризует Катилину как человека низкой нравственности, неразборчивого в своих поступках, но отличавшегося умом и волею, а Ю. Белох («Gercke und Norden, Einleitung in die Altertumswissenschaft». Bd. III. 1912, S. 177) и С. А. Жебелев («Древний Рим», стр. 84. Петербург. 1922) говорят о Луции Сергии Катилине как главе «партии анархистов».

Советский историк в вопросе о природе движения Катилины должен прежде всего исходить из высказываний Маркса и Ленина о личности Катилины [2]. В статье В. В. Лебедева учтены слова К. Маркса, но замечания Ленина о Катилине, к сожалению, не использованы.

Е. Кагаров

---

[1] Отмечу, что недавно F. Jones в статье «Crassus, Caesar and Catilina» (The Classical Weekly XXIX, 1935/6, p. 89—93) сделал попытку доказать, что Красс и Цезарь не были втянуты в заговор 63-го года.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 305; Ленин. Соч. Т. XX, стр. 521.

«Исторический сборник» под редакцией Н. В. Степанова. Труды Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. 7-й. 1940.

За последнее время многие наши вузы издали сборники статей членов своих кафедр, посвященные тем или другим проблемам исторической науки. Критика наша, к сожалению, уделяла и уделяет слишком мало внимания этим ученым запискам, на страницах которых можно найти зачастую ряд весьма содержательных исследовательских работ. Укажем хотя бы на ученые записки Ленинградского государственного университета, успевшего за короткий срок выпустить шесть сборников своей «Серии исторических наук», или на отдельные выпуски ученых записок Московского института философии, истории и литературы. На страницах всех этих научных сборников можно найти наряду со статьями наших крупных ученых оригинальные исследовательские работы молодых, начинающих историков.

Однако далеко не все наши вузы с одинаковой серьезностью относятся к выпуску в свет своих ученых записок или своих трудов. Наряду с содержательными, подлинно научными статьями в отдельных сборниках встречаются никому не нужные компиляции и, что еще хуже, недостаточно грамотные, ученические, по существу, работы.

Образцом подобного безответственного отношения к большому делу может служить недавно выпущенный Горьковским педагогическим институтом «Исторический сборник», открывающийся статьей его редактора Н. Степанова о книге Маркса и Энгельса «Святое семейство или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К°».

Советский читатель по понятным причинам с особенным интересом отнесется к чтению именно этой первой, так сказать, ведущей статьи «Исторического сборника»: он ожидает найти в ней новый глубокий анализ причин той ожесточенной идеологической борьбы, которая, как известно, во второй половине 40-х годов прошлого века способствовала в конечном счете наряду с другими факторами выделению из рядов домартовской, дореволюционной германской демократии ядра будущей пролетарской партии.

Но интерес читателя скоро сменяется удивлением, а затем и возмущением: автор, не давший себе труда ознакомиться по источникам и соответствующей литературе со всеми перипетиями борьбы Маркса против Бруно Бауэра и других младогегельянцев, делает на каждом шагу грубейшие ошибки и вместо конкретного анализа философских и политических взглядов «Святого семейства» отделывается одними лишь «острыми» словечками. Бруно Бауэр у Н. Степанова, разумеется, вовсе не говорит, а только «разглагольствует» и «упражняется по поводу французской революции» и других вопросов!

Но беда не только в этих ненужных и безвкусных «острых» словечках: Н. Степанов настолько не разбирается в вопросах, связанных с избранной им темой, что одним росчерком пера зачисляет Бруно Бауэра — этого типичнейшего буржуазного демократа домартовской Германии...— в число «истинных» социалистов, в число сподвижников Гесса и Грюна! По его словам, во «Всеобщей литературной газете» Бруно Бауэра «проповедывался отвратительный по своей беспредметности и мечтательности немецкий или «истинный» социализм» (стр. 6. См. также аналогичные утверждения на стр. 5 и 12).

Н. Степанову достаточно было бы заглянуть даже не в «Большую советскую энциклопедию», а в недавно выпущенный «Краткий философский словарь», для того чтобы разобраться в истинной природе взглядов Бруно Бауэра, чтобы убедиться в том несомненном для каждого, знакомого с соответствующими источниками, факте, что «младогегельянцы» вообще не выходили из круга либеральных иллюзий» и что «наиболее ярко эти иллюзии выражены были именно у Бруно Бауэра».

Автор обнаруживает поразительную неосведомленность также и в других вопросах новой истории. Нет никакой возможности и необходимости подробно останавливаться на всех встречающихся в статье ошибках и промахах — их слишком много. Здесь стоит отметить лишь наиболее существенные из них.

Уже на первой странице своей статьи автор неожиданно утверждает, что «в 1835 г. в Лондоне на собрании одного рабочего общества была составлена «Народная хартия», в то время как из элементарного учебника известно, что «Лондонская ассоциация рабочих», т. е. та рабочая организация, которая впервые выступила с лозунгами Чартера, основана была только в июне 1836 года. Во Франции, утверждает дальше на той же странице автор, в то время «кипела борьба между буржуазией и молодым рабочим классом, достигшая наибольшей остроты в июльской революции 1830 г.». В Германии 30—40-х годов XIX в., «прозябавшей еще в обстановке феодализма и полунатуральной экономики» и не изжившей еще к этому времени «цехи со средневековым укладом», по словам автора, имелся уже пролетариат, «разрушавший время от времени появившиеся машины и машиностроительные (!) заводы». И здесь, в Германии, не юнкерство, как до сих пор принято было думать, а мелкая буржуазия «была основой немецкого абсолютизма» и вследствие этого оказывала ему «тем большую приверженность, чем быстрее развивались буржуазия и пролетариат» (стр. 13).

О Марксе и создании «Святого семейства» в статье Степанова также можно найти удивительные вещи: Маркс, оказывается, провел до написания «Святого семейства» в Париже целые годы, проделав при этом «колоссальную практическую (революцион-

ную) работу», а «мысль нанести удар идеализму (т. е. Бруно Бауэру.— *С. К.*) ...возникла у Маркса и Энгельса при встрече в Париже в 1844 г.» Н. Степанову, очевидно, совершенно неизвестны не только статьи Ф. Меринга, напечатанные в «Литературном наследстве», но и работы советских авторов, установившие с полной непреложностью на основании опубликованной переписки Маркса с А. Юнгом и М. Гессом тот несомненный факт, что нанести удар Бруно Бауэру Маркс замыслил еще до своей встречи с Энгельсом в сентябре 1844 года.

Статья пестрит неграмотными фразами. Степанову, например, ничего не стоит сказать, что «Маркс и Энгельс переживают освободительное действие книг материалиста Фейербаха» (стр. 6), или даже вложить в уста самих основоположников научного социализма фразы вроде следующей: «Идеи, потерявшие связь с интересами масс, неизбежно хиреют» (стр. 9).

Статья В. Б. Кустова, посвященная «А. Олару, как историку французской революции», производит не столь жалкое впечатление, но и ей, мы в этом уверены, не место на страницах трудов Горьковского пединститута. В статье этой нет грубых ошибок, как в статье Н. В. Степанова, но и она является не результатом обстоятельного и детального изучения всех основных работ Альфонса Олара, а ученической компиляцией из отдельных, имеющихся на русском языке историографических сочинений, в частности известных работ проф. Н. И. Кареева (фамилию которого, к слову сказать, тщетно будет искать читатель в подстрочных авторских примечаниях). Статья написана до последней степени неряшливо (в ней нет буквально ни одной правильной ссылки на французские работы Олара). Она перегружена совершенно излишними отступлениями в область истории Третьей республики и, главное, вовсе не раскрывает места А. Олара среди других современных историков французской революции XVIII века. Не случайно на всех 40 страницах статьи В. Кустова читатель не находит упоминания фамилии главнейшего противника А. Олара — Альбера Матьеза. В. Кустов попросту проходит мимо А. Матьеза и именно вследствие этого находит возможным, подводя итоги своему «исследованию», утверждать, что «книга Олара... является пределом того, до чего может дойти в своем радикализме последовательный буржуазный ученый». О той упорной борьбе, которую вели как против самого Олара, так и против предложенной им схемы французской революции члены матьезовского «Общества для изучения Робеспьера», он, очевидно, даже и не подозревает!

Нельзя не отметить здесь также и исключительную наивность автора, всерьез утверждающего в начале своей статьи, что о французской революции XVIII в. «написано свыше 200 крупных исследований», что А. Олар, «еще будучи в начальной школе, готовился к научной деятельности в области чистой словесности», и что он «по окончании нормальной школы» стал преподавателем в лицеях Нима и Ниццы!

Помимо незрелых, ученических работ Н. Степанова и В. Кустова в «Историческом сборнике» Горьковского пединститута помещены еще три других статьи. Одна из них принадлежит перу известного медиевиста С. И. Архангельского—«Проведение в жизнь ирландского земельного законодательства в 50-е годы XVII века»; две других: А. Самойло «К вопросу о родовом строе у северных осетин в эпоху завоевания Россией (конец XVIII—начало XIX в.)» и В. Т. Илларионова «К истории изучения палеолита в СССР»—посвящены проблемам археологии и истории доклассового общества.

В отличие от разобранных нами выше статей Н. Степанова и В. Кустова статьи этих ученых являются плодом действительно добросовестного изучения соответствующей литературы, источников, памятников материальной культуры и представляют большой научный интерес.

С. Кан

«Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института». Т. II. М. 1940. 284 стр. 10 руб.

Том II «Ученых записок» исторического факультета Московского областного педагогического института открывается большой статьей Б. Ф. Поршнева—«Народные восстания во Франции 20—40-х годов XVII века». Статья является частью уже защищенной Б. Ф. Поршневым 26 декабря 1940 г. докторской диссертации на тему «Народные движения XVII в. во Франции».

Рецензируемая статья, как и вся диссертация Б. Ф. Поршнева, представляет положительное явление в исторической науке. Она содержит новые важные данные для понимания классовой сущности абсолютизма во Франции и предпосылок революции конца XVIII в. и изменит общепринятое представление о Франции XVII в. как о веке блеска абсолютизма и спокойствия народных масс.

Статья доцента Д. Г. Редера «Рабы и подданные (семдет) египетских храмов в XII в. до н. э. по статистическим данным Большого папируса Гаррис» представляет собой часть защищенной автором кандидатской диссертации. Наряду с Большим папирусом Гарриса автор использовал данные и других источников.

Работа Д. Г. Редера посвящается благодарной теме — истории трудящихся. Для того чтобы решить поставленную задачу, автор показывает систему ведения хозяйства египетских храмов.

Храмовые владения в характеристике Д. Г. Редера предстают перед читателем как государства в государстве: они имели свою территорию, свои поселения, жители которых освобождались от государственных повинностей, свои транспортные средства и т. п. (стр. 128). Египетские храмы XII в.

до н. э., говорит автор, оставаясь в основном на базе натурального хозяйства, постепенно все больше и больше переходили к денежному хозяйству (стр. 131).

Статья А. М. Золотарева «К истории ранних форм группового брака» является частью подготовляемой докторской диссертации. Гипотезу Моргана о существовании кровнородственной семьи автор считает несостоятельной. «Доказательств кровнородственной семьи,— говорит он,— выдержавших критику современной науки, нам не удалось найти. Мы склоняемся к мнению, что существование кровнородственной семьи, как особого этапа и особой формы брачных отношений, представляется сомнительным» (стр. 169).

Доцент Ю. С. Крушкол в статье «Экспорт и сельскохозяйственный импорт северного Причерноморья (V—I вв. до н. э.)» (глава из кандидатской диссертации) показывает, что северное Причерноморье в V—I вв. до н. э. было богатой и развитой частью греческого мира (стр. 170), что там господствовало рабство (стр. 173). Северное Причерноморье вывозило хлеб не только в Афины, но и в другие греческие центры (стр. 175). Так же хорошо была поставлена там и рыбная промышленность. Продукция этой промышленности являлась важной экспортной статьей (стр. 176). Предметами импорта были вино и оливковое масло. Автор пользуется данными археологии и других исторических памятников.

В рецензируемом сборнике помещена монографическая статья доцента С. В. Фрязинова «Принцепс, аристократия и сенат в древнем Риме времени Нерона». Работа написана на основе анализа источников. Автор поставил перед собой задачу — показать борьбу, происходившую в Римской империи во время Нерона между принцепсом и аристократией, органом которой являлся сенат (стр. 193). В противоположность утверждениям некоторых ученых С. В. Фрязинов отмечает, что социальная база принципата была во время Нерона довольно широкой (стр. 204). Далее автор показывает, что историческое развитие шло уже в первые годы правления Нерона к урезке прав сената (стр. 214 и 215). Но аристократия сдавала позиции не без боя (стр. 225—226).

Автор говорит, что борьба между принцепсом и аристократией — это борьба в среде господствующего рабовладельческого класса, между различными его прослойками, что ее острота иногда смягчается общей опасностью революции рабов, что вспышки революции подавляются солидарными усилиями принцепса и сената (стр. 245).

Статьи студентки В. Куликовой «Положение крестьян в Нормандии в XIII в.» и студента Г. Луняки «Черты родового строя древних карело-финнов по «Калевале» являются результатом студенческого конкурса, объявленного истфаком Московского областного педагогического института в 1938—1939 учебном году.

Рецензируемый том «Ученых записок» истфака Московского областного педагогического института является серьезной книгой. В него вошли ценные работы, которые будут прочтены специалистами-историками. Желательно, чтобы истфак Московского областного педагогического института продолжил свой опыт издания подобных книг.

И. Ивашин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Корольчук Э. и Соколова Е. *Хроника революционного рабочего движения в Петербурге.* Ленинградский институт истории ВКП(б), филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Под общей редакцией В. А. Быстрянского. Т. I. (1870—1904). Лениздат. 1940. 383 стр. 16 руб.

Книга представляет солидную исследовательскую работу, основанную на богатом, преимущественно архивном материале. Широко использованы газеты, журналы, мемуары и монографии по отдельным вопросам. «Хроника» содержит ряд интересных сведений о возникновении в Петербурге первых рабочих кружков, о работе Ленина среди петербургского пролетариата. «Хроника» является незаменимым пособием для преподавателей и студентов вузов, для пропагандистов и для всех, изучающих историю революционного движения и большевистской партии.

Семернин П. *1905 год на Дону.* Ростиздат. 1940. 163 стр.

Первая глава посвящена общему экономическому и политическому положению Дона накануне революции 1905—1907 гг.; затем дается очерк революционного движения на Дону во время русско-японской войны.

Петров М. *Разгром Дутова.* Челябинское государственное изд-во. 1940. 207 стр.

Книга написана на основании архивных материалов челябинского, свердловского и оренбургского истпартов, Архива Красной Армии и воспоминаний непосредственных участников борьбы с Дутовым. Она начинается кратким очерком социально-экономических предпосылок дутовщины; далее автор анализирует контрреволюционные планы Дутова как наемника империалистических стран Антанты, описывает выступления его банд в Троицке, Челябинске, Верхнеуральске и Оренбурге, а также попытки их захватить Саратов, Астрахань, Уральск и Омск.

Архангельский С. *Аграрное законодательство английской революции 1649—1660 годов.* Изд-во АН СССР. 1940. 273 стр.

Названная книга является продолжением работы автора, изданной в 1935 г. под названием «Английское законодательство великой английской революции 1643—1648 гг.». В книге дается исследование аграрного законодательства периода республики 1649—1660 годов.

Коробков Н. *Семилетняя война (1756—1762).* Воениздат. 1940. 346 стр.

В кратком введении автор останавливается на характеристике важнейших работ буржуазных историков о Семилетней войне и на основных, более ранних этапах борьбы за Прибалтику. Главное внимание он уделяет описанию военных действий.

В I главе показаны происшедшие к началу XVIII в. изменения в соотношении сил европейских государств и их дальнейшее развитие; одновременно вскрываются экономические и политические предпосылки Семилетней войны. Останавливаясь далее на образовании противопрусской коалиции (глава II), автор показывает ее внутренние противоречия, отмечает состояние финансов и промышленности России. III глава посвящена противопрусским и пруссофильским тенденциям в правящих петербургских кругах. В IV и V главах изложены принципы набора в прусскую и русскую армии, формирование этих армий, подготовка, пополнение, численный состав и вооружение. Главы VI—XX посвящены важнейшим боевым операциям. В приложении к книге даны подробная библиография, а также карта маршей русской армии в войну 1756—1762 гг. и схема передвижений русской и прусской армий в кампанию 1759 года.

М. О.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Корольчук Э. и Соколова Е. *Хроника революционного рабочего движения в Петербурге.* Ленинградский институт истории ВКП(б), филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Под общей редакцией В. А. Быстрянского. Т. I. (1870—1904). Лениздат. 1940. 383 стр. 16 руб.

Книга представляет солидную исследовательскую работу, основанную на богатом, преимущественно архивном материале. Широко использованы газеты, журналы, мемуары и монографии по отдельным вопросам. «Хроника» содержит ряд интересных сведений о возникновении в Петербурге первых рабочих кружков, о работе Ленина среди петербургского пролетариата. «Хроника» является незаменимым пособием для преподавателей и студентов вузов, для пропагандистов и для всех, изучающих историю революционного движения и большевистской партии.

Семернин П. *1905 год на Дону.* Ростиздат. 1940. 163 стр.

Первая глава посвящена общему экономическому и политическому положению Дона накануне революции 1905—1907 гг.; затем дается очерк революционного движения на Дону во время русско-японской войны.

Петров М. *Разгром Дутова.* Челябинское государственное изд-во. 1940. 207 стр.

Книга написана на основании архивных материалов челябинского, свердловского и оренбургского истпартов, Архива Красной Армии и воспоминаний непосредственных участников борьбы с Дутовым. Она начинается кратким очерком социально-экономических предпосылок дутовщины; далее автор анализирует контрреволюционные планы Дутова как наемника империалистических стран Антанты, описывает выступления его банд в Троицке, Челябинске, Верхнеуральске и Оренбурге, а также попытки их захватить Саратов, Астрахань, Уральск и Омск.

Архангельский С. *Аграрное законодательство английской революции 1649—1660 годов.* Изд-во АН СССР. 1940. 273 стр.

Названная книга является продолжением работы автора, изданной в 1935 г. под названием «Английское законодательство великой английской революции 1643—1648 гг.». В книге дается исследование аграрного законодательства периода республики 1649—1660 годов.

Коробков Н. *Семилетняя война (1756—1762).* Воениздат. 1940. 346 стр.

В кратком введении автор останавливается на характеристике важнейших работ буржуазных историков о Семилетней войне и на основных, более ранних этапах борьбы за Прибалтику. Главное внимание он уделяет описанию военных действий.

В I главе показаны происшедшие к началу XVIII в. изменения в соотношении сил европейских государств и их дальнейшее развитие; одновременно вскрываются экономические и политические предпосылки Семилетней войны. Останавливаясь далее на образовании противопрусской коалиции (глава II), автор показывает ее внутренние противоречия, отмечает состояние финансов и промышленности России. III глава посвящена противопрусским и прусофильским тенденциям в правящих петербургских кругах. В IV и V главах изложены принципы набора в прусскую и русскую армии, формирование этих армий, подготовка, пополнение, численный состав и вооружение. Главы VI—XX посвящены важнейшим боевым операциям. В приложении к книге даны подробная библиография, а также карта маршей русской армии в войну 1756—1762 гг. и схема передвижений русской и прусской армий в кампанию 1759 года.

М. О.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

1918—1939 годы

(Основная литература)

Составители настоящего списка поставили перед собой задачу подобрать литературу, позволяющую проследить переход капиталистического мира от первого ко второму туру империалистических войн. Основным вопросом при подборе литературы являлся распад версальской системы. Список далеко не исчерпывающий; в него включены только работы по взаимоотношениям нескольких стран. Работы, содержание которых ограничивается взаимоотношениями только двух стран, в список не включены. Отмечены главным образом те работы, в которых с наибольшей полнотой освещается точка зрения той или иной империалистической группировки. В список включены те из работ Ленина, Сталина и ближайших их соратников, в которых особо подчеркнуто мировое влияние внешней политики СССР.

1. Ленин и Сталин о международном положении 1918—1939 годов

В. И. Ленин. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 1—16.

В. И. Ленин. О задачах III Интернационала. Соч. Т. XXIV, стр. 382—399.

В. И. Ленин. Речь о внешнем и внутреннем положении на конференции красноармейцев ходынских лагерей 15 июля 1919 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIV, стр. 400—401.

В. И. Ленин. Ответ на вопросы американского журналиста. Соч. Т. XXIV, стр. 402—405.

В. И. Ленин. Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 26 января 1920 г. Газетный отчет. Соч. Т. XXV, стр. 13—16.

В. И. Ленин. Речь на I всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 47—62.

В. И. Ленин. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 257—261.

В. И. Ленин. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 331—346.

В. И. Ленин. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 398—408.

В. И. Ленин. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 411—424.

В. И. Ленин. Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 498—513.

В. И. Ленин. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря 1920 г. Соч. Т. XXVI, стр. 5—23.

В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Соч. Т. XXVII, стр. 24—30.

В. И. Ленин. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК IX всероссийскому съезду советов 23 декабря 1921 г. Соч. Т. XXVII, стр. 113—141.

В. И. Ленин О международном и внутреннем положении советской республики. Доклад на заседании коммунистической фракции всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 168—179.

В. И. Ленин. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 225—259.

В. И. Ленин. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману. Соч. Т. XXVII, стр. 311—316.

В. И. Ленин. Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге. Соч. Т. XXVII, стр. 372—375.

И. В. Сталин. Об основах ленинизма. «Вопросы ленинизма», стр. 1—77. 11-е изд.

И. В. Сталин. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. «Вопросы ленинизма», стр. 78—105. 11-е изд.

И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября. «Вопросы ленинизма», стр. 175—182. 11-е изд.

И. В. Сталин. К итогам работ XIV конференции РКП(б). Доклад активу Московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. «Вопросы ленинизма», стр. 108—133. 1932. 9-е изд.

И. В. Сталин. Политический отчет ЦК XIV съезду РКП(б) 18 декабря 1925 г. «XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии(б)». Стенографический отчет, стр. 8—55. М. и Л. 1926.

И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. «Вопросы ленинизма», стр. 169—202. 1934. 10-е изд.

И. В. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. «XV съезд Всесоюзной коммунистической партии(б)». Стенографический отчет, стр. 37—80. 1935.

И. В. Сталин. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г. «Вопросы ленинизма», стр. 345—438. 1934. 10-е изд.

И. В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. «Вопросы ленинизма», стр. 423—438. 11-е изд.

И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. «Вопросы ленинизма», стр. 564—572. 11-е изд.

И. В. Сталин. О лживом сообщении агентства Гавас. (Ответ товарища Сталина на вопрос редактора газ. «Правда» по поводу сообщения агентства Гавас о якобы произнесенной товарищем Сталиным речи в Политбюро о войне в Европе). «Правда» от 30 ноября 1939 года.

«История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». М. 1938. 352 стр.

2. Справочные пособия

Международные конференции и договоры. Краткий справочник. Сост. Л. Н. Иванов. Харьков. 1933. 254 стр.

Хронологический перечень международных многосторонних договоров, заключенных с 1919 по 1933 год, с кратким изложением их содержания. М. 1933. 138 стр.

Boulter V. M. Chronology of international events and treaties 1920—1925. L. 1928. 235 p.

Documentary Textbook on International relations. Comp. by J. E. Harley. Los Angelos. 1934. 848 p.

Survey of international affairs. Ed. by A. J. Toynbee and V. M. Boulter. Vol. 1—15. Oxford. 1920—1937 (Royal institute of international affairs).

Consolidated index to the survey of international affairs 1920—1930 and supplementary volumes. Oxford. 1932. 214 p. — Сводный указатель к предыдущему изданию.

Meyers D. P. Handbook of the League of nations. A comprehensive account of its structure, operation and activities. Boston — New York. 1935. XIII, 411 p.

Schulthess europäischer Geschichtskalender. Hrsg. von U. Thüraf. Der ganzen Reihe. Bd. 1—8. München, 1861.

The Statesman's year-book. Statistical and historical annual of the states of the world for the year 1920—1937. Revised after official returns. L., 1864.

3. Собрания документов

Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1935. М. 1937. 432 стр.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М. 1925—1929. Том I касается периода 1789—1914 годов.—Издание продолжалось под заглавием: Международная политика. Договоры, декларации и дипломатическая переписка (за 1928—1930 гг.). Т. 1—3. М. 1929—1932.

Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. М. 1939. 208 стр. (Политупр. РККА).

Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. I—II. М. 1932—1937.

Das Diktat von Versailles. Entstehung, Inhalt, Zerfall. Eine Darstellung in Dokumenten. Hrsg. von F. Berber. Mit einem Vorwort von J. Kibbentrap, Essen. Bd. 1—2. 1939. XLVII, 1672 S.

Documents on international affairs. Ed. by John W. Wheelor-Bennette. Vol. 1—7. L. 1929—1935.

Die politisch-militärischen Pakte der Nachkriegszeit im Wortlauf. In Übersetzung hrsg. von W. Berger. Erlangen. 1936. VIII, 166 S. [Сборник текстов в переводе на немецкий язык].

Speeches and documents on international affairs 1918—1937. Ed. by A. Keith. Vol. 1—2. N. Y. 1938.

Treaty series: publications of treaties and international engagements registered with the Secretariat of the League of nations. Vol. 1—194. Geneva. 1920—1939. (League of nations.)

General index to the Treaty series. Vol. 1—6 to vol. 1—152 (1920—1934). Geneva. 1927—1938. (League of nations.)

Wambaugh S. Plebiscites since the world war. With a collection of official documents. Vol. 1—2. Washington. 1933.

Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Bd. 1—5. Hrsg. v. W. Frauendienst. Essen. 1934—1939.

4. Общие работы

В. М. Молотов. Речь по радио председателя Совета народных комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 года. М. 1939. 8 стр.

В. М. Молотов. О внешней политике Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании V сессии Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года. М. 1939. 20 стр.

В. М. Молотов. XXII годовщина Октябрьской революции. Доклад тов. В. М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1939 года. М. 1939. 20 стр.

В. М. Молотов. Речь по радио председателя Совета народных комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 29 ноября 1939 года. М. 1939. 8 стр.

В. М. Молотов. Внешняя политика правительства. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании VI сессии Верховного совета Союза ССР 29 марта 1940 года. М. 1940.

В. М. Молотов. Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года. М. 1940. 16 стр.

М. И. Калинин. XIX годовщина Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского совета в Большом театре СССР 6 ноября 1936 г. М. 1936. 15 стр.

М. И. Калинин. Международное положение СССР. Доклад на Съезде колхозников-ударников Горьковского края 15 февраля 1936 г. М. 1936. 39 стр.

М. И. Калинин. О международном положении. Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 года. М. 1938. 36 стр.

Годовые отчеты Народного комиссариата иностранных дел. М. 1919—1925.— Отчеты съездам советов РСФСР (за 1919—1922 гг.) и СССР (за 1923—1924 гг.). Заглавие неоднократно менялось.

Benns F. Europe since 1914. N. Y. 1934. XIV. 862 p.

Brinon F. France — Allemagne (1918—1933). P. 1934. V. 272 p.

Charques R. and Ewen D. Profits and politics in the post-war world; an economic survey of contemporary history. Detroit. 1934. 287 p.

Davies D. The problem of the twentieth century. A study in international relationships. London and Aylosbury. 1930. XVII, 795 p.

Dutt P. World politics 1918—1936. N. Y. 1936. 389 p.

Eden A. Foreign affairs. L., 1939, 356 p.

Gathorne-Mardy G. M. A. short history of international affairs 1920 to 1938: being the edition of 1934, revised and enlarged. L. 1938. X, 487 p. (The Royal institute of international affairs).

King-Hall S. Our own times, 1913—1934; a political and economic survey. Vol. 1—2. L. 1934.

Simonds F. H. and Brooks E. The great powers in world politics. International relations and economic nationalism. N. Y. 1935. XII, 644 p.

Wache W. System der Pakte. Die politischen Verträge der Nachkriegszeit. B. 1938. 425 S.

5. Версальская система

а) Документы

Версальский мирный договор. Полн. перев. с франц. М. 1925. XXXI, 197 стр.

Мир в Нейи. Полный перев. с франц. М. 1926. XIII, 129 стр.

Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Полн. перев. с франц. текста. М. 1927. 54, 303 стр.

Сен-Жерменский мирный договор. Полный перев. с франц. текста. М. 1925. XX, 176 стр.

Трианонский мирный договор. Полн. перев. с франц. текста. М. 1926. XXVII, I, 184 стр.

Arhiv der Friedensverträge. Hrsg. von H. Dorn. Bd. 1—2. Mannheim. 1923—1926.

Berichte über die Tätigkeit der deutschösterreichishen Friedensdelegationen in St.-Germain en Laye. Bd. 1—2. Wien. 1919.

Conditions of peace of the allied and associated powers. Complete and rev. reproduction of the official text. B. 1919. 212 p.

Congrès de la paix 1919—1920. T. 1—3. P. 1920. (Vol. I—II. Traités, protocoles, déclarations, conventions et actes divers. Vol. III. Protocole des cinq séances publiques.)

Documents regarding the peace conference. N. Y. 1919. 62 p. (International conciliation. N. 139.)

Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janv. 1919—7 déc. 1923). P. 1924. 271 p.

La documentation internationale. La paix de Versailles. T. 1—12. P. 1930.

The Peace conference, day by day. A presidential pilgrimage leading to the discovery of Europe. By C. T. Thompson. N. Y. 1920, 423 p.

Peace treaties. Various treaties and agreements between the allied and associated powers and the serb-croat-slovene state, Roumanie, Bulgaria,

Hungary and Turkey. Presented by Lodge. Washington. 1921. 448 p.

Staatsvertrag von Saint-Germain mit den alliierten und assoziierten Mächten. Wien. 1919. 250 S.

Traité de paix entre les puissances alliées et associées et la Turquie signé à Sèvres le 10 août 1920. P. 1920. (Publication du Ministère des affaires étrangères.)

Treaty of peace between the allied and associated powers and Hungary and protocol and declaration signed at Trianon. June 4, 1920. L. 1920. IV, 113 p.

Treaty of peace with Germany. Washington. 1919. II, 1297 p. (U. S. Congress. Senate. Committee of foreign relations.)

б) Историческая и публицистическая литература

Гиршфельд А. Версаль. «Военно-исторический журнал» № 8 за 1940 г., стр. 68—88.

Иванов Л. Н. Мировая политика после Версаля. М. и Л., 1927. 112 стр.

Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора. Перев. с англ. и предисл. ко 2-му изд. Д. П. Кончаловского. М. 1924. XIV, 2, 136 стр.

Ллойд-Джордж Д. Европейский хаос. Перев. с англ. П. Константинова. М. и Л. 1924. 151 стр.

Новак К. Ф. Версаль. Перев. с немецк. А. В. Юдиной. М. и Л. 1930. 205 стр.

Нитти Ф. Вырождение Европы. Перев. с итальянск. М. Пруссак. М и Л. 1923. XXIV, 176 стр.

Нитти Ф. Европа без мира. Перев. с итальянск., с предисл. М. Павловича. Л. 1923. 222 стр.

Черчиль, В. Мировой кризис. Перев. с английского с предисловием И. Минца. М. и Л. 1932, 328 стр.

Павлович М. Французский империализм в после-версальский период. М. 1925. 78 стр.

Шетцель В. Политические итоги мирных договоров (1919—1925). Перев. с немецк. В. Н. Зелькиной. М. и Л. 1926. VIII. 216 стр. (Коммунистическая академия. Кабинет внешних сношений).

Энджель Н. Версальский мир и экономический хаос в Европе. Перев. с англ. А. И. Ханох. П. 1922. 112 стр.

Baker R. S. Woodrow Wilson and world settlement, written from his unpublished and personal material. T. 1—3. Garden City. N. Y. 1923—1927.

Chamberlain A. Down the years. L. 1935. 243 p.

Clémenceau. Grandeurs et misères d'une victoire. P. 1930. IV, 374 p.

Dillon E. J. The peace conference. L. 1919. 4, XII, 439 p.

Haskins C. H. Some problems of the peace conference. Cambridge. 1922. XII, 307 p.

A history of the peace conference of Paris. Ed. by M.W.V. Temperley. Vol. 1—6. L. 1920—1924.

House E. M. The intimate papers fo colonel House arranged as a narrative by C. Seymour. Vol. 4—5. Boston — New York, 1928.

House E. M. and Seymours C. What really happened at Paris; the story of the peace conference 1918—1919, by American delegates. L. 1921. 541 p.

The Hungarian peace negociations: an account of the work of the Hungarian peace delegation at Neuilly s/s from January to March 1920. Vol. 1—3. Budapest. 1922.

Janz F. Die Entstehung des Memelgebietes. Zugleich ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Versailler Vertrags. B. 1928. 136 S.

Lloyd George D. The truth about the peace treaties. Vol. 1—2. L. 1938.

Macartney C. A. Hungary and her successors. The treaty of Trianon and its consequences, 1919—1939. N. Y. 1938. 525 p.

Mermeix. Le combat des trois. Notes et documents sur la conférence de la paix. 7-e éd. P. 1922. 311 p. (Clémenceau, Lloyd-George, Wilson.)

Nicolson H. Curzon: the last phase 1919—1925. A study in post-war diplomacy. Boston and New York. 1934. XVI, 416 p.— Книга полна клеветнических выпадов против СССР, но дает богатый материал по внешней политике Англии и других империалистических держав.

Nicolson H. Peacemaking 1919. L. 1937. VII, 378 p. (Studies in modern diplomacy.)

Sforza C. Diplomatic Europe since the treaty of Versailles. New-Haven — London. 1928. VII, 130 p.

Stresemann G. Von der Revolution bis zum Frieden von Versailles. Reden und Aufsätze. B. 1919. 229 S.

Tardieu A. La paix. Préface de G. Clémenceau. P. 1921. XXVII, 520 p.

Woodrow Wilson's case for the League of nations, compiled with his approval by H. Foley. Princeton. 1923. 18, 288 p.

6. Лига наций

Official journal [of the League of nations] Geneva, 1920.— Прочие документы Лиги наций см. в Publications issued by the League of nations 1920—1935 и ниже в разделе 24. Библиографические указатели.

Пэри Г. Лига наций. Ее слова и дела. С предисл. А. Марти. Пер. А. Н. Карасика. Л. 1926. 165 стр.

Essential facts about the League of nations. 10-th ed. (rev). Geneva. 1939. 359 p.
Les fins et l'organisation de la Société des nations, Genève. 1929. 94 p.
Gonsiorowski M. Société des nations et problème de la paix. T. 1—2. P. 1927.
Guggenheim P. Völkerbund. Systematische Darstellung seiner Gestaltung in der politischen und rechtlichen Wirklichkeit. Lpz.— B. 1932. VIII, 281 S.
Knudsen J. J. A history of the League of nations. Atlanta, Ga. 1938. 451 p.

7. Малая Антанта

Codresco F. La Petite Entente (Thèse). P 1930. 709 p. (Université de Paris. Faculté de droit.)
Cosma A. La Petite Entente. P. 1926. 295 p.
Crane J. O. The Little Entente. N. Y. 1931. XVII, 222 p.
Machray R. The struggle for the Danube and the Little Entente 1929—1938. 344 p.

8. Вашингтонская конференция

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921 — 1922 годов. Полн. перев. актов и документов. М. 1924.
Documents diplomatiques. Conférence de Washington. Juillet 1921 — févr. 1922. P. 1923. XI, 208 p. (France. Ministère des affaires étrangères.)
Treaty between the United States, the British Empire, France, Italy and Japan. Limitation of naval armament. Signed of Washington, February 6, 1922. Washington. 1923. 35 p.
Washington conference on limitation of armaments. P. 1—2. N. Y. 1921—1922.

———

Buell R. W. The Washington conference. N. Y.— L. 1922. XII, 461 p.
Ichihashi Yamato. The Washington conference and after. A historical survey. Stanford University, California. 1928. XII, 443 p.
Latimer H. Naval disarmament. A brief record from the Washington conference to date. Preface by Ph. M. Kerr. L. 1930. VIII, 112 p.
Millard Th. F. Conflict of politics in Asia. L. 1924. 8, 507 p.
Willoughby W. W. China at the conference. A report. Baltimore. 1922. XVI, 419 p.
Wou, Saofong. La Chine et la conférence de Washington (Thèse). P. 1927. 234 p.

9. Генуэзская конференция. Рапалльский договор

Генуэзская конференция (Стенографический отчет). Материалы и документы. Вып. 1. М. 1922.
Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты, заседания, работы комиссии, дипломатическая переписка и проч.). М. 1922.
Conférence économique internationale de Gênes, 9 avril — 19 mai 1922. P. 1922. 186 p. (France. Ministère des affaires étrangères.)
Material über die Konferenz von Genua. Weissbuch des auswärtigen Amtes. Reichstag, I. Wahlperiode 1920—1922. 177 S. (Drucksache 4378.)

———

Ратенау В. Генуя и Канны. Перев. с немецк. М. 1923. 86 стр.
Mills J. S. The Genoa conference. L. 1922. 5, 9, 436 p.

10. Греко-турецкая война 1919—1922 годов. Лозаннская конференция 1923 года

Conférence sur les affaires du Proche-Orient (1922—1923). Lettres et accords du 24 juillet 1923. P. 1923. (Traité de Lausanne.)
Documents diplomatiques. Conférence de Lausanne. T. 1—2. P. 1923. (France. Ministère des affaires étrangères.)
Treaty of peace with Turkey, and other instruments signed at Lausanne on July 24, 1923, together with agreements between Greece and Turkey signed on January 30, 1923, and subsidiary documents forming part of the Turkish peace settlement. L. 1923. IV, 243 p.

———

Кемаль, Мустафа. Пути новой Турции, 1919—1927 годы. Т. I—IV. М. 1929.
Корсун М. Г. Греко-турецкая война 1919—1922 годов. Оперативно-стратегический очерк. М. 1940. 54 стр.
The greek campaign in Asia Minor at 1921. Telegrams of correspondents of the world press. Athens. 1921. 52 p. (Greece. Ministry for foreign affairs.)
Halidé Edib. The turkish ordeal. Being the furthen memoirs of Halidé Edib. N. Y. 1928. 407 p.

11. Локарнское соглашение

Локарнские соглашения. Перев. с офиц. текста. М. 1925. 39 стр.
Final protocol of the Locarno conference, 1925, and treaties between France and Poland, and France and Czechoslovakia. Worcester. 1926. 93 p.
Locarno. Aemtliche Dokumente und öffentliche Zeugnisse zur Geschichte des Rheinpaktes und der Schiedsverträge. Bielefeld und Leipzig, 1929. 93 S.
Locarno. Eine Dokumentensammlung: Hrsg. von Berber. B. 1936. X, 408 S.

———

Giovannucci F. S. Locarno. Roma. 1935. 448 p.
Strupp K. Das Werk von Locarno. B.—Lpz. 1926. 179 S.

12. Репарации и военные долги

а) Материалы общего характера

Репарационный вопрос и военные долги. Сборник документов. Под ред. А. Ерусалимского и Л. Иванова. М. 1933. 210 стр.

Маультон Г. и Пазвольский Л. Военные долги. М. 1933. 306 стр.

D'Abernon Ed. An ambassador of peace, pages from the diary of viscount d'Abernon (Berlin, 1920—1926) with historical notes by M. A. Gerothwohl. Vol. 2—3. L., 1929—1930. Перевод: д'Абернон. Посол мира. Страницы из дневника (Берлин, 1920—1926). Перев. Н. М. Сегаль. Т. I. От Спа (1920) до Рапалло (1922). М. 1931. 216 стр.

Antonucci A. Le bilan des réparations et la crise mondiale. P. 1935. XII, 563 p.

Michel E. Les dommages de guerre de la France et leur réparation. P. 1932. XI, 656 p.

Philips A. Economic aspects of reparations and inter-allied debts. Hague. 1930. VII, 200 p.

Picard R. et Hugon P. Le problème des dettes interalliées. Nécessité d'une révision. P. 1934. 288 p.

Seydoux J. De Versailles au plan Young. Rèparations. — Dettes interalliées. — Reconstruction européenne. P. 1932. XVIII, 333 p.

Simonds F. H. and Brooks E. The price of peace. The challenge of economic nationalism. L. 1935. XXVIII, 352 p.

б) Репарации 1919—1923 годов

Aktenstücke zur Reparationsfrage vom Mai 1921 bis März 1922. Weissbuch des auswärtigen Amtes. In Verbindung mit dem Reichsfinanzministerium. Reichstag, I. Wahlperiode 1921—1922. B. 1922. 195 S. (Drucksache № 4190.)

Rapport sur les travaux de la commission des réparations de 1920 à 1922. Vol. 1—2. VIII, 607 p.

Recueil de documents sur l'histoire de la question des réparations (1919—5 mai 1921), ed. par G. Calmette. P. 1924. CVI, 540 p.

Die Sachverständigen Gutachten. Die Berichte der von der Reparationskommission eingesetzten beiden Sachverständigenkomitees vom 9 April 1924 nebst allen Beilagen. Einzige autorisierte Ausgabe im Auftrage des auswärtigen Amtes. Amtlicher Text der Reparationskommission in französischer und englischer Sprache und amtlicher Uebertragung. B. 1924, 174, 174 S.

Кейнс Д. М. Пересмотр Версальского договора. Автор. перев. с англ. Спб. 1922. 263, 4 стр.

Baruch B. M. Making of the reparation and the economic sections of the treaty. N. Y. 1920, 353 p.

в) Оккупация Рура

Материалы по рурскому вопросу. (История французско-бельгийской оккупации германских областей и ее последствия.) М. 1923. 219 стр.

Urkunden über Besetzung und Räumerung des Ruhrgebiets und die arrêtés der französisch-belgischen Militärbefehlshaber. 2-te Folge der «Französisch-belgischen Anordnungen für das Ruhrgebiet», umfassend die arrêté, № 113—140 und 200—234 in französisch und deutsch abgeschlossen im April 1925. Bearb. von W. Vogels. B. 1925. 172 S.

Лозовский А. Они и мы в борьбе против войны (Гаага и Франкфурт). М. 1923. 65 стр.

Kamper W. Die Rheinlandkrise des Herbstes 1923. Ein politischer Ueberblick. Frankfurt. 1925. 128 S.

г) План Дауэса

Германские репарации и доклад комитета экспертов. Собрание документов с вводными статьями Ф. А. Ротштейна и Е. Варги. М. и Л. 1925. 160 стр. (Коммунистическая академия. Кабинет международной политики).

План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. М. 1925. 268 стр.

План решения репарационного вопроса. Доклады комиссии экспертов под председательством Дауэса и Мак Кенна. Перев. А. Зака. М. 1925. 170 стр. (Проблемы мирового хозяйства.)

Варга Е. План Дауэса и мировой кризис 1924 года. Перев. с рукописи Шуль-Шенталь. М. 1925. 126 стр.

Гейнинг К. План Дауэса. Перев. с немецк. С. Розенберга. М. 1924. 37 стр.

Auld G. P. The Dawes plan and the new economics. With foreword by R. C. Dawes. Garden City — N. Y. 1927. XVII, 317 p.

Dawes R. C. The Dawes plan in the making. With foreword by F. O. Lowden. Indianopolis, 1925. 2, 525 p.

Furst G. A. De Versailles aux experts. Nancy — Paris — Strasbourg. 1927. X, 361 p.

Moulton H. G. The reparation plan. An interpretation of the report of the Expert committees appointed by the Reparation commission, 30 Nov. 1923. N. Y.— L. 1924. X, 325 p.

Nonu J. M. Le règlement des dettes interalliées et le plan Dawes. T. I. P. 1929.

д) Гаагская конференция 1929—1930 годов и план Юнга

План Юнга. Полный текст плана Юнга. Предисл. и ред. Ф. А. Ротштейна. М. 1930. 289 стр.

План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 годов. Документы и материалы. Ред. перевода и вводная статья Л. Иванова и А. Ерусалимского. М. и Л. 1931. XXIII, 240 стр.

The final settlement of the reparations problems growing out of the world war. Protocol, with annexes approved at the plenary session of the Hague conference, August 31, 1929 and Agreements concluded at the Hague conference, January 1930. 359—557 p. («International conciliation» № 262.)

Gesetze über die Haager Konferenz über das deutsch-amerikanische Schuldenabkommen sowie über die Abkommen zur Regelung von Fragen des Teils X des Vertrags von Versailles. B. 1930. 139 S.

Haager Vereinbarungen vom Januar 1930. Nebst allen Anlagen. B. 1930. 206 S.

Der neue Plan. Young-Plan und Haager Vereinbarungen nebst den deutschen Ausführungsvorschriften. Hrsg. und erläutert von E. Heifron und P. Nassen. B. 1931. VIII, 524 S.

The reparation settlement signed June 7, 1929. With historical and explanatory introduction, ed. by L. Fraser. Worcester — N. Y. 1929. 193 p.

Young G. Facts concerning war debts as of september 1-st, 1932. N. Y. 1932. 103 p.

Brockdorff A. Das Jungsystem und seine Wirkung. 2-te völlig umgearb. und erweit. Aufl. der Schrift. «Das Dawes-system und seine Wirkung». Langensalz. 1930. 150 S.

Hills R. W. Side-lights on reparations; a series of commentaries "on international relations between 1922 and 1928. Washington. 1928. 264 p.

Mc. Fadyean A. Reparation reviewed. L, 1930. 220 p.

Meyers D. P. The reparation settlement. Boston, 1930.

Wheeler-Bennett J. W. and Latimer H. Information on the reparation settlement being the background and history of the Young plan and the Hague agreements 1929—1930. L. 1930. 253 p.

e) Лозаннская конференция

The Lausanne agreement. Statement of N. M. Butler, radio address of W. E. Borah, text of the final act of the Lausanne conference, July 9, 1932, and texts of further documents relating to the settlement reached at Lausanne. June 16—July 9, 1932. N. Y. 1932. 43 p.

Wheeler-Bennett J. W. The wreck of reparations. Being the political background of the Lausanne agreement 1932. L. 1933. 295 p.

13. Пакт Бриана — Келлога

Amendement du pacte de la Société des nations à la suite de l'adhésion générale des membres de la Société des nations au pacte de Paris de renonciation à la guerre. Extraits des actes de la 10-ème ordinaire de l'Assemblée. Genève. 1929. 48 p.

The General pact for the renunciation of war. Text of the pact as signed. Notes and other papers. Washington, 1928. VI, 71 p. (U. S. Dept. of state.)

Notes exchanged between France and the United States on the subject of a multilateral treaty for the renunciation of war, together with the text of Briand's original proposal for a pact of perpetual friendship. Washington. 1928. III, 25 p. (U. S. Departm. of State.)

Notes exchanged between the United States and other powers on the subject of a multilateral treaty of the renunciation of war. June 20, 1927—June 23, 1928. Washington. 1928. IV, 39 p. (U. S. Dept. of state.)

Le pacte Kellogg. Documents concernant le traité multilatéral contre la guerre signé à Paris le 27 août 1928, recueillis avec une préf. par A. Lysen. Leyde. 1928. 95 p.

Selekted articles on the pact of Paris, officially the general pact for the renunciation of war, comp. by J. T. Gerould. N. Y. 1929. XIV. 287 p.

Treaty for the renunciation of war. Text of the treaty, notes exchanged instruments of ratification and of adherence and others papers. Washington. 1933. VIII, 315 p.

The United States and treaties for the avoidance of war. Text of the Briand—Kellogg treaty. Signed Febr. 6. 1928. Publ. by P. Jessup. N. Y. 1928. 71 p.

14. Проблема разоружения

Делегация СССР на последней сессии Комиссии разоружения (2-я половина VI сессии) 6 ноября—9 декабря 1930 г. М. 1931. 100 стр.

За всеобщее разоружение. Речи М. М. Литвинова и советские предложения о полном и частичном разоружении. М. и Л. 1928. 135 стр.

Луначарский А. В. Разоружение. Стенограмма доклада о Женевской конференции на партактиве Красной Пресни 31 марта 1932 года. М. 1932. 32 стр.

Actes de la conférence pour la réduction et la limitation des armements. Sér. A.— D. Genève. 1932—1936.

Armaments year-book. General and statistical information. Vol. 1—15. Geneva, 1924—1940.

Disarmament. A review of the acts of the League of nations and a government parliamentary debates and the trend of public opinion and action relating to the world desarmament conference 1932. Vol. I. Genève. 1932. 16 p.

Documents concerning the date of the resumption of the work of the Confe-

rence at the correspondence between the President of the Conference and the governments of the United Kingdon, France and Italy. Geneva. 1934. 30 p.

Documents de la conférence. Vol. 1—3. Genève. 1932—1935. (Société des nations. Conférence pour la réduction et la limitation des armements.)

Handbuch des Abrüchtungsproblem. Hrsg. von Th. Niemeyer. Bd. 1—3. B. 1928.

L'Hote A. Renseignements documentaires sur la conférence pour la réduction et la limitation des armements. P. 1936. X, 217 p.

Memorandum on the progress of disarmement 1919—1932 with an analysis of the draft disarmament convention by S. Heald. L. 1932. 68 p.

Preliminary report on the work of the conference. Prepared by A. Henderson. Geneva. 1936. 206 p. (League of nations.)

———

Иванов Л. Крах конференции по разоружению (с прил. важнейших документов конференции по разоружению). Харьков. 1939. 457 стр.

Коровин Е. А и Егорьев В. В. Разоружение. Проблема разоружения в международном праве. Лига наций в фактах и документах (1920—1929). М. и Л. 1930. 432 стр.

Coulon P. La conférence du désarmement. P. 1934. 239 p.

The problems of peace. Lectures delivered at the Geneva Institute of international relations. Series 1—4. L. 1927—1930.

Waheed Haafat. Le problème de la sécurité internationale. P. 1930. 684 p.

Wheeler-Bennett J. W. and Langermann F. E. Information on the problem of security (1917—1918). L. 1927. 272 p.

Wheeler-Bennett J. W. The pipe dream of peace. The story of the collapse of disarmament. N. Y. 1935. XVI, 302 p.

15. Лондонские морские конференции

Documents of the London naval conference 1930. Consisting of the treaty signed on April 22, 1930, the minutes of plenary meetings. L. 1930. 565 p.

Documents of the London naval conference 1935. Decembre, 1935—March, 1936. L. 1936, 967. p.

The London naval conference, 1935. Report of the delegates of the United States of America. Text of the London naval treaty of 1936 and other documents. Washington. 1936. VII, 444 p.

———

Bouy R. Le désarmement naval. La conférence de Londres. P. 1931. 284 p.

Harris H. W. Naval disarmament. L. [1930] 124 p.

Morgan L. P. The background of the London naval conference. With comparative statistics on the five navies. Washington. 1930. 76 p.

16. Балканская Антанта и вопрос о проливах

Actes de la conférence de Montreux (concernant le régime des Détroits). 22 juin — 20 juillet 1936. Compte rendu des séances plénières et procès-verbal des débats du comité technique. Liège. 1936. 310 p.

Giannini A. Trattati ed accordi per l'Europa danubiana e balcanica. Roma. 1936. 647 p.

Kerner R. J. and Howard M. N. The Balkan conferences and the Balkan Entente 1930—1935. A study in the recent history of the Balkan and Near Eastern peoples Berkeley. California. 1936. X, 271 p.

Peeff K. Balkanpakt und Balkanbund. Sofia, 1937. VIII. 105 S.

Pétrovitch S. L'union et la conférence balcaniques. P. 1934. XXIV, 319 p.

17. Средиземноморская проблема

Жерве Б. Средиземное море. Политико-стратегический очерк. М. 1927. 200 стр.

Cippico A. Italy the central problem of the Mediterranean. New Haven — London. 1926. XI, 110 p.

Djonker M. C. Le Bosphore et les Dardanelles. Les conventions des Détroits de Lausanne (1923) — et Montreux (1936). Lausanne. 1936. 164 p.

Driault E. La question d'Orient 1918—1937. La paix de la Méditerranée. P. 1938. XVI, 538 p.

Garratt G. T. Gibraltar and the Mediterranean. L. 1939. 351 p.

Monroe E. The Mediterranean in policy. L. 1939. X, 259 p.

Peteani L. La questione Libica nella diplomazia Europea. Firenze. 1939. 254 p.

Reinhard E. Kampf um Suez. Dresden. 1930. 328 S.

Silva P. Italia — Francia, Inghilterra nel Mediterranea. Milano. 1939. 179 p.

18. Итало-абиссинская война

Dispute between Ethiopia and Italy. Co-ordination of measures under article 16 of the covenant. Geneva. 1936. XXXII, 359 p.

———

Graziani R. Pace romana in Libia. Milano—Verona. 1937, XXII, 366 p.— Работа одного из виднейших итальянских военных деятелей.

Italy and Ethiopia. Background of dispute from the «New statesman and Nation». N. Y. 1935. 85 p.

Mennevée R. Les origines du conflit italo-ethiopien et la Société des nations. Les incidents de Oual-Oual à l'agres-

sion italienne. (novembere 1934 à octobre 1935). P. 1936. 379 p.

19. Соглашение о «невмешательстве» в испанские дела

Foreign intervention in Spain. Documents collected and ed. by «Hispanicus». Vol. I. L. 1937.

The text of a proposed resolution reaffirming and extending the non-intervention agreement and providing for the withdrawal of foreign volonteers from Spain for the grant in certain circumstances of belligerent rights to the two parties in Spain and for the observation of the spanish frontiers by land and see. L. 1938. 80 p.

Padelford N. J. International law and diplomacy in the Spanish civil strife. N. Y. 1939. XXVI, 710 p. (Исследование международных отношений в связи с событиями гражданской войны в Испании. 1936—1939. Документы, стр. 205—674.)

20. Тихоокеанская проблема

Андогский А. И. Пути к разрешению Тихоокеанской проблемы. Харбин, 1926. 64, 52 стр. (Автор — белоэмигрант, бывш. начальник Российской военной академии).

Белли В. А. Борьба за Тихий океан. М. и Л. 1929. 205 стр.

Головин, Н. Тихоокеанская проблема в 20 столетии. Перевод с английского. Прага, 1924. 292 стр.

Денлингер. Война на Тихом океане. (Проблемы будущей войны.) Перев. с англ. М. и Л. 1939. 228 стр.

Мануильский Д. Тихоокеанские противоречия и Китай. Доклад на расширенном пленуме Коминтерна. Харьков. 1927. 40 стр.

Angus H. F. The problem of peaceful change in the Pacific area. L.— N. Y. 1937. VII, 193 p.

Australia and the Far East. Diplomatic and trades relations. By R. M. Hantzke, R. Garran and oth. Sidney. 1936. IX, 310 p.

Peffer N. Japan and the Pacific. L., 1935. 256 p.

Problems of the Pacific. Proceedings of the conference of the Institute of pacific relations. 1—5 (1927—1933). London — Chicago. 1928—1934.

21. Японская агрессия в Китае

Чжен-Лин. Китайский народ в борьбе против японского агрессора. М. 1938. 56 стр.

Actes de la Session extraordinaire de l'Assemblée convoquée en vertu de l'article 15 du pacte sur la demande du gouvernement chinois. Vol. I. Genève; 1932.

L'agression japonaise et la conférence des neuf puissances à Bruxelles. Bruxelles. 1938. 78 p.

Appeal by the Chinese government. Report. Geneva. 1932. 148 p.

The Far Eastern problem. Official text and summary of the Lytton report. Worcester — New York. 1933. 87 p.

Japanese agression and world opinion (July 7 to October 7 1937). Geneva. 1937. 127 p.

The sino-japanese conflict and the League of nations. 1937. Geneva. 1937. 250 p.

Wellington Koo. Memoranda. Presented to the Lytton commission. Vol. 1—2. N. Y. 1932.

Аварин В. Империализм в Маньчжурии. Т. I—II. М. 1934.

Коган А. Национально-освободительная война героического китайского народа. М. 1939. 144 стр.

Стимсон Г. Д. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения о событиях на Дальнем Востоке в 1931 и 1932 годах. Перев. с англ. М. 1938. XVI, 196 стр.

Bisson T. A. Japan in Chine. N. Y. 1938. 417 p.

Tuillié A. R. La Mandchourie et le conflit Sino-japanais devant la Société des nations. P. 1935. 379 p.

Vevre F. La reconnaissance de jure de la régence de Mandchourie et le traité des neuf puissances. P. 1932. 137 p.

22. Советско-германский договор о ненападении 1939 года

Молотов В. М. О ратификации советско-германского договора о ненападении. Сообщение председателя Совета народных комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел т. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года. М. 1939. 16 стр.

23. Вторая империалистическая война

Blaubuch der britischen Regierung über die deutsch-polnischen Beziehungen und den Ausbruch der Feindseligkeiten zwischen Grossbritannien und Deutschland am 3 September 1939. Basel. 1939. XXV, 241 S.

Deutschland-England 1933—1939. Die Dokumente des deutschen Friedenswillens. Hrsg. von. F. Berber. Essen. 1940. 250 S.

Documents diplomatiques 1938—39. Pièces relatives aux événements et aux négociations, qui ont précédés l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne d'une part, la Pologne, la Grande Bretagne et la France d'autre. P. 1939. 359 p.

Dokumente zur englisch-französischen Politik der Kriegsausweitung. B. 1940. (Auswärtiges Amt. 1940, № 4).

Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. B. 1939. XXVII, 448 S. (Auswärtiges Amt. 1939, № 2).

Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Hrsg. vom Auswärtigen Amt der deutschen Regierung. Basel. 1940. XLI. 595 S. (Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. September 1939, Fasc. 5).

Gelbbuch der französischen Regierung. Diplomatische Urkunden 1938—1939. Akten über die Ergebnisse und Verhandlungen, die zum Ausbruch der Feindseligkeiten zwischen Deutschland einerseits und Polen, Grossbritannien und Frankreich anderseits führten. Basel, 1940, LIII, 445 S. Подлинник см. выше: «Documents diplomatiques 1938—1939».

Germany. Documents concerning German-polish relations and the outbreak of hostilities between Great Britain and Germany on September 3, 1939. Miscellaneous, № 9, 1939.

100 Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Auswahl aus dem amtlichen deutschen Weissbuch. B., s. d. 254 S.

Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Erste Folge. B. 1940. (Auswärtige Amt. 1940, № 3).

Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Erste Folge. Basel. 1940. 149 S.

Weitere Dokumente zur Kriegsausweitungspolitik der Westmächte. Die Generalstabsbesprechungen Englands und Frankreichs mit Belgien und den Niederlanden. B. 1940.

Гофман К. Дипломатическая подготовка войны в Европе. «Военно-исторический журнал» № 2 за 1940 год, стр. 40—54.

О международном положении. Сборник. М. 1937. 222 стр.

Churchill W. S. While England slept: a survey of world affairs, 1932—1938. N. Y. 1938. XII. 404 p.

Dulles A. W. and Armstrong N. F. Can America stay neutral? N. Y. — L. 1939. 277 p.

Keppler K. Die Neutralitätspolitik der Vereinigten Staaten von Amerika 1937—1939. B. 1940. 211 S.

Londondery C. S. N. Ourselves and Germany. L. 1938. 183 p.

24. Библиографические указатели

Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930. М. и Л., 1932. 843 стр. (Коммунистическая академия, Научно-исследовательский институт по Китаю).

Almond, N. and Lutz, R. H. An introduction to a bibliography of the Paris peace conference. Collections of sources, archivs, publications and source books. L. 1935, 32 p. (Hoover war library bibliographica series. II).

Bibliographie Balkanique. Rédigée par L. Savadjian. Introd. de M. Muret. T. 1—6. P. 1931—37.

Bibliographie der Sozialwissenschaften. Jahrg. I.— B., 1905.— В настоящее время выходит под заглавием: «Bibliographie der Staats- und Wirtschaftswissenschaften».

Bibliographie von Japan. 1906—1937. Zusammeng. von O. Nachod. Bd. 1—6. L.— Lpz., 1928—1939.

Binkley R. C. Ten years of Peace conference history.—«The Journal of modern history». 1929, Vol. I, № 4, p. 607—629.

Birdsall P. The second decade of Peace conference history.— «The Journal of modern history». 1939, Vol. 11, № 3, p. 362—378.

International bibliography of historical sciences. Vol. 1—8; 12 (f.t.y. 1926—1933; 1937).

Kerner, R. I. Northeastern Asia, a selected bibliography. Contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and eastern Siberia, in oriental and european languages. Vol. 1—2. Berkeley university of California Press, 1939.

Langer, W. and Armstrong, H. Foreign affairs bibliography. A selected and annotated, list of books on international relations, 1919—1932. N.Y.— L. 1933. XVII, 551 p.

Social science abstracts. A comprehensive abstracting and indexing journal of the world's periodical literature in the social sciences. N.-Y., 1929—1932.

Sveistrup, H. Die Schuldenlast des Weltkrieges. Quellen- und Literaturnachweis zu den Interallieerten Kriegsschulden den Reparationen und dem Dawes Plan. 1918—1928. B. 1929. 277 S.

Фундаментальная библиотека по общественным наукам АН СССР. Сектор истории. Сост. Г. Б. Иоганнсен под ред. К. Р. Симона.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Бурят-монгольском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории

Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Улан-Удэ) занимается изучением языка, литературы, фольклора, истории бурят-монголов, а также и других народов (русских, эвенков), живущих в пределах Бурят-Монголии.

Институт под названием «Бурятский ученый комитет» был создан в 1923 г., вскоре после образования Бурят-Монгольской АССР, но на протяжении ряда лет оставался оторванным от социалистического строительства Бурят-Монголии. Он фактически почти не занимался изучением актуальных вопросов языка, литературы и истории, вопросов, связанных с развитием новой культуры. В Институте не было квалифицированных научных кадров. В стенах его долгое время орудовали бурятские буржуазные националисты, сознательно срывавшие правильную постановку научно-исследовательской работы.

Буржуазные националисты под видом разработки языковой проблемы проводили «реформы» за «реформами», срывая тем самым не только стабилизацию грамматических норм бурят-монгольского языка, но и выступая против создания единого литературного языка. Бурятские националисты искусственно разжигали местничество. Они много вредили при переводе политической, исторической, художественной литературы на бурят-монгольский язык, систематически протаскивая панмонгольские, буддистско-ламские термины.

Буржуазные националисты много вредили и на историческом фронте. Некоторые из них открыто отрицали классовое расслоение и классовую борьбу в дореволюционной Бурят-Монголии, замазывали контрреволюционную роль кулачества.

В 1936 г., принимая представителей трудящихся Бурят-Монгольской АССР в Кремле, руководители партии и правительства высказали пожелание, чтобы широкой массе трудящихся стали известны исторические факты, характеризующие угнетенное положение и мужественную борьбу бурят-монгольского народа в условиях царизма, документы, разоблачающие зверства, дикий произвол нойонов, лам и царских чиновников. Вопреки этому буржуазные националисты хотели скрыть от народа богатейшие архивные материалы, держали под спудом замечательные работы первого бурят-монгольского ученого, демократа-просветителя Доржи Банзарова, этнографа Матвея Хангалова, прекрасные образцы фольклора. Они клеветнически изображали Доржи Банзарова завзятым чиновником и убежденным буддистом. Ими совершенно замалчивалась и деятельность известного революционера, достойного сына бурят-монгольского народа Ц. Ц. Ранжурова.

Под руководством большевистской партии бурят-монгольский народ разгромил буржуазных националистов, Бурят-монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории был очищен от контрреволюционно-националистической и прочей нечисти. Институт ныне укомплектован новыми кадрами.

За последние два года работа Института была перестроена. Институт превращен в центр научно-исследовательской работы в области языка, литературы и истории; научная работа Института сконцентрирована на важнейших узловых проблемах. Устранена вредившая делу многотемность в научно-исследовательской работе. Институт установил связь с соответствующими научно-исследовательскими учреждениями Москвы и Ленинграда.

Институт явился инициатором перевода бурят-монгольской письменности на русский алфавит. Были разработаны новый алфавит, правила орфографии, издан краткий справочник по орфографии и пунктуации, первый орфографический словарь и синтаксис бурят-монгольского языка. Летом прошлого года силами Института была снаряжена филологическая экспедиция в Тункинский аймак. Экспедиция занималась изучением местного диалекта и собиранием богатого фольклорного материала. В данное время и. о. профессора К. М. Черемисовым составляются бурято-русский и русско-бурятский словари (последний уже выходит в свет).

В области художественной литературы и фольклора Институтом изданы «Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения», поэма «Айдархан» старейшего писателя-орденоносца Хоца Намсараева, «Сказки Магая» выдающегося народного сказителя Егора Ивановича Сороковикова; вышли также в переводе на бурят-монгольский язык «Отелло» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера. Институт готовит к изданию тексты «Гэсэр», шедевра устного творчества, героического эпоса бурят-монгольского народа.

За последние два года Институт выпустил в свет ряд исследований по истории бурят-монгольского народа, к числу которых относятся работы кандидата исторических наук П. Т. Хаптаева «Национальное движение в Бурятии в период первой

русской революции», В. П. Гирченко «Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920)» и Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.)». Также вышли в свет работы В. П. Гирченко «Русские и иностранные путешественники о бурят-монголах (XVII в. — первая половина XVIII в.)» и сборник воспоминаний и материалов «Борьба за советы в Бурят-Монголии (1918—1920)» и др.

Работники Института принимают участие в переводе и издании марксистско-ленинской, научно-исторической литературы. Изданы в переводе на бурят-монгольский язык отдельные работы Ленина и Сталина. Вышли в свет на бурят-монгольском языке «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова.

Институтом подготовлены к печати труды Доржи Банзарова, представляющие большой научный интерес; большая работа «Ламаизм в Бурят-Монголии», излагающая историю распространения ламаизма, она написана тт. Пупыщевым, Гирченко и Вампиловым; а также «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа» в популярном изложении (автор — и. о. проф. Института П. Т. Хаптаев), монография «И. В. Бабушкин», составленная Г. И. Мишкевич на основе архивных материалов и пространно описывающая сибирский и забайкальский периоды деятельности крупнейшего революционера. Подготовляется публикация исторических документов, летописей (хроник) и других материалов, что явится шагом к всестороннему исследованию истории Бурят-Монголии. Старший научный сотрудник Института Г. Н. Румянцев готовит сборник исторических документов, кроме того он же занимается описанием материалов, хранящихся в архивах Улан-Удэ. Ученый секретарь Института А. Б. Баинов работает над темой «Аграрное движение в Бурят-Монголии (1917 г.)». Ф. А. Кудрявцев работает над второй книгой «Истории бурят-монгольского народа», издание которой намечено в 1941 году.

Особо следует отметить, что Бурят-монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории приступил к составлению и изданию капитальной работы — «Библиографии Бурят-Монголии» (научный руководитель — проф. Н. В. Здобнов, ответственный редактор — Г. Т. Петров); I и IV томы «Библиографии Бурят-Монголии» уже вышли в свет, следующий том находится в печати.

В «Ученых записках», издаваемых Институтом, участвуют не только научные силы республики, но и такие ученые, как член-корреспондент АН СССР проф. Н. Н. Поппе, проф. С. А. Токарев, научный сотрудник Института Востоковедения Е. М. Залкинд. Научные работники Института выступают с докладами, лекциями, статьями по вопросам истории и литературы.

Но это — только начало. Ряд важнейших проблем по истории бурят-монгольского народа далеко еще не разрешен. Неразработанными и неизученными остаются ранний период истории бурят-монгольского народа, история Бурят-Монголии октябрьского и послеоктябрьского периодов, вопрос о периодизации истории Бурят-Монголии, вопрос об экономической мощи дацанского хозяйства и т. д. и т. п. В такой же мере требует разрешения ряд актуальных вопросов бурят-монгольского языка, литературы (создание научного синтаксиса, истории литературы). Разрешение этих вопросов немыслимо без привлечения научных работников соответствующих центральных научно-исследовательских учреждений. Слишком скромный штат научных сотрудников Института, особенно по историческому его сектору (4 человека), не может справиться с такими задачами без надлежащей помощи.

Президиум АН СССР уже вынес специальное постановление об оказании помощи Бурят-монгольскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Институту Востоковедения АН СССР поручено в 1941 г. подготовить к печати неопубликованные исторические бурятские хроники (летописи), сборник бурят-монгольских сказок, а также приступить к составлению диалектологического словаря бурят-монгольского языка. Для изучения раннего периода истории бурят-монгольского народа признано целесообразным организовать по линии Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра специальную археологическую экспедицию в Бурят-Монгольскую АССР. Надо ожидать, что данная экспедиция даст многое для освещения неизученного периода истории бурят-монголов. Это решение президиума АН СССР свидетельствует об определенном интересе и внимании, проявляемом к изучению языка, литературы и исторического прошлого бурят-монгольского народа, ныне равноправного члена великой семьи народов СССР.

Б. Санжиев

Греческие, латинские и немецкие рукописи в библиотеке Харьковского государственного университета

В Центральной научной библиотеке Харьковского государственного университета хранится 24 тома греческих рукописей, 20 томов латинских и 13 томов немецких. Все рукописи написаны на бумаге, за исключением греческой рукописи № 134, написанной на пергаменте. Греческие рукописи по времени написания распределяются следующим образом: один лист рукописи № 134 относится к XIII в., одна рукопись (№ 369)—к XIV в., 6 рукописей— к XV—XVI вв., остальные — к XVII—XVIII векам.

Большая часть греческих рукописей (всего 17 томов) была куплена Харьковским университетом в 1806 г. у частного лица, и тогда же библиотекарь Харьковского университета проф. Бален де Баллю опубликовал подробное их описание (см. «Conspectus praelectionum a 17 augusti 1807 ad 30 junii 1808 anni in Caesarea Universitate Charkoviensi publice habendarum. 1807»). Описание Балена с некоторыми сокращениями перепечатывает O. Gebhardt «Chr. Aug. Matthaei und seine Sammlungen» в «Zentralblatt für Bibliothekswesen», t. 15, 1898 г., стр. 558 сл.

Из рукописей, описанных Баленом, в настоящее время нет налицо только одной — № IX по описи Балена. Еще Гебгардт доказывал, что собрание греческих рукописей, описанных Баленом, сбыл Харьковскому университету через своего агента известный филолог Маттеи и что некоторые из этих рукописей Маттеи в свое время похитил из различных московских библиотек. Маттеи, будучи в 70—80-х годах XVIII в. профессором в Москве и имея свободный доступ в московские библиотеки и архивы, присвоил себе массу принадлежавших этим библиотекам греческих рукописей, которые впоследствии он дарил влиятельным немецким ученым и продавал различным библиотекам, например, Дрезденской курфюршеской библиотеке, Лейденской университетской библиотеке.

Гипотеза Гебгардта вполне подтверждается тем обстоятельством, что харьковская рукопись Арата, Клеомеда и Никомаха № 369 по количеству страниц, по распределению листов между отдельными сочинениями, входящими в состав этой рукописи, и по подбору схолий к Арату совпадает с рукописью Московской синодальной библиотеки, описанной Matthaei, Accurata codd, graec. mss. bibl. Mosq. S. Synodi, notitia er recensio. Lipsiae, 1805, p. 147. CCXXIII. Текст Арата и Клеомеда в харьковской рукописи также в общем сходится с текстом Арата и Клеомеда в московской рукописи (см. колляцию московской рукописи у Matthaei «Lectiones Mosquenses», 1779, т. I, стр. 95 сл.), наконец, таким же образом, как и московская рукопись CCXXIII Matthaei, харьковская рукопись № 369 происходит из Афонского Ватопедийского монастыря (см. пометку этого монастыря в харьковской рукописи на заглавной странице, сверху)[1].

Рукописи Арата теперь в Москве нет; рукопись, которая находится теперь в бывшей Московской синодальной библиотеке на месте рукописи Арата, правда, имеет заглавие (на греческом языке) «Философия Арата и арифметика Никомаха со схолиями», однако заключает в себе не сочинения Арата и Никомаха, а собрание философских трактатов XVI—XVII веков. Гебгардт предполагает, что Маттеи, надеясь на безграмотность московских библиотекарей, заменил рукопись Арата другой, малоценной рукописью, снабдив ее не соответствующим ее содержанию заглавием.

Другая рукопись из собрания, описанного Баленом (121 и 122, по Балену,— VIII), как предполагает Гебгардт, быть может, происходит из бывшего архива Коллегии иностранных дел. Наконец, что касается рукописей новых греческих писателей собрания Балена, то указание на их происхождение Маттеи, повидимому, дает в предисловии к изданию псевдософокловой «Клитемнестры», в котором он говорит о своих дружеских отношениях к одному греку, два раза дарившему ему греческие книги.

Из греческих рукописей, не принадлежащих к собранию Балена, некоторые перешли к Харьковскому университету от основателя его В. Н. Каразина и от профессоров Харьковского университета (рукопись 115 принадлежала ранее проф. П. П. Джунковскому). В. Н. Каразин мог получить рукописи по наследству от своего отца Н. Каразина, который как русский эмиссар принимал участие в борьбе греков против турок, действуя в 1769 г. со своим отрядом в районе Бухареста. Запись в рукописи 64 (на греческом языке) «По решению ее величества великой императрицы государыни Екатерины Алексеевны самодержицы» и дата этой рукописи «1767 г. 20. I, в Бухаресте» говорят за то, что Н. Каразин покупал греческие рукописи и делал заказы на переписку греческих рукописей по поручению императрицы Екатерины II, желавшей иметь славу покровительницы национального возрождения греков.

По своему содержанию особый интерес представляет рукопись XIV в. № 369, заключающая в себе астрономическую поэму «Явления» Арата, поэта III в. до н. э., космографический трактат Клеомеда (II в. н. э.) «Циклическая теория метеоров» и философско-математический трактат Никомаха (около 100-го года н. э.) «Введение в арифметику». Правда, московская (теперь харьковская) рукопись Арата и Клеомеда довольно хорошо известна ученым, однако схолии к Арату в харьковской рукописи еще не в достаточной степени изучены. Харьковские схолии к Арату иногда дают интересные разночтения, имеющие, как мне представляется, значение для восстановления правильного текста схолий. Сличения харьковской рукописи Никомаха с какимнибудь изданием Никомаха до сих пор, как кажется, сделано не было.

Кроме того нужно отметить следующие рукописи еще не опубликованных сочинений писателей XVI—XVII вв., представителей греческого национального возрождения: № 286 (по Балену, V bis) Герасима Влаха — поучение о том, как следует учить евангелию; № 389 (по Балену, IV) Александра Маврокордата—реторика в вопросах и ответах; № 109 (по Балену, V) Георгия Коресия—о применении медицины для лечения духовных

[1] По всей вероятности, рукопись Арата, находящаяся ныне в Харькове, была вместе с другими рукописями вывезена с Афона Арсением Сухановым в 1655 году. О пометках монастырей на рукописях, взятых Сухановым из библиотек отдельных афонских монастырей, см. Белокуров С. «Арсений Суханов». 1891, стр. 341 сл.

болезней — сочинение, в котором автор пытается использовать афоризмы Гиппократа в целях христианской религии; Коридаллея (по Балену, III) — конспект сочинения Аристотеля о небе и критико-философский комментарий к этому сочинению Аристотеля; № 84 (по Балену, VII) Христофора Эмпорокомита «Поэтика»; №№ 365, 145, 144, 143 (по Балену, XI) два экземпляра «Церковной истории» Мелетия (церковная история Мелетия в оригинале не напечатана, опубликован только исправленный и дополненный перевод на народный греческий язык этого сочинения.

Латинские и немецкие рукописи научной библиотеки, за исключением одного листа XIII в. с евангельскими текстами на латинском языке в рукописи № 134, относятся к XVIII в., а некоторые и к XIX в. и содержат главным образом учебники реторики, медицины, истории, химии, богословия учеников школ Украины, Польши, Прибалтийского края и студентов Харьковского университета. Из немецких рукописей для этнографа могут представлять интерес следующие:

№ 158. Sammlungen zur Historie von dem Lande Kamtschatka, derer Einwohner, Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Bewohnheiten. Рукопись написана около 1740 г. и содержит очерк географии и этнографии Камчатки. Даются сведения о Камчатке, ее климате и заболеваниях ее обитателей, о ее фауне и флоре, о рыбной ловле на Камчатке, об истории Камчатки до и после завоевания ее казаками, о ее жителях, их антропологических особенностях, происхождении, религии, характере, склонностях, одежде, занятиях, образе жизни, пище, развлечениях (приводятся тексты и ноты песен туземцев), свадьбах, воспитании детей, правовых порядках, разделении времени у туземцев; даются сведения о туземной медицине, о путешествиях и торговле на Камчатке. В конце рукописи (стр. 531 сл.) приложен дневник путешествия автора на собаках, на 4 маленьких камчатских санках от Большой реки до Лопатки в январе 1740 г.; на стр. 298, 425 и 431 помещены план туземных жилищ, рисунки одежды и головных уборов туземцев [1].

№№ 547—551. Рекомендованный В. Н. Каразиным Харьковскому университету труд Benjamin'a Bergmann'a «Mongolische Blätter gesammelt in der kalmückischen Steppe». Т. I: «Goh Tschekitu» (перевод на немецкий язык монгольской поэмы под этим названием, с предисловием). Т. II: «Versuch zur Geschichte der Kalmückenflucht von der Wolga», с предисловием; стр. 177: письма из калмыцкой степи (от 1-го письма, имеющего дату 30 апреля 1802 г., до 15-го письма, имеющего дату 13 июля 1802 г.), стр. 385: Ideen zu einer Darstellung des tibetanisch-mongolischen Lehrsystems Т. III и Т. IV. «Die Kalmüchen zwischen der Wolga und den Don». Sittengemälde с двумя приложениями: 1) (стр. 275 IV тома) «Ein Heldengesang aus der Dschangeriade; 2) (стр. 319 IV тома). Собрание калмыцких анекдотов. Т. V: «Ssidi-Kür», Mongolische Erzählungen; стр. 159: «Uschandarchan». Eine mongolische Religions-Geschichte; стр. 183: «Bokdo Gaesserchan». Eine mongolische Religions Geschichte in zwei Büchern; стр. 257: Письма. из калмыцкой степи. Продолжение (от 16-го письма, имеющего дату 7 сентября 1802 г., до 31-го письма, имеющего дату 24 февраля 1803 г.) [2].

А. Коцевалов

Выставки в Музее народов СССР, посвященные Карело-Финской ССР и Молдавской ССР

В Музее народов СССР открыта выставка, посвященная Союзной Карело-Финской Советской Социалистической Республике. Выставка начинается показом борьбы народов Советской Карелии против белогвардейцев и интервентов, пытавшихся восстановить власть буржуазии и помещиков.

Центральным экспонатом является карта, отмечающая основные этапы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1922). Она показывает, что Советская Карелия была одним из первых районов, подвергшихся интервенции.

Газеты «Мурманский путь» и «Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» за 1918 г. отражают события того времени. Весной и летом 1919 г. белые армии, перешедшие границы Карелии, пытались оказать помощь Юденичу, двигавшемуся тогда на Петроград. Воззвание политотдела 7-й армии о подготавливаемом ген. Маннергеймом походе на Петроград в 1919 г. и фото, показывающие, как проходила мобилизация комсомольцев на борьбу с белогвардейцами, иллюстрируют этот период гражданской войны в Карелии.

27 июня 1919 г. суда Красной Онежской флотилии и Балтийского флота произвели смелую десантную операцию у Видлицы, на берегу Ладожского озера. В результате главный штаб белофиннов был разгромлен. Товарищ Сталин высоко оценил этот подвиг краснофлотцев, послав на имя штаба дивизии телеграмму, приводимую в экспозиции: «Горячо приветствуем самоотверженную команду, героев красноармейцев и славных моряков, разгромивших врагов России у Видлицы. Уверены, что Рабоче-крестьянская Россия оценит ваш доблестный подвиг» [3].

---

[1] Ср. вышедшее в 1755 г. «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, участника экспедиции Беринга.

[2] Ср. Bergmann B. «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803». Th. 1—4. Riga. 1804.

[3] См. «Исторический журнал» № 1 за 1940 год, стр. 82.

К весне 1920 г. Карелия была очищена от белогвардейцев и интервентов, а 7 июня была образована Карельская трудовая коммуна.

На выставке приводится текст резолюции учредительного съезда трудящихся карел, состоявшегося в начале июля в Петрозаводске. «Карельское трудовое население,— говорится в резолюции,— не хочет порвать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской Россией и совершенно не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ чувствует себя свободно в пределах Советской России и под капиталистическое ярмо ни Финляндии, ни какого-либо иного государства не пойдет. Карельский народ не допустит, чтобы богатства Карелии: воды, леса, водопады, руды, рыбные промыслы — расхищались капиталистической белой Финляндией под предлогом защиты карел от Советской России или под предлогом «национального воссоединения карел с белой Финляндией».

Заключение мира Советской Россией с буржуазной Финляндией в 1920 г. не удержало последнюю от новых попыток наступления на границы Карелии. Осенью 1921 г. финские белогвардейцы и карельские кулаки начали новую антисоветскую авантюру. Однако Красная Армия наголову разбила эти банды. Большую роль в этом разгроме сыграл отряд лыжников, руководимый героем гражданской войны в Карелии Тойво Антикайненом. По глубокому снегу при 35° мороза, ночуя в лесу, впроголодь, отряд осуществил блестящий лыжный рейд в глубокий тыл занятых неприятелем районов. На выставке имеется фотография участников легендарного похода, прошедших на лыжах 980 километров. Подавив белогвардейский мятеж, освобожденный карельский народ стал восстанавливать народное хозяйство, разрушенное за годы гражданской войны и интервенции.

На выставке приводится декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совнаркома об образовании в 1923 г. Карельской Автономной Советской Республики. Вещественные экспонаты и цифровые данные демонстрируют превращение бывшей Олонецкой губернии в передовую советскую республику.

В настоящее время продукция промышленности Карельской республики составляет 90% валовой продукции всего ее народного хозяйства. На выставке показаны образцы полезных ископаемых, древесных пород, рыбные и пушные богатства.

Карта промышленности Карело-Финской республики и фотографии демонстрируют основные предприятия фабрично-заводской промышленности: бумажно-целлюлозные, по переработке металлов и слюды, рыбоконсервные, лыжные и многие другие. Тут же даны и образцы готовой продукции этих предприятий. По всей стране идет разработка гранита, мрамора, кварцита и других природных богатств.

Огромную роль в развитии народного хозяйства играет Беломорско-балтийский канал имени товарища Сталина, в четыре раза сокративший прежний путь из Ленинграда в Архангельск. Картина худ. Соколова изображает товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова, осматривающих канал.

Почва Карело-Финской республики каменистая и неплодородна. Это хорошо показано на картинах худ. Клодта «Вид на остров Валаам» и худ. Суворова «Финляндский ландшафт» (из фондов Третьяковской галереи). Многочисленные фото и таблицы демонстрируют, как колхозы Карелии, превратив каменистые почвы в плодородные, обеспечили получение высоких урожаев и дали карельскому колхознику возможность жить культурно и зажиточно.

Интересны материалы о росте культуры в Советской Карелии. До революции там было 10% грамотных. Для характеристики отношения царского правительства к народному образованию приводится выдержка из сообщения олонецкого губернатора о необходимости открыть 117 школ в губернии с резолюцией Николая II: «Излишняя торопливость совершенно нежелательна». Сейчас в Карелии 95% грамотных, обучение в школах ведется на родном языке, широко поставлено издательское дело. Наряду с сетью низших и средних учебных заведений созданы вузы.

Интересны образцы народных костюмов карел, финнов и русских, прекрасные вышивки, кружева и вязаные изделия.

Ряд материалов посвящен финскому народному эпосу—«Калевале»: экспонируются перевод «Калевалы» на русский язык, высокохудожественная резьба по дереву худ. Раутанена, изображающая пение рун «Калевалы», кантеле—музыкальные народные инструменты, под аккомпанемент которых поются руны,—портреты лучших кантелистов. Тут же представлены и новые руны, проникнутые советским патриотизмом, любовью к партии и нашему вождю товарищу Сталину.

Последний раздел посвящен военным действиям на Карельском перешейке зимой 1939—1940 г., когда наша доблестная Красная Армия, разгромив финскую белогвардейщину, обеспечила безопасность наших границ и в первую очередь безопасность Ленинграда.

Внимание посетителей привлекает здесь схема финских укреплений на Карельском перешейке и ряд документальных фото, показывающих отдельные героические моменты борьбы красноармейцев, шедших на неприступные твердыни; виды городов Выборга, Кексгольма, Сортовала.

Выставка заканчивается экспонатами, относящимися к VI сессии Верховного Совета СССР, посвященной вопросам преобразования Карельской АССР и отошедших к СССР районов Финляндии в союзную Карело-Финскую советскую республику. Это решение, как говорил на VI сессии тов. Жданов, «будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества».

★

В Музее народов СССР открыта также выставка, посвященная Молдавской ССР. Эта молодая республика образована из Автономной Молдавской ССР, входившей в состав УССР, и освобожденной из-под гнета румынских оккупантов Бессарабии.

Выставка показывает, как румынские бояре, воспользовавшись тяжелым положением Советской России на фронтах гражданской войны, начали в январе 1918 г. свое вторжение в Бессарабию. В экспозиции помещены карта боев с румынскими захватчиками и постановление съезда советов Бессарабии с протестом против румынского вторжения. Ряд приводимых в экспозиции документов иллюстрирует переговоры советского правительства с Румынией.

5 марта 1918 г. в Яссах председателем совета министров и министром иностранных дел Авереску был подписан мирный договор, по которому румыны в течение двух месяцев обязались очистить Бессарабию. Однако они не выполнили своего обязательства. Чтобы «узаконить» захват Бессарабии, румынская военщина при помощи кровавого насилия и грубого подлога инсценировала «присоединение» Бессарабии. Под давлением штыков так называемый Краевой совет Бессарабии, или по-молдавски Сфатул Церий, 27 марта 1918 г. принял навязанную ему резолюцию о присоединении Бессарабии к Румынии.

Ответом на румынскую оккупацию явилось широкое партизанское движение трудящихся Бессарабии. Особенно прославились партизанские отряды, руководимые легендарным героем гражданской войны Григорием Ивановичем Котовским. На выставке имеется подлинный экземпляр автобиографии, собственноручно написанной Г. И. Котовским, где он говорит, что «1905, а потом последующие годы создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян». Здесь же выставлены его портрет, личные вещи (шинель, портупея) и документы, относящиеся к периоду гражданской войны и первым годам хозяйственного строительства.

Раздел, посвященный Котовскому, завершают бюллетень газеты «Робітниче-Селянська Правда», посвященный трагической смерти неутомимого революционера, и характеристика, данная товарищем Сталиным Котовскому: «Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я товарища Котовского. Вечная ему память и слава» [1].

Оккупировав Бессарабию, румынская военщина отобрала землю у крестьян и установила власть помещиков и жандармов. Румынские оккупанты жестоко эксплоатировали рабочих и крестьян, тяжелое положение которых усугублялось национальным гнетом. Все это вызывало многочисленные восстания трудящихся Бессарабии.

Подлинные документы, приводимые на выставке, рассказывают о восстании в Хотинском уезде в январе 1919 г., когда румынской военщиной было сожжено много сел, расстреляно более 5 тыс. крестьян, а несколько десятков тысяч бежало на советский берег Днестра. Другое крупное восстание, показанное в экспозиции, вспыхнуло в южной части Бессарабии, в местечке Татар-Бунары, в сентябре 1924 года. Румынская армия при участии флота в течение ряда месяцев боролась против восставших. При усмирении были сожжены местечко Татар-Бунары и ряд сел, убито в боях и умерщвлено в плену свыше тысячи человек, а 500 человек осенью 1925 г. было предано военному суду. Демонстрируемые на выставке иностранные журналы того времени говорят о всеобщем внимании и повсеместных протестах, вызванных этим процессом.

На выставке дается также фотография знаменитого кишиневского тюремного замка с его 18-саженными башнями, подлинный костюм политзаключенного этой тюрьмы и резиновая дубинка, которой тюремщики расправлялись с политзаключенными. Но ни репрессии, ни жесточайшие истязания и пытки не могли остановить борьбы рабочих и крестьян, руководимых компартией. Это показывают листовки Бессарабского комитета румынской компартии.

Румынские оккупанты превратили Бессарабию в страну нищеты и голода. На выставке имеются фотографии оборванных, нищих детей бессарабских крестьян, полуразрушенных хибарок на окраинах Кишинева, где ютились рабочие. А в это время по другую сторону Днестра развивалась и цвела Молдавская АССР.

Интересна листовка Бессарабского областного комитета румынской компартии, посвященная созыву I Всемолдавского съезда советов в городе Балте. «Там, за Днестром,— говорится в листовке,— в нескольких верстах от нас, творится новая и свободная жизнь. Там, в АМССР, рабочие и крестьяне получили возможность устраивать свободно свою национальную и трудовую жизнь. А мы, бессарабские рабочие и крестьяне? Мы уже 8-й год стонем под игом румынских бояр, под тяжелой стопой румынской солдатчины. Еще не зажили раны от розог, еще не выстроены сожженные румынами деревни... Долой румынских палачей! Да здравствует Кишинев — столица объединенной АМССР!» — заканчивает листовка.

Цифровой материал, подтверждаемый фотографиями и рисунками, демонстрирует громадные хозяйственные сдвиги за годы советской власти в Молдавии. До революции две трети земли находилось в руках помещиков, кулаков и монастырей. Промышленности в старой Молдавии не было, если не считать одного сахарного завода и нескольких кустарных предприятий. В настоящее время в Молдавии 235 предприятий, среди них 3 крупных консервных завода, 8 винодельческих заводов и др. Здесь представлены образцы продукции этих заводов. В Молдавии 716 колхозов, 27 машинно-тракторных станций. Ведущими отраслями сельского хозяйства являются

[1] См. сборник «Герои гражданской войны в СССР», стр. 63. 1936. Воениздат.

садоводство, виноградарство и огородничество. В витрине показаны прекрасные образцы фруктов, овощей и винограда молдавских колхозов.

Внешний вид и внутреннее убранство хат говорят о зажиточной жизни молдавского колхозника.

На выставке приводятся данные о культурной революции в Молдавии. В царское время в Молдавии было 8% грамотных. В 1940 г. в республике осуществлена сплошная грамотность, открыты 504 школы, из них 145 молдавских, организован ряд техникумов, вузов, научно-исследовательский институт, имеется три театра, широко разветвленная сеть кино, клубов, хат-читален. Замечательные ковры, вышивки, ярко орнаментированные костюмы показывают богатство изобразительного творчества молдаван.

На выставке показано, с какой беспредельной радостью и воодушевлением встречали жители Бессарабии и Северной Буковины Красную Армию. Здесь же представлено обмундирование румынских офицеров, в спешке брошенное при бегстве.

В последнем разделе выставки показывается торжественный момент заседания VII сессии Верховного Совета СССР, где было вынесено решение образовать Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, и выставлен ряд материалов, показывающих выборы от новых областей Молдавской ССР в Верховный Совет трудящихся СССР.

О. Ионова

Этнографическая экспедиция в Западную Сибирь

Летом 1940 г. кафедрой этнографии МГУ и Московским отделением Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР была организована этнографическая экспедиция к хантам и мансам (остякам и вогулам) Березовского и Кондинского районов. В состав экспедиции входили руководитель, доцент А. М. Золотарев и студенты-этнографы В. И. Абакумов, З. Э. Дзенис, Я. С. Смирнова, Д. Н. Далгат. Экспедиция посетила глухие места Советского Севера, где сохранились пережитки родовых отношений и шаманистической религии, еще не вытесненные до конца новой, социалистической культурой. Экспедицией собран большой материал по этнографии и произведены попутно археологические разведки.

Предварительные результаты работы таковы. Население обследованного района делится на две группы. Первая группа селений — хантэйские юрты Лахтат-курт, Халапанты, Калтасяны, Чемаши, Мулегорт. Пять сел, расположенных в сравнительной близости друг от друга, связаны общностью хозяйственных и культурных признаков, раньше они имели общие охотничьи угодья. Население этой группы оседлое, сильно обрусевшее. По-русски говорят все мужчины и многие женщины.

Жилые постройки обычно смешанного типа, больше напоминающие русскую избу чем хантэйские юрты, печи русские. Совсем отсутствует мужской национальный костюм; женский еще сохранился ввиде платья (ерназ), которое шьется на кокетке с обильными сборками и надевается прямо на тело, и шубы (сах) халатообразного покроя с разрезом спереди, на завязках вместо пуговиц.

Так как в этом районе нет оленеводства, то шубы обычно шьются из птичьих шкурок (утки, гагары, лебеди) и заячьего меха. Кроме того для верха шубы используют иногда рыбью кожу, обычно налима или щуки. Поверх шубы надевается сатиновый или ситцевый халат (оптысах), орнаментированный апликациями из узких полосок разноцветной материи.

Основные отрасли хозяйства — рыбная ловля и охота.

Наряду с рыбной ловлей и охотой жители занимаются возделыванием картофеля и репы и разведением крупного скота. Собак разводят исключительно охотничьих. Езда на собаках сохранилась лишь ввиде пережитка. В специальные собачьи нарты (ампухт) запрягают не больше двух собак.

В описываемой группе сел покойников хоронят в дощатых гробах. Гроб зарывают в землю на глубину 1—1½ метра. Над могилой строится дощатый домик с двускатной крышей. Специального погребального костюма нет, но на покойника надевают рукавицы (пос) и плотно завязывают их у кисти. Лицо покойника закрывают куском белого материала, на котором бисером вышиты глаза, нос, рот.

Вторая группа сел — мансейские села Комудваны, Вежекары, Тугияны, Самутнелы, Вонзеват — уже по внешнему виду отличается от поселений первой группы. Жилища здесь преимущественно хантэйского типа: бревенчатые срубы с двускатной крышей и чувалом. Во всех домах по передней или боковой стенке идут широкие, разгороженные на несколько частей нары (норы).

Поселения делятся на летние и зимние, и ежегодно весной и осенью совершаются переселения со всем имуществом и скарбом. В летних поселениях употребляются берестяные юрты. Юрты эти четырехугольные, с двускатной крышей на каркасе из тонких веток.

Очень интересно одно мансейское селение, Вежекары. Там в одном конце села зимние, а в другом — летние юрты, и каждую весну и осень обитающие там манси переселяются из одного конца деревни в другой. По-русски говорят лишь мужчины, и то изредка, женщины совсем не говорят.

Наряду с женской национальной одеждой появляется и мужская рубашка (ерназ), на кокетке с прямым воротником. Вместо русского покроя мужской шубы появляется малица, глухая, сшитая вместе с шапкой, мехом внутрь. По-местному она назы-

вается мальея. Поверх малицы надевают кусь, тоже из оленьего меха. По праздникам кусь заменяют паркою, отличие которой от куся в том, что она украшена меховой мозаикой. Женщины ни малицы, ни куся не носят. На этот счет существует предание: Урт, сын Томура (верховного божества), сделал людей из земли, вдохнул в них душу — лиль — и пошел к Торуму спросить, во что их одеть, чем кормить; Торум ответил ему: «Корми рыбой, зверем, а надевают пусть мужики малицу, а женщины — сах (халат)». Так с тех пор и повелось.

Из птичьих и рыбьих шкур здесь одежды не шьют. В хозяйстве этой группы наряду с рыбной ловлей и охотой существует и оленеводство. Хантэйское оленеводство весьма примитивное. Олени используются лишь для езды. Оленье молоко не употребляется, на мясо же, ввиду малочисленности стад, оленей убивают очень редко. Оленьи стада невелики, всего лишь в несколько десятков голов. Олени и зиму и лето проводят на выпасе, никаких затрат на прокорм их хозяин не несет. Специальной оленной собаки нет. Загонять оленей обучают охотничью собаку. По преданиям, ханты получили оленных собак от коми, а оленеводство — от ненцев. В каждом стаде имеется священный олень, которого нельзя запрягать; есть также олени, которых может запрягать только мужчина. В этом районе практикуется еще, правда в очень редких случаях, езда на собаках.

Хоронят здесь не в гробах, а в маленьких лодках — айхоп. У такой лодки отпиливают нос и корму, забивают отбитые места досками. В лодку вместе с покойником кладут его домашние вещи: чашки, блюдца и т. п. Лодку-гроб не зарывают, а просто опускают в яму. Сверху яму закрывают несколькими ветками березы, которые покрывают берестой. Поверх строят двускатную крышу.

Удалось обнаружить остатки фратриального устройства хантэйского общества. Все ханты делятся на людей «пор» и людей «мось». Люди «мось», по преданию,— небесные люди, а «пор» — земные. Сравнительно недавно фратрии были экзогамны, патрилинейны и жили обособленно, в отдельных поселках.

В быту хантов до сих пор существует много обычаев и запретов, свидетельствующих о приниженном положении женщин. Так, женщина должна закрывать лицо от старшей мужской родни мужа, не должна брать в руки предметы мужского производства и промысла: топор, охотничье ружье, сети. Нельзя женщине даже и перешагнуть через них, нельзя ездить в лодке, в которой рыбачат. Если женщина нарушит этот запрет, то вещь надо очищать — окуривать дымом.

Нары в переднем углу дома считаются священными и недоступны женщине. Над этими нарами на полочке стоит «святой ящик», в котором лежат дары тонху — духу: платки, куски мануфактуры, которые женщина тоже не смеет трогать.

Нельзя женщине ходить также и на «святые места», где приносят жертвы тонхам. Даже проезжая на лодке мимо такого «святого места», женщина должна закрыть лицо платком; вблизи таких мест она не смеет пить воду из реки. «Святые места» эти чрезвычайно интересны. Там, кроме сложенных конусом палок с остатками шкур жертвенных животных, находится «святой амбарчик» (смунг лобаз) с дарами тонху, затем дерево, обычно береза, ствол которой одет в халаты. Количество халатов, надетых один на другой, нередко превышает 100 штук. Здесь же, у дерева, стоят долбленые корытца, из которых едят мясо жертвенных животных.

За несколько дней до рождения ребенка женщина должна уйти в айхот — дом, либо общий для нескольких семей либо пристроенный к главному дому и предназначенный специально для родов. После рождения ребенка женщина должна пробыть в этом домике два месяца. Лишь после обряда очищения, который заключается в перепрыгивании через маленькую лодочку с горящей в ней шкуркой бобра, женщина может входить в большой дом.

Существует много древних обычаев, связанных с убийством медведя. Медведь считается у хантов животным священным, и поэтому убийство его сопровождается ритуальным праздником — с угощением, песнями и плясками, музыку которых экспедиции удалось записать.

По всем селам была изучена система родства, любопытные расхождения в произношении и содержании терминов родства отмечены экспедицией в разных, часто соседящих поселениях.

Собрана также интересная коллекция хантэйских вещей: хантэйские национальные костюмы из ткани и меха, богато орнаментированные; изделия из бересты, тоже богато орнаментированные стилизованным звериным орнаментом; хантэйский сложный лук, который теперь уже не употребляется, чирканы. Представлены в коллекции музыкальные инструменты, а также предметы культа: шаманский бубен, ритуальный халат и др. Всего в собранной коллекции около 100 вещей. Все эти вещи экспонированы на выставке археологических и этнографических экспедиций Московского государственного университета (Моховая ул., 9, 3-й этаж).

Экспедицией обследованы два городища: одно — близ деревни Шеркалы, упоминаемое в актах XVI—XVII вв., а также Бахрушиным С. В. в его работе «Остяцкие и вогульские княжества XVI—XVII вв.», стр. 41, под имеием Шоркарского городища; другое—против деревни Лувусь — лошадиного города. На городищах собрана керамика и кое-какие костяные и бронзовые поделки. Впредь до обработки материала дату городищ установить не представляется возможным.

З. Дзенис

ОТ РЕДАКЦИИ

В нашем журнале, в шестой книге за 1940 г., в статье «О практике защиты диссертаций», указывалось на то, что у одного из диссертантов, тов. Бахтиарова, в его диссертации имеется прямой плагиат и встречаются места, обнаруживающие незнание автором подлинных источников, на которые он ссылается.

Диссертант тов. Бахтиаров и его официальный оппонент тов. Э. Генкина обратились к нам с просьбой еще раз проверить обоснованность обвинения, выдвинутого против тов. Бахтиарова в указанной выше статье.

Произведенной проверкой установлено, что квалифицировать диссертацию тов. Бахтиарова в целом как плагиат было бы несправедливо. Однако диссертация тов. Бахтиарова страдает неряшливостью и небрежностью, в частности диссертант нарушил элементарные правила цитирования других авторов. Так например в ряде случаев, используя материал других авторов почти дословно, тов. Бахтиаров не делает ссылок на этих авторов и не берет принадлежащий им материал в кавычки, что является, безусловно, неправильным, недопустимым.

Все это послужило основанием для тех обвинений, которые были выдвинуты против тов. Бахтиарова в указанной выше статье.

SOMMAIRE:

CONTENTS:

LNHALT:

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113. Тел. К 0-70-16

А 36829. Изд. № 410. Зак. № 626. Тираж 35 000.
Подп. к печати 28/III 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.